

СИКСІН
КОФІАН
І ВОЙСТВО
МІРКА

Северо-Запад

Annotation

Туран, Султанапур и окрестности. После долгих лет отсутствия Конан возвращается в Туран с целью взыскать кое-какие старые долги, а также хорошо повеселиться. Ну и повеселились... Зуагиры, чудовища и племя заколдованных гномов-джавидов, которые лезут из кожи вон, дабы заполучить давно потерянное некое сокровище их рода. В игре также принимают участие султанапурский маг, нестандартная зуагирская красотка, гном-полукровка, крутой, как не знаю что, шпион Страбонуса по имени Дагарнус, он же маг-самоучка, содержательница публичного дома мадам Стейна и многие другие. Горы трупов и магических штучек. Сокровище джавидов выполняет любое желание – но только одно!

- [Олаф Бьорн Локнит](#)

- [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)

- [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)

- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)

- [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ](#)

- [ЭПИЛОГ](#)

Олаф Бьорн Локнит

Песчаные небеса

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЛАВНЫЙ ГОРОД СУЛТАНАПУР

*Посвящается Брайану Дугласу,
без которого не случилось бы
всего этого безобразия...*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Восходящее солнце осветило невысокие предгорья Кезанкийских гор, к подножию которых застывшими желтыми волнами подступала пустыня. Словноброшенные с вершин рукой неведомого исполина, бесформенные глыбы серого песчаника скатились и замерли, застигнутые врасплох багровым предутренним светом.

Лежащий на земле человек поднял голову, посмотрел на холодное еще светило и, поежившись, плотнее закутался в шкуру добывшего им не так давно горного льва. Поворочавшись еще немногоО, он, поднялся, сбросил шкуру и сделал несколько резких, круговых движений руками, согреваясь и прогоняя остатки сна.

По виду это был, скорее всего, северянин. Его происхождение выдавало лицо – скуластое, с жесткими чертами, точно вырубленными из камня смелой рукой резчика. Прямой нос, синие глаза, тонкая, слегка изогнутая книзу линия губ и относительно светлая кожа говорили за то, что родом он был из варварских стран: Киммерии или Ванахейма. Его плотно сбитую, мускулистую фигуру облегала кожаная безрукавка; не стеснявшие движений штаны из легкой замши были заправлены в прочные, добротные сапоги из грубой кожи. На плечах и груди к безрукавке были приклепаны металлические пластины с незамысловатой чеканкой. Весь внешний вид его наводил на мысль о том, что северянин был связан с военным делом. Искушенный наблюдатель угадал бы в этом человеке опытного воина по тому, как легко он был вооружен, оказавшись в этих неспокойных местах – рядом с небрежно брошенной львиной шкурой в простых ножнах покоился меч, достаточно большой, чтобы использоваться как двуручный, и для рослого варвара не слишком тяжелый. Чуть поодаль лежал тощий дорожный мешок, и никакого другого оружия или экипировки не было.

Немного согревшись и размяв онемевшие от ночного холода мышцы, воин огляделся. Желтовато-коричневые скалы Кезанкии остались у него за спиной, и теперь стоило лишь спуститься с пологих предгорных холмов, чтобы под ногами оказался не камень, а мягкий сыпучий песок пустыни, тянувшейся до самого Султанапура. Вспомнив о том, как сильно нагреваются к полудню барханы, северянин поморщился – хорошо сапоги на ногах, а то не избежать бы ожогов на ступнях. А если б еще лошадь была! Но она осталась далеко позади, на месте схватки с горным львом, когда могучий хищник сумел подобраться к месту предыдущей ночевки, не разбудив спавшего чутким сном путника, и одним ударом огромной лапой сломал несчастной лошади хребет. Проснувшись от отчаянного ржания умирающего животного, северянин вскочил, выхватил меч и после короткой битвы с раззадоренным запахом крови и недовольным внезапной помехой львом, обзавелся новым плащом, освежевав тушу тут же, при ярком свете луны.

Внимательный взгляд воина скользнул по равнинам, без труда различая выбивающиеся из общего однообразия детали: чуть правее двигался караван, справа угадывалась пыльная зелень далекого оазиса; на самом горизонте едва виднелось белесое облачко – Султанапур, а еще дальше наливалась синью дымка над Внутренним Морем. Он рассчитывал сегодня, еще засветло, добраться до Султанапура, пусть до города и было не меньше трех-четырёх лиг. После долгого перехода по изрезанным ущельями и пропастями кряжам, короткий бросок по простершимся от подножий гор до моря Вилайет пескам не представлялся ему чрезмерно трудным или утомительным, хотя эти лиги и пролегали через песчаные барханы, где ходят одни полудикие кочевники да стада верблюдов.

Восточные склоны Кезанкийских гор, служившие границей империи Туран и Великих Пустынь, издавна считались местом недобрый. Туранцы старались избегать мертвых гор, преграждавших дорогу к Бритунии и Немедии. Обычно караваны из Султанапура должны были преодолеть вначале Хаурен, затем Карпашские горы, чтобы доставить в немедийские города восхитительное оружие из Вендии и изделия мастеров Шангара и Хоарезма. Многие торговцы жаждали найти более короткий и безопасный путь, нежели тот, по которому всегда ходили в западные страны, и, нанимая добровольных разведчиков, отправляли их на поиски новых перевалов к западу от Султанапура. Не все добровольцы возвращались, а те, кому удавалось выжить в безводных и кишащих нечистью кручах Кезанкии, приходя назад, рассказывали всяческие ужасы об обитателях гор.

Человека нанял в немедийском городе Бельверус купец из Султанапура Маджид, желавший по примеру многочисленных своих собратьев по ремеслу рискнуть десятком-другим золотых монет (а заодно и жизнью незадачливого искателя приключений) в обмен на сулившую большие выгоды возможность открыть новый проход в разделяющих государства Востока и Запада горах. Известные перевалы были заброшены уже не один год, ибо проводники отказывались вести караваны, ссылаясь на слухи о расплодившихся там в последнее время нелюдях. А если вспомнить, что два обоза купца Иераха исчезли в Кезанкии бесследно, да еще добавить к тому рассказы эмирских стражников, что охраняли медные рудники, о еженощно пропадающих в копях узниках, то становилось ясно – либо надо искать новые и безопасные пути либо терять многие недели (и, конечно, порядочно денег, уходящих на пограничные пошлины), огибая зловещие перевалы, пусть и дальней, но зато спокойной дорогой с юга.

Приняв предложение купца, северный варвар направился на восток и, собирая в предгорных деревушках Бритунии сведения о почти забытых тропах, все же нашел сравнительно удобную дорогу к крупнейшему из городов туранского севера. Теперь он был уверен, что байки о всяческих непотребных тварях и жутких чудищах, если уж не целиком выдуманы, то, по меньшей мере, преувеличены – из опасных врагов на пути встретился разве что горный лев... Назвать же клыкастую большую кошку невиданным монстром могли только трусливые стражники рудников, мужества и отваги которых хватало только на пьяные драки в грязных чайханах Нижнего Султанапура да на истязания беззащитных узников. Однако нанятого купцом разведчика насторожило кое-что увиденное. Не раз и не два по дороге встречались выбеленные солнцем человеческие скелеты, а в самом сердце гор он наткнулся на огромную груду людских и верблюжьих костей, окруженную разбитыми повозками. Скорее всего, это и был один из сгинувших караванов Иераха, о котором он наслушался еще в Немедии.

Как бы то ни было, но на взгляд северянина, разведенная им дорога не представляла особой опасности, и теперь он спешил в Султанапур, надеясь застать в городе своего нанимателя, чтобы получить причитающуюся по договору вторую половину денег, а затем провести караван купца через заново открытый перевал.

Места эти были знакомы путнику. Несколько лет назад ему пришлось бежать из Турана, оставив в землях империи не слишком добрую память о себе. Будучи наемником в армии царя Илдиза, молодой и пылкий парень сумел рассориться с одним из высоких чинов туранского войска. Предметом раздора, как водится, была женщина, и юный наемник пускай и добился своего в делах сердечных, но, подняв руку на начальника, потерял возможность сделать военную карьеру, а заодно едва не расстался с жизнью.

За годы, проведенные в странствиях по миру, он перепробовал множество занятий – от телохранителя хауранской аристократки до наемника в Боссонских топях. Ему так же довелось учиться воровскому ремеслу и прослыть в некоторых местах отъявленным грабителем и вором, место которому, самое меньшее, на виселице.

Предложение султанапурского купца он принял только потому, что дело показалось стоящим – помимо неплохого приработка, оно сулило жаждавшему новых приключений варвару несколько насыщенных событиями недель, а заодно давало достойный повод скрыться из Немедии, где достаточно много людей, и в их числе законники короля, весьма желали с ним повстречаться... Кроме того, злопамятный северянин немного надеялся встретить в Туране кое-кого из старых знакомых, повинных в том, что годы, минувшие со дня бегства из королевства, прошли не совсем так, как он надеялся, записываясь в войско властителя Турана.

Варвар вытащил из дорожного мешка несколько сухарей и кусок сущеного мяса и, расправив лежащую на земле львиную шкуру, уселся, намереваясь подкрепиться перед долгим переходом. Во фляге еще оставалось немного мутной воды, набранной в пересыхающей речушке неподалеку от главного Кезанкийского хребта. Поболтав в руке купленный в бритунском селении по ту сторону гор медный сосуд, сейчас покрывшийся серовато-зеленым налетом и помятый в нескольких местах, человек прикинул, хватит ли воды на весь день. Вздохнув, он понял, что последние мили, оставшиеся до Султанапура, ему придется идти под палящими лучами, не имея ни капли спасительной жидкости, ибо на весь день того, что плескалось сейчас во фляге, явно не хватит.

Раздумывая, как можно растянуть остатки воды на полный день, варвар снова глянул вниз, на пески. Караван, еще совсем недавно казавшийся далеким миражом, приблизился к предгорьям настолько, что стали различимы даже узоры на темно-синих одеяниях едущих на верблюдах всадников и складки их тюрбанов. Но варвара меньше всего интересовало, во что были одеты зуагиры – его вниманием полностью завладели привязанные к бокам верблюдов бурдюки. Вода! Вот и выход.

“Не сомневаюсь, что эти поганцы, жадные, как и все жители востока, сдерут с меня за несколько капель воды столько же, сколько в трактирах Немедии берут за кувшин сладкого красного вина! – подумал он. – Ну, и Сет с ними! По крайней мере, хоть от жажды не подохну.”

Он залпом выпил все, что оставалось во фляге, позабыв, однако, что кочевники обычно не привечают чужаков и могут вообще отказать в просьбе, сколько бы золота им не предлагалось. Впрочем, в таких случаях, северянин обычно добивался желаемого при помощи своего меча, перед которым легкие сабли зуагиров показались бы попросту детскими игрушками.

Решившись, человек быстро засунул в мешок остатки еды и пустую флягу, укрепил на плечах львиную шкуру, завязав в узел передние лапы зверя, и, нимало не заботясь о том, что его необычная для здешних краев внешность да одежда еще больше насторожат кочевников, быстрым шагом стал спускаться по каменистому склону, направляясь к нескольким десяткам верблюдов и их хозяевам-странникам.

Когда он уже был готов спрыгнуть с последнего невысокого уступа на песок, внимание путника привлекли внезапно раздавшиеся впереди крики людей и жалобный рев одного из верблюдов, который вдруг завалился на бок и забился, тщетно пытаясь вновь подняться на ноги. Северянин приостановился, с интересом наблюдая за происходящим. Столь

незначительное происшествие – подумаешь, верблюд упал – вызвало среди кочевников чудовищную панику: люди с воплями разбегались в разные стороны от поднявшегося над несчастным животным облака пыли, бросив на произвол судьбы и имущество, и своего сородича, ехавшего на горбатом звере, с которым сейчас творилось явно что-то нехорошее. Но этим все не кончилось. Одновременно, еще с полдесятка верблюдов рухнули на песок, и сразу же вокруг них закрутились пыльные вихри, а мгновение спустя глазам наблюдавшего за непонятными событиями варвара открылось жутковатое зрелище. Одетый в темно-синий аграпурский халат зуагир, спасаясь от таинственной опасности бежал прямо туда, где на скальных обломках стоял северянин. Неожиданно казавшийся надежной опорой песок разверзся прямо под ногами бежавшего, и из образовавшейся воронки взметнулось гибкое, длинное щупальце, заканчивающееся неким подобием клешни, с той лишь разницей, что вместо двух сочленений оно имело три коротких пальца с острыми коготками на концах, а меж ними виднелся желтый глаз с узким, похожим на змеиный, зрачком. Почти сливавшаяся по цвету с песком конечность неведомого чудовища рванулась к зуагиру, он, сделав отчаянный прыжок, увернулся, но лишь для того, чтобы сразу упасть, наступив на полу своего длинного халата. В тот же миг трехпалая клешня намертво вцепилась в его одежду, а затем щупальце, вытягиваясь из воронки, начало, наподобие веревки, обвивать ноги истошно взывающего о помощи человека.

– Так недолго и без воды оставаться! – пробурчал под нос темноволосый варвар. – Интересно, что это за тварь? Никогда таких не видел...

Человек выхватил из-за спины длинный меч, который не раз выручал его во многих переделках, и молча бросился вперед. Достигнув в несколько прыжков опутанного гибкой конечностью подземной твари кочевника, он сплеча рубанул по отвратительно извивающемуся, напоминающему толстого червя, щупальцу в том месте, где оно высывалось из песчаного углубления. Даже могучей силы северянина не хватило на то, чтобы перерубить его сразу, и варвар, грозно рыкнув, вновь занес меч, вкладывая в следующий удар всю мощь, на которую были способны его железные мышцы. На этот раз меч вошел в плоть песчаной твари и рассек ее. Обрубок начал быстро втягиваться в воронку, оставляя на песке странную, молочно-белую жижу, пахнущую чем-то, напоминающим пещерную плесень, встречающуюся в горах Киммерии. Бегло оглядев кочевника, судорожно сдирая с себя желтоватую плеть, которая продолжала бессильно подергиваться, щелкая коготками на конце трехпалой клешни, северянин решил, что здесь его помощь более не требуется и побежал туда, где выпрашивающиеся из барханов щупальца продолжали разгром каравана.

Как всегда, молодой варвар кинулся в бой, не раздумывая – он даже толком не представлял себе, с кем именно нынче пришлось схватиться. Метясь меж захваченными в цепкие объятия монстра людьми и животными, он перерубал одну за другой десятки живых веревок, упорно не желавших расставаться с добычей. Краем глаза варвар заметил, что теперь не один – несколько опомнившихся от внезапного нападения кочевников, выхватив узкие, изогнутые сабли, отчаянно отбивали своих товарищей, неистово кромсая на куски кошмарные отростки скрывающегося под слоем песка чудовища.

Надрывные крики женщин, визг детей, громкий верблюжий рев, вздымающиеся в воздух столбы песка и пыли обратили мирно просыпавшуюся пустыню в подобие кошмарного сна, но весь ужас был еще впереди. Когда, казалось, битва с неизвестным врагом подходила к концу, ибо северянин с помощью десятка зуагиров отбил у щупалец всех людей, которых они

еще не успели затянуть в песок, в нескольких шагах от варвара земля забурлила, к небесам рванулся пылевой вихрь, оседая тончайшим слоем на одежде оцепеневших кочевников. Едва облако рассеялось, стало видно, что совсем рядом в песке образовалась огромная, не меньше сорока шагов в диаметре, воронка, на дне которой шевелилось создание, от одного взгляда на которое хотелось бежать без оглядки до тех пор, пока есть силы и бьется сердце.

– Песчаный равах!!!

Чей-то сдавленный крик разорвал повисшую вокруг воронки тишину, и, словно в ответ, послышалось леденящее кровь шипение существа, названного равахом.

– Великий Кром, это что еще за?.. – северянин запнулся, подыскивая эпитет для не виданного им доселе монстра, но ничего подходящего не нашел. Зато возникло желание уносить отсюда ноги да побыстрее. Мало того, что этот самый равах размерами превосходил того же горного льва, по меньшей мере, вчетверо, так еще и выглядел на удивление отвратно.

– Ничего себе, сходил за водичкой!.. – усмехнувшись над самим собой, пробормотал варвар. – Но пить-то я все равно захочу...

Толстое, в три обхвата, тело раваха поднималось из воронки подобно кобре, готовящейся к нападению, только вот змею жуткое существо напоминало лишь отдаленно. Висящие складки буроватой, бугристой кожи мерно колыхались при тяжелых движениях гигантского червя. Конусообразная, безглазая голова медленно поворачивалась, будто принюхиваясь в попытке отыскать того, кто осмелился помешать владыке песков в его охоте. В темной щели рта угадывались несколько рядов мелких игольчатых зубов, волнообразно двигавшихся вправо-влево, наподобие громадной тёрки, и готовых перемолоть в кашицу любого, кто попадется на пути. Можно было ясно различить свисавшие с углов рта ключья верблюжьих шкур с остатками кроваво-красного мяса, а морда твари была вымазана смесью песка и крови. Вокруг пасти извивались десятки тех самых щупалец, которые он выпускал наружу, прячась в песке. Самые крупные отростки имели, кроме когтистых клешней, уже виденные северянином золотистые глаза – оно и понятно, раваху, обитавшему под землей, органы зрения нужны были только для того, чтобы искать добычу. Затем в дело вступали слепые, но более сильные щупальца, подтягивавшие жертву к зубастой пасти раваха, который появлялся на поверхности только в исключительных случаях.

Как, например, сегодня.

Варвар оглянулся, отметив про себя, что попросту остался один на один с равахом – только что мужественно освобождавшие своих соплеменников от смертельной хватки червя зуагиры с воплями ужаса бежали прочь от места, где из песка показался хищный монстр. И сейчас равах нацеливался на стоявшего перед ним человека, причинившего ему в этот день неприятностей вдвое больше тех, что выпали за столетия, пролетевшие со дня первой охоты...

Северянин поднял меч и медленно двинулся в сторону гиганта. С быстротой, которой варвар не ожидал от столь огромного существа, равах кинулся на него, стремясь оплести щупальцами и обездвижить. По-кошачьи извернувшись, человек избежал смертельных объятий, взмахом клинка отхватив несколько отростков. Равах отпрянул, втянув в себя многочисленные трехпалые руки, изогнувшись, поднял кверху заостренную голову и испустил дерущее слух свистящее шипение. А в следующий момент разъяренный червь пустыни, решив покончить с жалкой козявкой одним стремительным ударом, рванулся вперед, на мгновение завис в воздухе, а затем обрушился всей тяжестью могучего тела на варвара, рассчитывая раздавить его в лепешку. Человек уже прощался с жизнью,

инстинктивно отскакивая назад и прекрасно понимая, что даже с его ловкостью и быстротой увернуться от падающего тулowiща огромной твари не удастся. Спасла ли варвару жизнь случайность, или же обострившаяся до предела жажда бытия, он даже сам не понял – в следующее мгновение, споткнувшись о брошенный в панике зуагирами мешок с каким-то добром, он упал на спину, выставил перед собой меч и, отведя в сторону от своего тела рукоять, ткнул ее в песок.

Если бы острие клинка не вонзилось в грубую кожу раваха по меньшей мере на две трети, и, отдернувшись от резкой боли, чудовище бы не выгнулось дугой, вырвав из ладоней северянина рукоять меча, варвара ждал печальный конец. Но когда монстр, шипя, как тысяча разъяренных змей, вскинулся, почувствовав в собственной плоти холодную сталь, варвар откатился в сторону, а равах рухнул на то же место, вогнав в себя меч по самую гарду.

Человек быстро отполз в сторону от бьющегося в агонии чудища, встал на ноги и, отряхнув налипшие на вспотевшее лицо песчинки, стал ждать. Равах свивался кольцом, поднимая в воздух тучи пыли, подобно гигантской плети, бился среди барханов, исходя жалобным свистом. Из его бездонной пасти хлынул поток той самой белесой мерзости, которая, как видно, была его кровью. Постепенно движения червя становились все более редкими и слабыми, прокатывающиеся по щупальцам волны судорог затихали, еще немного – и равах, вздрогнув последний раз, безжизненно вытянулся и обмяк. Все было кончено.

– И как это у меня получилось, сам не знаю... – хрипло прогудел северянин. Еще некоторое время он постоял, наклонив голову на бок, рассматривая теперь уже безвредного червя пустыни, а затем решительно направился к простертому телу поверженного противника. Преодолевая несносную вонь, исходившую от все еще вытекавшей из пасти раваха “крови”, человек обследовал огромную тушу, надеясь, что его меч не зажат между ней и песком – в таком случае вытащить клинок без чьей-либо помощи не представлялось возможным. По счастью, он обнаружил свое оружие довольно скоро – отполированная ладонями рукоять торчала из грязно-желтого, ребристого брюха. Несколько раз безуспешно попытавшись выдернуть меч, северянин уперся в тело червя ногой, ухватил гарду обеими руками и с большим трудом все-таки вытянул клинок, покрытый сероватой слизью. Взглянув на ощеренную пасть монстра, человек внимательно осмотрел ряды острых клыков, между которых застяли лохмотья верблюжьей шерсти, а кое-где даже клочки синей и белой ткани, совсем недавно еще бывшей чьим-то одеянием. Отбив острием меча с полдесятка самых крупных зубов, северянин ссыпал их в кожаный мешочек, висевший у пояса. Затем он тщательно очистил лезвие о песок, и, поймав зеркальной гладью стали солнечный луч, удовлетворенно пробурчал:

– Так-то лучше будет. А теперь я хочу пить еще сильнее, чем раньше. Ну-ка посмотрим...

Вокруг были разбросаны свалившиеся со схваченных равахом верблюдов тюки, а среди них виднелись и несколько надутых бурдюков, явно полных воды. Подняв один из них, северянин удовлетворенно хмыкнул.

– Ну вот, теперь можно и до Султанапура добраться.

Порыскав среди барханов, он отыскал полузатоптанную в песок львиную шкуру и свою запыленную дорожную суму. Вытащив из нее флягу, он вернулся к оставленному подле мертвого раваха бурдюку с водой, развязав горловину, стянутую ремешком, поднял кожаное вместилище с булькавшей в нем жидкостью и хлебнул.

– Тыфу, пропасть!

Бурдюк оказался наполнен вовсе не водой, а любимым пойлом кочевников –

перебродившим верблюжьим кумысом, который они почитали за напиток, многократно превосходящий лучшие вина Коринфии как по вкусу, так и по опьяняющим свойствам. Но, с точки зрения северянина, употреблять эту гадость могли только привычные к ней зуагиры или законченные пьяницы, которым все равно, что лить в глотку. К первым он себя точно не относил, а вот до состояния вторых пока ещё не опустился. Поэтому он с отвращением выплюнул пахнущую верблюжьим навозом светлую жидкость, и, завязав бурдюк, швырнулся на песок. Но надежда отыскать емкость с водой все же не покинула его. После непродолжительных поисков обнаружить таковую удалось, фляга оказалась наполненной, и варвар уже собрался было отправиться в путь. Но добраться в Султанапур без дальнейших приключений ему не удалось.

— Явились... Долго ж они прятались, шакалы трусливые.

Разбежавшиеся от места поединка северянина с равахом кочевники теперь осторожно приближались к одинокому герою, всё ещё не веря, что плотоядная гадина погибла, а её победитель остался цел и невредим.

Впереди, прихрамывая, семенил человек, показавшийся варвару странно знакомым. Вглядевшись в лицо и одежду зуагира, он вспомнил, что это тот самый кочевник, который был спасен первым. Невысокого пожилого человека с остренькой седой бородкой, узенькими глазками и очень загорелой, морщинистой кожей поддерживали с двух сторон под руки двое мужчин помоложе и покрупнее, облаченные в похожие темно-синие халаты и неправдоподобно белые тюрбаны, а один из белых лоскутов, свисавших по боку тюрбана закрывал их лица до самых глаз. Наверное, охрана, а этот старишкашка, скорее всего, либо вождь, либо один из старейшин племени. А вот за ним... Почтай, весь род спешил засвидетельствовать свою безмерную благодарность нежданному избавителю от напасти, и северянин понял, что сейчас восторженный пыл кочевников сможет охладить только чувство почтения к старейшине, иначе жизнь победителя окажется под не меньшей угрозой, чем во время схватки с равахом. Поэтому пришлось в нарушение восточных правил учтивости заговорить со стариком первому:

— Я тут у вас... э... водички немного взял... Надеюсь, вы не в обиде? — человек указал глазами на лежащий у его ног бурдюк, но ответная речь старика привела варвара в замешательство.

— О, ты, могучий воитель, в коем доблесть и мужество сочетаются как хоарезмский адамант с оправой из иранистанского белого золота!.. — северянин аж отступил на шаг от столь напыщенного приветствия, но во время вспомнил, что здесь восток все таки, а не сдержаный север. А старейшина, не обращая внимания на выражение лица “могучего воителя”, продолжал:

— О, благороднейший из благородных и отважнейший из отважных, да благословит тебя всемогущая судьба!..

Варвар сделал еще один шаг назад.

— О ты, блистающий великолепием и мощью чужестранец, да не покроется ржавчиной острие твоего клинка и да будет оно щедро напоено кровью твоих недругов!..

“И на кой ... я во все это ввязался? — слегка оторопев, подумал варвар. — Ведь затопчут. Как пить дать, затопчут! Или заговорят до смерти.”

Пятась, он отошел еще на несколько шагов, едва не упервшись спиной в тушу ставшего виновником его теперешних мучений раваха. Старец продолжал напирать, оглашая пески своей громкой изысканной речью. Под удивленным взглядом синих глаз северянина,

старикан, в конце концов, бухнулся на колени, не уставая говорить о “сияющем подобно солнцу, луне и звездам дивном воителе”, избавившем род Джагула аль-Баргэми от «премерзостного песчаного раваха, который своим злонравием, хищностью и прожорливостью уподобился кобре, горному льву и гиене, слитым в единый облик и раздувшимся стократно.”

— ...Назови же нам имя свое, о посланный небом воин, — закончил старец, которого, надо полагать и звали Джагулом аль-Баргэми, и воззрился на возвышавшуюся перед ним мощную фигуру чужеземца, — дабы знали мы, чье имя следует превозносить к небесам в благодарственных молитвах!

— Имя?.. Мое, что ли?.. — переспросил окончательно сбитый с толку северянин. — Если мое, то меня зовут Конан, а родом я из Киммерии.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Само собой, попасть в Султанапур этим же днем Конану было не суждено. Кочевники не пожелали отпускать так быстро своего спасителя, а отказаться от их гостеприимства варвар не решился.

“Лицкий день или два ничего не решат, а вот отдохнуть после тяжелого перехода через Кезанкийские горы не помешало бы, – подумал Конан, после того, как Джагул, оказавшийся шейхом клана аль-Баргэми, пригласил его в свою небольшую крепость, примостившуюся у подножий одного из горных кряжей на самой границе с пустыней. – Очень надеюсь, что у зуагиров найдется что-нибудь получше кумыса. Должны же они держать хоть какой-то запас вин для гостей...”

До поселка было совсем не далеко – не больше полулиги. Поскольку большинство верблюдов погибло, на оставшихся в живых животных посадили женщин и детей, а мужчины, взвалив на себя остатки поклажи, двинулись вслед за мерно ступающими по накалившемуся песку зверями. Сам шейх Джагул восседал на идущем впереди верблюде, а рядом с ним, неловко цепляясь за мохнатый горб, раскачивался “спаситель и избавитель”, которого, несмотря на все его протесты, по приказу шейха усадили на единственного верблюда-альбиноса. По дороге Джагул без умолку рассказывал Конану о житье-бытие своего народа, искренне полагая, что варвару из далекой северной страны это крайне интересно, тогда как киммериец, в основном, думал о том, насколько же неудобно сидеть на жесткой спине проклятущей твари, и диву давался, как кочевники могут месяцами не слезать с верблюдов.

Однако кое-что из рассказа Джагула заинтересовало Конана. Выяснилось, что род старого шейха давно перестал быть кочевым и осел в небольшом оазисе, который был обязан своим существованием маленькой, но никогда не пересыхающей горной речке. Сейчас шейх со своими приближенными и кровными родственниками возвращался из Султанапура к себе в крепость. Проведя несколько дней в городе, Джагул аль-Баргэми продал через казначея намываемые в той же речке самоцветы, что приносили богатство его семье, а заодно и побывал на празднике, устроенном эмиром султанапурским в честь женитьбы старшего сына на принцессе из Заморы. Чтобы вежливо оборвать нескончаемое описание торжества во дворце “солицеликого эмира”, Конану пришлось задать давно вертевшийся на языке вопрос:

– А этот, ну, которого я... это... Он кто?

Старец примолк, соображая, что именно северянин имел в виду, а потом осторожно переспросил:

– Что хочет узнать наш могучий гость от своего вечного должника?

– Ну, про руваха, или как его там... Что это было?

– А-а-а! – просиял шейх. – Равах – мерзостная тварь, встречающаяся редко, но всегда приносящая разорение и смерть каждому, кто окажется у нее на пути. Живет равах глубоко в песке, прорывая там длинные ходы, которые не обваливаются от того, что стены их скреплены его ядовитой слюной. Обычно червь лежит, затаившись, и слушает, что делается над ним, на поверхности. Заслышиав шаги людей или верблюдов, равах исторгает из глубин песка пустыни свои всевидящие руки, и нет спасения тому, кого схватят они и потащат под землю, в его логово, где червь поедает их, не оставляя даже одежды или шкур.

– А ты откуда про это знаешь? – удивился Конан.

– Крепость Баргэми построена как раз над одним из таких обиталищ, давно брошенных

хозяином. Мы завалили все выходы в дальние коридоры, уходящие под горы или в пустыню, а в самых старых подземельях раваха устроили сокровищницы, – пояснил стариk.

– А не боишься, что он вернется?

– Нет, – покачал головой шейх. – Древних чудовищ осталось совсем немного. Мудрецы говорят, что их всего шесть... Хотя, после сегодняшнего восхода, их, стало быть, осталось пять. В старицу их тоже было мало, и на бой с равахом мог выйти лишь воитель, отмеченный печатью Кемоша. Избранный. Каждого такого воина любое колено нашего народа с радостью могло принять в семью, из каких бы краев не происходил победитель червя пустыни.

В этот момент Джагул многозначительно посмотрел на Конана, но киммериец не обратил на это никакого внимания.

– А кто эти люди, которые идут с тобой? – задал новый вопрос северянин, опасаясь, что шейх опять примется восхвалять “отмеченного печатью Кемоша”.

– О, здесь несколько моих жен с детьми. Правда, две жены были сегодня пожраны равахом, но, к счастью, это не были любимые жены... Конечно же со мной путешествуют воины стражи, трое племянников с женами и служами, мой троюродный брат Джабал и его семья... – речь шейха вновь перестала быть интересной для Конана, но что делать с таким словесным потоком, варвар не знал, и поэтому продолжал молча выслушивать казавшийся бесконечным перечень родственников Джагула, которых стариk вывез из уединенного оазиса посмотреть шумный Султанапур. Еще киммерийца радовало, что учтивый шейх не стал интересоваться его прошлым и выяснить, что же делает северянин в пустынях востока.

Наконец, впереди показалась крепостная стена, сложенная из грубого серого песчаника, за которой скрылся оазис Баргэми. Крепость охватывала неполным четырехугольником подошву могучего утеса, с которого, сверкая мелкими брызгами, стремительно скатывалась узкая речушка. Шейх не преминул сообщить, что воды потока собираются в озерцо внутри крепости, а их избыток теряется в необозримых просторах песков.

Пропуская мимо ушей речи старца, Конан рассматривал приближающиеся ворота. Окованные узорчатыми металлическими полосами деревянные створки были нешироки, всего-то локтей шесть или семь. Снаружи остатки разгромленного равахом каравана встретили шестеро стражников, сжимавших в руках длинные, увенчанные бунчуками копья. Старший зуагирский воин, увидев на переднем верблюде своего шейха, побежал к нему и упал перед верблюдом повелителя в пыль. Шейх Джагул, сунув ладонь за пазуху, вынул золотую монету, бросил ее в песок перед стражником, и милостиво проговорил:

– Самил, вот тебе за верность... Все ли было спокойно в мое отсутствие? Не беспокоили ли дом наш проклятые джавиды, да обрушится на них гнев Кемоша, и да отсохнут их вислые уши?! И не вернулся ли сын и наследник наш Джрафир из крепости младшего брата нашего?

– В Баргэми все спокойно, о владыка, да продлятся бессчетно годы твои! Дом предков ждет тебя с нетерпением. А Джрафир с гонцом прислал весть, что вернется в домой лишь завтра, – Самил еще раз преклонил голову, едва не коснувшись лбом песка и вопросил: – Ровным ли был путь под ногами твоих верблюдов и приветливо ли встретил тебя царственный эмир?

Старец нахмурился, бросил взгляд на Конана, и коротко ответил:

– Об этом потом, Самил. Беги, скажи, чтобы подготовили покой – у нас гость, и непростой...

Самил мельком взглянул на восседающего на почетном белом верблюде рослого северянина, и Конан уловил в глазах зуагира некоторую настороженность. Однако начальник

стражи не позволил себе излишнего любопытства и, еще раз склонившись перед шейхом, опрометью бросился в широко раскрывшиеся врата.

Когда верблюды медленно прошествовали внутрь крепости, глазам Конана предсталася весьма живописная картина. Он увидел беспорядочно расположенные одноэтажные глинобитные домишкы с маленькими, кривыми окошками, укрытые пожелтевшими, сухими пальмовыми листьями. А над жилищами простых людей возвышались узкие остроконечные башенки, прилепившиеся к углам трехэтажного, серовато-бежевого квадратного здания, окруженного на удивление пышным садом, какого не встретишь нигде более в разбросанных по турецкой пустыне оазисах.

Конан невольно залюбовался открывшимся видом – за долгое путешествие через горы и пустыни, глаз отвык от такого буйства зелени, наблюдая лишь невзрачный песчаник, бесцветные, сухие пустынные растеньица да блеклое небо над раскаленными солнцем горами.

Вскоре верблюды со всадниками на спинах приблизились к стенам дворца шейха, и Конан слегка скривил губы в презрительной ухмылке. Сей “дворец”, больше похожий, по мнению Конана, на захудалый дом терпимости где-нибудь на окраинах немедийской столицы, не произвел на киммерийца должного впечатления. Сложеный из грубо отесанных известняковых плит без привычной на востоке изящной отделки, квадратный, неказистый дом лишь привыкшие к однообразию и редко видящие что-либо истинно прекрасное зуагиры могли считать “дворцом шейха”.

Очнувшись в маленьком дворике, путники сошли с усталых верблюдов, их тотчас же окружила толпа жен владыки Баргэми, оставшихся дома, слуг, приближенных и прочих домочадцев. Животных немедленно увеличили, а вновь прибывших, и в числе Конана, как почетного гостя шейха, усадили на мраморный поребрик – по древнему обычаю кочевников вернувшимся из странствия полагалось омыть ноги. Киммерийцу была оказана великая честь – по приказу Джагула, его старшая жена собственоручно провела обряд, но киммериец, не видя лица женщины, скрытого покрывалом, догадался, глядя на ее изрезанные морщинами руки, что старшая жена явно ровесница самого Джагула, и загоревшийся поначалу в его глазах интерес пропал, как вода, пролитая на песок.

После омовения долгожданных гостей повели во внутренние покои дворца. Едва оказавшись там, северянин резко изменил свое отношение к жилищу Джагула аль-Баргэми. Полы устилали великолепные пунцовые ковры ручной работы, повсюду были разбросаны шелковые кхитайские подушки, расшитые сложными узорами и изображениями диковинных животных и птиц. Стены тоже были увешаны коврами и отлично выделанными шкурами тигров и горных львов. Краем глаза глянув на облекавшую его плечи шкуру, затоптанную во время сражения с равахом и уже начинавшую попахивать гнилью по причине дурной выделки (Конан попросту разложил ее на солнцепеке, после того, как убитый им лев был освежеван), северянин подумал, что было бы неплохо получить в подарок одну из роскошных шкур, что так щедро украшали стены дворца шейха. Стоило варвару заикнуться об этом, как тотчас же ему подали роскошную накидку из меха леопарда, отливавшую муаровыми черными пятнами на золотистом фоне, а безобразное, хоть и добытое с немалым трудом, одеяние с легким сожалением пришлось отдать расторопным слугам.

Из низкой дверцы одного из боковых покоев показался шейх, который за время, пока Конан осматривался и любовался новым плащом, успел переодеться и смыть с лица дорожную пыль. Подойдя к киммерийцу, Джагул почтительно-сдержаным тоном сообщил,

что уважаемый гость может пройти в трапезную и утолить голод скромными дарами скучной земли Турана, после чего можно будет совершить небольшую прогулку и осмотреть дворцовый сад. Конан согласился и последовал за Джагулом в пиршественный зал, где взорам его предстало множество изысканнейших блюд в серебряной чеканной посуде, стоявшей прямо на ковре. Джагул провел Конана к почетному месту справа от небольшого возвышения, на котором должен сидеть хозяин дома. Тут Конан почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Усевшись на подушки, он обозрел “скромные дары”, оказавшиеся весьма обильными и разнообразными.

Молодой барашек с долькой апельсина во рту, коричневый, лоснящийся поджаристой корочкой, возлежал на огромном блюде подле влажных от вина и сладкого маринада телячьих окороков, нашпигованных бусинами чеснока и круглыми семенами кориандра; горы риса, приправленного шафраном, желтели подобно восходящей луне; жареный миндаль, грецкие орехи, мелкий виноград с сизоватым налетом, изломанные корни имбиря, апельсиновые и лимонные цукаты, овсяные лепешки, с блестками кристаллов соли, множество маленьких, приземистых вазочек, наполненных разноцветными соусами и всякими пряностями, – от этого немыслимого для северного варвара изобилия рябило в глазах.

А вина!.. Конан сглотнул слюну, глядя на бесчисленные кувшины, усеявшие пол зала. Мускатные, сладкие, горькие, выдержаные не одно десятилетие в винных погребах и молодые, еще пахнущие свежесрезанной виноградной лозой, напитки так и манили отведать их великолепного букета.

– А я просто хотел попросить у них воды... – изумленно пробормотал Конан и, устроившись поудобнее, приготовился приступить к трапезе.

Но перед тем, как приближенные шейха начали расправляться с, казалось бы, неисчерпаемым запасом яств, Джагул аль-Баргэми поднялся и, поклонившись гостю, сказал следующие слова:

– О, доблестные мужи и умудренные годами старцы – мои сыновья и братья, о правдивые и преданные советники мои, о верные мои слуги и неусыпная стража, дальние и близкие родичи! Рядом со мной, на почетнейшем месте, восседает наш гость – посланный самим Кемошем для спасения жизни нашей, великий герой, именующий себя Конаном Киммерийским. Высшие силы снизошли к мольbam, и в час бедствия, постигшего род наш, привели мужа сего туда, где ныне покоилась бы тленная плоть шейха вашего, равно как и тех, кто был с ним...

Далее последовало длиннейшее и расцвеченное зачастую не совсем достоверными подробностями описание нападения раваха на караван шейха и последующая битва песчаного червя с героем из далекой Киммерии. Говорил Джагул неимоверно долго, а потому, что никто не смел прикоснуться к пище, пока владыка оазиса не закончил, Конана терзали муки голода, многократно усиленные соблазнительными ароматами, исходившими от блюд, до которых следовало только лишь дотянуться, но проклятый восточный этикет (а нарушение его считалось у зуагиров неслыханным оскорблением), не позволял сделать это. И когда шейх, наконец, умолк, пригубив вина, и дав тем знак к началу торжественной и одновременно поминальной трапезе, Конан ухватил румяный и сочный телячий окорочок и, вцепившись в него зубами, тотчас же забыл обо всем.

Трапеза окончилась, когда солнце уже почти исчезло за острыми вершинами Кезанкии, и Конан подумал, что для того, чтобы подняться на ноги ему сейчас потребуются

недюжинные усилия – столько он не ел никогда. В то же время шейх продолжал настаивать, дабы гость отведал еще что-нибудь. Ну, к примеру вот эту удивительно редкую на столе зуагиров кефаль, выловленную в Вилайетском море, тщательно поджаренную и закопченную, политую оливковым маслом и лимонным соком, сияющую ржавой корочкой с нефритовыми кляксами зелени... Конан слабо сопротивлялся.

Шейх, посмотрев на него хитрыми глазами, наконец, предложил подняться и отправиться в сад, где киммерийца ожидал новый сюрприз.

– О Конан, сейчас ты узришь то, что я берегу превыше всех драгоценностей и сокровищ рода. То, что я храню и лелею как зеницу ока моего. Но тебе, как человеку, которого зуагиры семьи Баргэми жаждали бы видеть среди своих кровных братьев, я покажу этот прекраснейший из цветов, когда-либо вскормленных плодородной почвой нашего осиянного благодатью оазиса.

Конан насторожился. Он прекрасно знал, что в Туране называлось “прекраснейшим цветком”. А если еще вспомнить речи шейха о том, что победитель раваха с большой радостью принимался в род и семью, то дело принимало достаточно интересный оборот. Тем более, что Джагул хочет именно показать сей “цветок” неожиданному гостю, а подобное на востоке, как правило, не принято. Уж не сватать ли его собирались?

Джагул встал первым, приглашая гостя следовать за ним. Крякнув, Конан с трудом поднялся и, осторожно ступая, двинулся вслед за хозяином. Выйдя в неприметную боковую дверь, они оказались в прохладной тени развесистых пальм, среди благоухающих цветов редкостной красоты, и лавируя по извилистой, аккуратно вымощенной гладким камнем дорожке, углубились в сад. В самом его сердце возвышалась белая мраморная плита, к которой лепились несколько чаш в виде многоцветных раковин. С верхней чаши из скрытого в толще камня источника по капле стекала, сверкая алмазными бликами, чистая родниковая вода; переливаясь через волнистый край каждой из чащ, она с мелодичным звоном капала вниз, в следующую купель, а затем собиралась в небольшой бассейн, где резвились среди пушистых водных растений редкие и очень дорогие золотые рыбки, украшенные длинными, прозрачными шлейфами плавников. А вокруг мраморного водоема гордо расхаживала пара павлинов, демонстрируя друг другу свои великолепные, отливающие изумрудом и лазурью, веера хвостов.

– Красиво... – сказал Конан, больше заботясь о том, как бы не нарушить приличия звуками рвущейся наружу после непомерно обильного пиршства отрыжки.

– Дочь наша, Мирдани! – воззвал Джагул елейным голоском и на его лице появилась ласковая улыбка. – Выди, о сокровище сердца моего!

“Ну, вот, началось, – подумал Конан, – сейчас будут сватать...”

Из-за пышного розового куста, усыпанного крупными, ярко алыми цветами, показалась женская фигурка, закутанная в белоснежный шелк с вышивкой золотом по краям.

– Подойди к нам, возлюбленная дочь, – проблеял шейх, – и поклонись спасителю отца твоего от безжалостного раваха. И я позволяю тебе, о Мирдани, поднять накидку...

Девушка легкой, воздушной походкой приблизилась к отцу, поклонилась гостю и, повернувшись лицом к шейху, с еле слышным вздохом откинула полупрозрачное кисейное покрывало.

Представшая взору варвара красавица была смуглой, с длинными пушистыми ресницами, скромно прикрывавшими большие, миндалевидные, темные как агат, глаза. Конан, как большой ценитель женской красоты, залюбовался тонким носиком с легкой

горбинкой, нисколько не портившей его изящную форму, маленькими, чуть припухлыми, как у ребенка, губками, правильным овалом лица, обрамленным иссиня-черными волосами, собранными в четыре тяжелые косы, лежавшие на узких плечах. Ростом дочь шейха была невелика, чуть полновата, но это придавало ее очаровательной фигуре особую прелесть. Мирдани молчала, глядя в землю, и слегка теребила край отброшенной с лица ткани, явно смущаясь тем, что ее лицо, которое можно было показывать только отцу и братьям, ныне пристально изучает чужой, незнакомый мужчина, да еще и прибывший из далекой, неведомой страны. Наконец, поборов в себе робость, прекрасная Мирдани осмелилась поднять глаза на суровое скучающее лицо мужчины и, слегка заревев, проговорить:

— Легок ли был твой путь, о чужеземец? — голосок девушки прозвенел в неловкой тишине точно журчание воды, плещущейся в фонтане, находившемся неподалеку. — Позволишь ли поцеловать твою руку, державшую меч, что сохранил жизнь моему возлюбленному отцу?

Она уже взялась своими нежными ручками за грубую кисть северянина, но он отдернул руку, спрятив ее за спину.

— Еще чего! В моей стране принято по другому.

Под ошарашенным взглядом шейха Джагула, Конан обнял другой рукой Мирдани за плечи, привлек ее к груди, и, склонив голову, коснулся губами, прохладных, бархатистых и восхитительно нежных губ красавицы. Девушка поначалу пыталась слабо отстранить его, упираясь ладошкой в могучую грудь, но затем сникла, целиком отдавшись власти сильных, настойчивых губ чужеземца, забыв даже о присутствии отца...

— Мирдани, доченька... — жалобно пролепетал шейх, не осмеливаясь обидеть гостя, но в то же время понимая, что остановить киммерийца следовало бы немедленно. К его радости, пылкий поцелуй длился не слишком долго, и красавица, откинув голову и глубоко дыша, посмотрела на Конана светящимися от неожиданно дарованного счастья глазами.

— Я хочу отдать Мирдани замуж за одного из сыновей эмира Шангары, — промямлил Джагул, переводя взгляд с киммерийца на дочь. Но оба точно и не слышали его слов, глядя друг на друга нескончаемо долгим взглядом, полным внезапно вспыхнувшей нежности.

— Тебе, о чужеземец, оказана большая честь видеть тот бриллиант, коим я дорожу пуще всего сущего, — сказал шейх уже немного строже, беря за локоть Мирдани и отводя ее от Конана. Дева вновь скромно потупилась и засияла алым румянцем. — Иди, дочь наша. Иди, отдохни. А я пойду устрою гостя в его покоях.

Мирдани закрыла лицо кисеей и легким шагом удалилась от фонтана, скрывшись в зелени сада. Конан, проводив ее взглядом, подумав, что было бы неплохо узнать, где находятся покой Мирдани. Шейх настороженно проследил за тем, как дочь вошла в густые заросли, за которыми скрывалась потайная дверца, ведущая во дворец, и, повернувшись к гостю, улыбнулся, скрыв за улыбкой тревогу.

Когда киммериец был препровожден на отдых в предоставленные ему апартаменты и остался, наконец, один, то понял, что спать пока не хочет, а валяться без дела было не в его привычках. Бесцельно побродив по комнате, Конан подошел к блюду с фруктами, взял крупный душистый персик, понюхал его и надкусил, но в этот момент в коридоре послышались шаги, дверь раскрылась и на пороге появился тот самый человек, что встретил караван у ворот крепости Баргэми.

— Я Самил, начальник стражи дворца шейха, — низко поклонился он.

— Ну и?..

– Не нужно ли чего почтенному гостю?

– Нет, не нужно, – отозвался Конан, подозревая, что Джагул мог прислать главного стражника проверить, на месте ли северянин и не отправился ли он бродить по дворцу в поисках красавицы Мирдани.

“Можешь передать старому хрычу, что я никуда не делся, – с усмешкой подумал Конан, – по крайней мере, пока...”

– Мой шейх послал меня еще для того, чтобы узнать, не желает ли доблестный воин согреть свое ложе теплом любви?.. – вкрадчиво сказал Самил, не зная, какова будет реакция на эти слова.

– То есть? – переспросил Конан, прекрасно, однако, понимая, что подразумевает Самил под данным предложением. Однако же затеплилась надежда, что старик решился расплатиться за свое спасение принятым у некоторых племен зуагиров способом. Неужели сейчас здесь появится Мирдани?.. Было бы неплохо!

– Для услаждения твоего готов шейх прислать тебе прекраснейшую из женщин, обитающих под сводами сего жилища.

– Это кого же? – снова спросил киммериец, уже будучи уверенным, что его надежды сбываются. Самил поклонился снова и с радостной улыбкой сообщил:

– Свою любимую жену!..

У Конана вытянулось лицо. Вот ведь не повезло!

– Это что же, ту самую старушечку, которая омывала мне ноги?

– Нет, не бойся, почтенный, то была старшая жена, а любимая моложе ее на целых двадцать лет, – лукаво улыбнулся Самил.

“Так, «старшей», наверняка, под семьдесят, а «любимой», похоже, будет все пятьдесятков. Щедр шейх! Ну, уж нет!”

– Нет, спасибо, – отмолвил Конан, изображая на лице еще более лукавую улыбку. – Передай шейху Джагулу безграничную благодарность, но я не могу принять его подарок.

– Передам, конечно, передам, – закивал Самил. – В таком случае, я еще хочу сообщить, что милостивый шейх приказал поставить у дверей комнаты охрану, дабы никто не обеспокоил твой сон, о северный воитель. Спи же спокойно!

С этими словами, Самил, пятаясь, вышел и тихонько прикрыл дверь. Конан успел рассмотреть, что с другой стороны, в коридоре, находятся четверо вооруженных копьями и щитами стражников.

“И чего мне такая честь оказана? – смеясь про себя, подумал он. – А Джагул-то хитрец, хотел подсунуть мне свою престарелую женушку, надеясь, что тогда будут и овцы целы, и волки сыты. А теперь, чтоб я не пустился на поиски его драгоценной дочери, шейх еще и стражу поставил. Сейчас, небось, клянет собственное тщеславие, понимая, что совершил ошибку, показав мне Мирдани. Можно подумать, будто я не справлюсь с четырьмя стражниками или сколько их там...”

Сквозь узенькое окошко, затянутое цветной слюдой, было видно, как полная луна поднялась над садом, посеребрив верхушки пальм и превратив капли фонтана в изумительные драгоценности, сверкавшие холодным голубоватым светом. Дворец шейха погрузился в сон. Изредка перекликалась меж собою ночная стража. Конан, который, наконец, почувствовал усталость, улегся на подушки и, вспоминая восхитительную свежесть коралловых губок прекрасной Мирдани, уснул.

Пронзительный, раздирающий душу женский вопль в клочья разорвал ночную тишину, когда луна скрылась за горами, и ночь вступила в самый черный свой час. Мгновение спустя где-то в глубине дворца загомонили многие голоса. Конан проснулся, как всегда, мгновенно, и, нашарив в темноте рукоять меча, вскочил на ноги, вслушиваясь. Паника нарастала, поглощая подобно волне весь дворец шейха Джагула, а когда чуткий слух киммерийца различил звякнувшее железо, стало ясно, что где-то совсем недалеко начался бой. Поспешно натянув штаны и накинув безрукавку, варвар рванулся к двери и распахнул створки ударом ноги. Коридор заливал колеблющийся оранжевый факельный свет, но рядом со входом в покой, предоставленный киммерийцу, стражи не оказалось. Надо полагать, что, заслышав сигнал тревоги, все охранники ринулись туда, где сейчас звенели напуганные женские голоса, раздавались крики о помощи, и сталь ударяла о сталь. Держа меч наготове, Конан устремился по коридору, зацепив по дороге бесценную кхитайскую вазу в рост человека, которая с грохотом разлетелась на тысячи осколков. Даже не обернувшись, он выбежал к лестнице, миновал два ведущих наверх пролета и уже перед дверью ведущей, как он полагал, в женскую часть дворца, едва не сбил с ног двух странных низкорослых существ с багрово горящими в темноте глазами.

— Это еще что такое? — рыкнул Конан, но увидев наставленные ему в грудь древка необычного оружия — на толстую палку было насажено широкое изогнутое лезвие, похожее на ятаган, понял, что эти карлики и есть виновники случившейся во дворце шейха Джагула паники.

Конан поднял меч.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Конан чуть отступил назад, и при слабом свете нескольких факелов, торчащих из настенных колец, попытался получше разглядеть противников. Тут одна из тварей ловко перевернула свое оружие так, что изогнутое черненое лезвие оказалось всего в двух ладонях от горла киммерийца, и Конан понял, что намерения у карликов более чем серьезны. Перерубив мечом древко похожего на алебарду странного инструмента, варвар опустил клинок на голову существа – на его темном капюшоне появилось расплывающееся пятно, и коротышка беззвучно рухнул на плиты пола. Второй карлик испуганно пискнул и, швырнув в варвара свой непомерно длинный ятаган, увернулся от следующего удара Конана, прыгнул к лестнице и, скатившись по ступенькам, исчез в темноте. Не став преследовать напуганную тварь, Конан быстро подошел к толстой резной двери, толкнул ее, но притвор не поддавался, оставаясь незыблемой преградой на пути туда, где до сих пор слышались крики и лязг металла. Тогда Конан отошел назад, разбежался, прыгнул и, ударив в узорчатую доску плечом, влетел в располагавшийся за ней зал в вихре щепок и обломков.

В большом мраморном зале было черно от кишащих повсюду карликов в темно-серых и черных плащах. Зажатая в дальнем углу помещения горстка стражников пыталась отбиваться от низкорослых созданий, которые облепили их как муhi, размахивая своим причудливым оружием. Десятки карликов сутились возле других выходов из зала, вытаскивая из соседних комнат отчаянно визжащих и отбивающихся женщин, застигнутых врасплох нежданным нападением. Еще несколько уродцев заваливали выходы в другие помещения дворца всеми тяжелыми вещами, которые можно было найти на женской половине, чтобы ломящаяся в двери стража, набежавшая едва ли не со всей крепости, не могла пробиться к ним.

Конан отшвырнул ногой невовремя подвернувшегося карлика, бегущего с подушкой к одному из выходов, и рванулся к кучке тварей, тащивших изгибающийся длинный сверток, в очертаниях которого угадывались контуры человеческого тела. Запеленатый человек пытался кричать и звать на помощь, но звуки его голоса заглушались плотной тканью. Несмотря на это, Конан понял, что карлики тащат женщину. В какое-то мгновение ему показалось, что голос ее был знакомым. Внезапно под ноги киммерийцу бросился один из коротышек, намереваясь помешать выручить похищенную женщину, и, споткнувшись, Конан не удержался на ногах и тяжело рухнул на пол. Воспользовавшись его падением, карлики, издавая злорадный визг, кинулись на варвара. Мелькнули занесенные над головами лезвия. Сейчас оставалось сделать только одно – перевернувшись, киммериец стремительно подкатился к ногам кровожадных выродков и, лежа на спине, отмахнул мечом им по ногам. Не менее четырех нападавших, подкошенные клинком Конана, рухнули прямо на него, заливая кровью одежду и расстеленный на полу ковер, а оружие остальных опустилось на прикрывшие варвара тела. Не теряя времени, Конан сбросил с себя корчившихся в агонии нелюдей, вскочил и, сжимая в одной руке меч, а в другой подобранный тут же ятаган поверженного карлика, оглянулся в поисках свертка с пленницей. Не обнаружив его, он бросился к одной из дверей, куда могли скрыться карлики с похищенной женщиной. Там оказалась комната, в которой сидели, забившись в угол, несколько испуганных плачущих женщин. Сообразив, что ошибся, Конан метнулся обратно и увидел, что карлики, побросав раненных и убитых, а заодно с ними и красавиц из гарема шейха, отступают к неприметной дверце, скрытой за настенным ковром. Яростно рыча, Конан подобно тигру прыгнул вперед,

пытаясь настичь убегающих нелюдей, его меч, сверкавший как молния, крушил их хрупкие тела, и, сметя со своего пути не менее полутора десятков низкорослых, но очень юрких и быстрых существ, киммериец оказался перед узким проходом, ведущим в непроглядную темноту. Он остановился, прекрасно понимая, что бездумно соваться в неизвестное и темное помещение без факела было бы глупо, ибо противник, которой наверняка отлично видит в темноте, может нанести неожиданный и подлый удар в спину.

— Ты вновь пришел на помощь! — послышался за спиной варвара срывающийся голос Самила. В руке начальник стражи сжимал обнаженную изогнутую саблю. От наблюдательного киммерийца не ускользнуло то, что лезвие ее было чисто — туранец, скорее всего, не участвовал в битве с карликами наравне со своими товарищами. — Эти проклятые джавиды!.. Как маленькие негодяи смогли пробраться во дворец!..

Конан решил, что последние слова Самила были вопросом и, хмуро поглядев на него, сказал:

— А вот уж это тебе лучше знать, начальник... Что они хоть натворили?

Конан вновь внимательно осмотрел зал, заваленный барахлом, среди которого лежали трупы джавидов и несколько тел стражников гарема.

— Они появились здесь нежданно, как дым просочившись на женскую половину дворца. Откуда — ума не приложу. А потом начали врываться в обители жён шейха, пугая и вытаскивая их на свет, но не причиняя никакого вреда. Остальные карлики дрались со стражей, причем дрались яростно, не желая беречь свои жизни, словно речь шла о защите собственного дома, да рухнет его крыша им на головы!

— Я видел, как эти твои джавиды похитили одну из женщин, но не смог догнать их — мне помешали.

— Кого они похитили?! Кого?!! — вдруг прогремел голос Джагула, и у двери, ведущей в его покой, появился он сам в окружении многочисленных телохранителей с обнаженными саблями. — Ответь, о чужеземец, видел ли ты лицо той, что оказалась в руках мерзостных джавидов?

— Не-а, — помотал головой Конан. — Но я слышал голос, и он показался мне знакомым.

— Чей это был голос?! Чей?! — старец бросился к киммерийцу, схватил его за попятнанную кровью шкуру леопарда и со слезами на лице пристально посмотрел в голубые глаза северянина.

— Не знаю, — отрезал Конан. — Лучше скажи старухам или евнухам, чтобы посмотрели, кого из женщин нет.

— Главного евнуха сюда! — провозгласил внимательно слушавший разговор Самил, и двое дюжих стражников подтащили трясущееся от страха существо, лишь отдаленно похожее на мужчину. Конан не без отвращения взирался на старшего из братии скопцов, хранивших и лелеявших дивный сад шейха. Северянин много раз слышал о несчастных, которые лишены одной из самых естественных и необходимых, по мнению киммерийца, радостей, дарованных человеку богами. Бедолага был высок ростом и непомерно толст — ширина его талии (если можно так назвать это место на его обширном теле) почти в полтора раза превосходила ширину плеч здоровенного варвара, на круглом, лунообразном лице, лишенном всякой растительности, кроме бровей, застыло безразличное ко всему выражение, которое, впрочем, было присуще всем его собратьям по несчастью. Довольно долго главный евнук соображал, что же именно от него хочет шейх, но когда понял, поклонился владыке и возвзвал тонким голоском:

— Зелим! Месра! Живо посмотрите по всем комнатам и посчитайте женщин! Быстро!

Последнее слово он выкрикнул столь пронзительным диксантом, что Конан поморщился и почесал пальцем ухо, обращенное к евнуху. Не дожидаясь результата поисков, киммериец кликнул начальника стражи. Схватив по факелу, они вдвоем выбежали в боковую дверь, скрытую под ковром, все еще надеясь на то, что обнаружат какие-нибудь следы, по которым можно было бы узнать, куда делись карлики со своей ношкой. Сразу за дверью оказалась винтовая лестница, крутыми витками уводившая вниз, в темноту.

— Может быть, они спустились по ней? — спросил Самил.

Конан не стал утруждать себя ответом на дурацкий вопрос и стал быстро спускаться, освещая узенькие каменные ступеньки факелом. Лестница была невелика и закончилась в небольшом помещении, из которого вела только одна дверь наружу, и сейчас она была широко распахнута.

— Что это за место? — обернувшись, Конан посмотрел на казалось бы окончательно павшего духом Самила, видимо, страшавшегося предстоящего наказания за небрежение к службе. Встрепенувшись, начальник стражиглянул за дверь, в темноту, и ответил:

— Это тайный ход из сада в гарем. Женщины иногда используют его, когда не желают лишний раз проходить через мужскую половину.

Конан вспомнил, что Мирдани минувшим днем исчезла из дворцового парка слишком быстро, скрывшись за завесой растений. Надо полагать, что она воспользовалась именно этим ходом в гарем.

Мирдани!!

Конан внезапно понял, почему голос пленницы джавидов показался ему знакомым. Теперь ясно, за кем охотились карлики, но зачем им была нужна Мирдани? Она, безусловно, очень красива, но, быть может, в гареме найдутся женщины прекраснее ее? Или нет? А что, если джавиды станут требовать за нее выкуп у безутешного отца, готового расстаться со всей своей сокровищницей, лишь бы вернули дочь? Надо полагать, что для иных целей женщина джавидам вряд ли нужна... Придется потом расспросить как следует шейха про племя карликов, если, конечно, узнав о похищении возлюбленной дочери, он будет в состоянии связать хотя бы пару слов.

Киммериец решительно отодвинул застывшего возле низкой дверцы Самила и нырнул в проход, надеясь отыскать в саду следы джавидов или хотя бы дыру, через которую они пробрались во дворец. Подняв высоко над головой факел, он продрался сквозь заросли каких-то на удивление колючих кустов и выбрался на усыпанную мелким песком дорожку, ведущую к фонтану, неутомимо звеневшему неподалеку. Самил сопел позади, вполголоса проклиная садовника, утыкавшего весь сад непотребными колючками, на которых можно оставить не только одежду, но и кожу заодно. Неожиданно идущий впереди него киммериец, громко выругавшись, едва не упал, запнувшись о что-то темное, при ближайшем рассмотрении оказавшемся трупом стражника. Самилглянул вниз и горестно воскликнул:

— Это Махуд! Да упокоится ныне он в царстве усопших!

Наклонившись, Конан осмотрел труп Махуда. Сзади его череп был рассечен страшным ударом ятагана джавида — скорее всего, стражник даже не понял, кто убил его. И в этот же момент северянин краем глаза различил, что меж кустов жасмина виднелась чуть приметная тропинка. Некоторые ветки были обломаны и, судя по свежим белеющим сердцевинам, совсем недавно. Киммериец, крепко сжав в руке клинок, медленно двинулся к кустам, ибо теперь был уверен — карлики скрылись именно там. Осторожно раздвинув усыпанные

белыми цветами ветви, он всмотрелся в гущу зарослей и тихо произнес:

— А это еще что такое? Самил, подойди-ка сюда...

Тот с подчеркнутым опасением приблизился к варвару и, вытянув шею, посмотрел туда, куда он указывал.

— Первый раз вижу... — промямлил он. — Этого здесь никогда не было, понимаешь, никогда!

Конан шепотом проговорил какие-то слова, который Самил вполне справедливо принял на свой счет, и, будь они в ином, менее опасном месте, позволил бы себе обидеться.

У самых корней жасмина виднелся широкий черный провал. Низенькая травка вокруг отверстия была примята множеством ног. Конан подошел поближе, желая посветить в него факелом, но приостановился. С годами у киммерийца выработалось чутье на разные магические штучки, но в данном случае и простой человек мог бы заметить, что выход из ведущего под землю прохода ох как необычен! Поначалу создавалось впечатление, что на локоть в глубину дыра затянута едва заметной невесомой паутинкой, но сети обычных пауков никогда не светятся в темноте призрачным голубоватым огнем. Конан повернулся к Самилу, который, поборов страх, с интересом разглядывал переплетение слабо сияющих нитей, и, вытянув руку, попросил:

— Дай-ка мне твой кинжал.

Начальник стражи, не догадываясь, что затеял северянин, вынул из усыпанных драгоценными камнями и жемчугом ножен узкий клинок и протянул Конану.

— Ну, возьми... Ты хочешь разрезать им паутину?

— Попытаюсь, — хмуро буркнул северянин. Он предполагал, что может сейчас произойти и, не желая рисковать своим мечом, решил, что кинжал Самила не представляет особой ценности. Сталь, конечно, хорошая да и рукоять дорогая, но если что случится, то начальник стражи всяко сумеет найти ему замену в оружейной дворца. Наклонившись над отверстием, Конан протянул руку с кинжалом и коснулся острием паутинки. Синеватый свет резко сменился белой вспышкой, и Конан, быстро отскочив, внимательно осмотрел оружие. Кончик клинка был аккуратно срезан чуть наискось, словно не металл это был, а полоска пергамента.

“Видел я уже когда-то такие фокусы. Стигийские колдуны иногда опутывают огненной сетью места, куда не должен соваться чужой. И всегда помогает, хоть от воров, хоть от кого другого! Но здесь заклятие слабенькое. Будь огненные линии потолще, кинжал просто в прах бы рассыпался. А пройти туда никак не получится до утра, ибо заклятие паутины действует лишь от захода до восхода солнца...”

— Пошли обратно, — подтолкнул Конан Самила. — Теперь я знаю все, что мне нужно.

Стражник с великим почтением посмотрел на могучего северянина, не убоявшегося даже магической заграды, и, вздохнув, загнал испорченный кинжал в ножны. Немного помявшился, он нерешительно произнес:

— Послушай, почтенный... Э-э... Понимаешь ли, я не очень хочу возвращаться во дворец, а тем более попадаться на глаза шейху Джагулу. Я прекрасно понимаю, что меня ждет, в лучшем случае, лишение чина, а в худшем же... — Самил провел ребром ладоне по своей шее. Жест был более чем понятен. — Я не желаю из-за недосмотра дурней-стражников лишиться головы. Мне сейчас лучше бы взять коня и немедля покинуть крепость Баргэми навсегда. Шейх человек горячий. Так я пойду?

— Еще чего! — рявкнул на него Конан. — Ты пойдешь вместе со мной к Джагулу и все ему

объяснишь, а я, если что, за тебя словечко замолвлю.

— Твое слово вряд ли спасет меня, — взмолился Самил, — отпусти! Я исчезну из дворца столь же незаметно, как ящерица исчезает в песке. Никто не заметит, клянусь!

Киммериец молча схватил за шиворот уже начавшего потихоньку отступать в темноту Самила и решительно потащил за собой, не обращая внимания на сдавленные стоны всерьез перепуганного начальника стражи. Мысли о том, чтобы обнажить против северянина оружие у Самила даже не возникло, ибо он понимал, что в этом случае смерть настигнет гораздо раньше, и палачу Джагула не придется лишний раз показывать свое искусство.

Крепко держа Самила за ворот халата, Конан легко взбежал по винтовой лесенке и, войдя в зал, застал шейха Джагула бушевавшим в неистовой ярости безграничного отчаяния. Едва Конан откинул рукой прикрывавший вход ковер, как его глазам открылось жуткое зрелище: главный евнух, тоненько подывая от нечеловеческого ужаса, стоял на коленях, а рядом с ним высыпался здоровенный детина в темном халате и тюрбане, поднявший над головой несчастного скопца, который был меньше всего повинен в случившемся, изогнутый меч с широким лезвием. В следующее мгновение, молодецки ухнув, палач низверг жуткое орудие на шею бывшего хранителя гарема шейха Джагула, раздался отвратительный тихий хруст, и на ковер хлынула алая волна крови. Голова, с глухим стуком упав на пол, подкатилась к ногам киммерийца.

“Пожалуй, шейх погорячился, — подумал Конан, отодвигая носком сапога окровавленную голову с трепещущими веками. — Не зря Самил так трусил.”

Но, видимо, гнев владыки временно остыл, ибо жертвами его уже пали трое скопцов и начальник смены стражи, дежурившей у дверей гарема. Их головы были сложены жуткой кровавой пирамидой у ног господина, а тела валялись там, где свершилась скорая расправа. Едва увидев Конана, Джагул аль-Баргэми возопил:

— Ты нашел ее, о чужеземец??!

— Кого ты имеешь в виду, шейх? — бесстрастно произнес Конан. — Кого все-таки похитили?

— Мирдани!!! — шейх выкрикнул это слово столь громко, что, казалось, осыплется бисерная вышивка с его ночного халата.

— Я так и думал, — кивнул киммериец. — Найти ее мне не удалось, но зато доблестный Самил нашел место, где скрылись джавиды вместе с твоей дочерью.

— Самил? Этот подлый сын Нергала, да пожрет его тело равах?! Смерть ему! Эй, палач...

Самил, стоявший за спиной Конана, как подкошенный рухнул на колени, сумев сдавленно пробормотать одно-единственное слово:

— Пощади!..

— И в самом деле, не следует этого делать, — ровным голосом сказал Конан, понимая, что вступаясь за растяпу-стражника, рискует потерять расположение шейха. — Джавиды использовали магию, и когда я вместе с Самилом искал их след, он не убрался их злобного чародейства... — Конан едва сдержал улыбку, вспомнив задрожавшие при виде магической паутины губы начальника стражи. — И кроме того, он был смел и безжалостен в битве с джавидами, я видел.

Это, конечно, было наглое вранье, ибо Конан отлично помнил, что Самил появился лишь тогда, когда карлики начали отступать из гарема, и обнажил саблю больше для вида. Однако обещания надо выполнять — киммерийцы всегда держат слово, кому бы оно ни было дано.

Самил на четвереньках пополз к ногам шейха, обернувшись на Конана и одарив его взглядом, в котором собачья преданность сочеталась с безграничной благодарностью. Пылко облобызав туфли повелителя, он простерся на ковре, бормоча неразборчивые призывы к милости великодушного владыки. Шейх недовольно пнул его в лицо и, скривив тонкие старческие губы, рыкнул:

— Прочь с глаз моих, собака! Благодари нашего гостя, подарил тебе жизнь он, а не я. С этого дня в моем дворце нет начальника стражи Самила аль-Мурди! Есть раб Самил аль-Мурди, и этого раба я дарю моему гостю и спасителю.

“И кто меня за язык тянул? – огорченно подумал Конан. – Конечно, ему бы отрубили голову, но, по крайней мере, я не остался бы в дураках! Что я теперь с ним делать буду? Пропью в кабаках Султанапура?”

Самил резво подполз к ногам Конана и хотел было приложить губами к его сапогам, но киммериец так свирепо прошипел: “Пшел вон, дубина!”, что бывший начальник стражи проворно поднялся на ноги и, согнувшись в раболепном поклоне, начал пятиться к выходу из зала.

— Эй, раб! – вдруг окликнул его шейх, и Самил в ужасе снова грохнулся на колени, побледнев, как полотно. — Раб! Дай сюда свою саблю и кинжал! Оружие могут носить только свободные люди.

Дрожащими руками Самил снял с себя пояс и протянул его подошедшему палачу. Последний вынул кинжал, осмотрел его и швырнул на пол. Саблю же могучие руки заплечных дел мастера переломили надвое как прутик, а обломки он поднес к шейху и положил у его ног. Только после этой церемонии Самил был отпущен, и исчез из зала, как и обещал Конану — подобно ящерице в барханах.

— А кто такие джавиды? — обратился к шейху Конан. — Я никогда не встречал таких тварей, хотя по миру побродил изрядно.

— О, это премерзостное племя, порожденное отрыжкой Нергала! Их немного, и живут они, подобно иным карликам, в подгорных лабиринтах, но в отличие от племенrudознатцев, не делают ничего полезного, а лишь промышляют грабежом и убийствами. Маленькие негодяи облюбовали заброшенные ходы равахов, поселившись там. Наш благословенный оазис не раз подвергался набегам сих выродков, коих иные племена карликов считают гнусными изгоями. Но никогда доныне они не осмеливались на столь дерзостный набег. Лишь один Кемош знает, что джавиды учинят над моей бедной дочерью!

Глаза старца наполнились слезами, но, пересилив себя он продолжил:

— Я никогда не слышал, чтобы джавиды похищали людей, и чувствую, что здесь не обошлось без заговора со стороны моих многочисленных недругов! Какой-то мерзавец, наверняка, нанял их для того, чтобы завладеть самым дорогим моим сокровищем!

“С каких это пор женщина у зуагиров стала “величайшим сокровищем”? – подумал Конан. – Надо полагать, что сокровищем Мирдани является только от того, что старикан хочет выдать ее замуж за сынка какого-то эмира! Джагул хочет породниться с царствующей династией и тем самым обрести новые богатства и привилегии. Не удивлюсь, если он сейчас начнет умолять меня спасти свое “сокровище”. А, впрочем, кошелек мой сейчас не так уж тяжел...”

И точно. Шейх приблизился к киммерийцу и, молитвенно сложив на груди руки, заглянул ему в глаза:

— О, могучий воин, ты же видишь, как велико мое горе и не откажешь несчастному отцу

в его слезной мольбе! Верни мне Мирдани! Я убежден, что боги послали тебя к нам в час несчастья как избавителя нашего рода и хранителя моей чести!

“Свою честь ты мог бы защитить и собственной саблей, – мрачно подумал Конан, – и, кроме того, я все-таки тороплюсь в Султанапур! Купец со своим караваном должен уже вернуться, а люди, с которыми я хотел бы встретиться, наверно, заждались...”

– Сколько? – коротко спросил Конан.

– Что “сколько”? – недоуменно переспросил Джагул. – Сколько я дам тебе своих воинов в помощь?

– Нет, сколько ты мне заплатишь? А твоим... гм... воинам я не доверил бы даже охрану павлинов в саду.

Конан прекрасно понимал, что сложившаяся вокруг него аура посланника богов и бескорыстного героя после этих слов исчезнет бесследно, растворившись в сиянии золотых монет, но киммерийца, привыкшего зарабатывать своей силой и ратным умением на жизнь, это не слишком бы расстроило. И потом, он уже забыл, когда в последний раз служил “спасителем и избавителем” в ущерб собственному кошельку.

Джагул, помолчал, недовольно пожевав губами, и, наконец, выдавил:

– Пятьсот золотых...

– Оказывается, твое сокровище стоит не так уж и дорого! – усмехнулся Конан, не обращая внимание на потемневшее от гнева лицо Джагула и прокатившийся по залу ропот. – Десять тысяч, или я отправляюсь в Султанапур. А дочку свою поручи искать Самилу.

– Что-о? – протянул шейх, не веря своим ушам, и аж присел от негодования и удивления.

– Десять тысяч турецких золотых, – отчеканил Конан. – И половину вперед. А то Мирдани я спасу, но вернется она домой вряд ли. Я возьму ее себе в качестве оплаты за труды и, надо полагать, твоя дочь не откажется.

Дворцовая челядь, присутствовавшая в зале, замерла, ибо все были уверены, что сейчас на голову чужеземца обрушится ярость шейха, и былые заслуги киммерийца будут забыты. Но в этот момент варвар опять заговорил.

– Кроме того, мне нужен хороший конь – я выберу его сам на твоей конюшне, шейх, запас пищи и воды, а лучше вина, и еще... – Конан сбросил с плеч запятнанную кровью шкуру леопарда, – заменить вот это.

– А конь-то тебе зачем? – ошарашенно спросил Джагул. – Ведь карлики обитают в подземельях! Неужели ты затащишь туда лошадь? Ведь она там не поместится!

“Тыфу, старый дурак! – мелькнуло в голове едва сдержавшегося от того, чтобы не сказать грубость, варвара. – Ты же богаче короля Аквилонии, а скрупишься, будто последний шемит-ростовщик! Но за жизнь Мирдани раскошелиться придется!”

– Лошадь? – задумчиво произнес Конан, глядя в потолок. – Пока я буду искать твою дочь в подземельях, конь постоит в конюшне, а если джавиды увезли ее куда-нибудь, то не пешком же мне за ними гнаться? А заодно, лошадь повезет мое золото...

От такой наглости, не виданной еще в стенах дворца Джагула, придворные заахали и стали перешептываться, пребывая в уверенности, что палачу недолго стоять без дела. Но шейх, немного подумав, кивнул:

– Будь по твоему... гость. Пятьдесят сотен империалов царя Илдиза ты можешь получить хоть сейчас у главного казначея. Но вместо второй половины денег позволь мне предложить то, что пригодится любому воину. Стоимость этой вещи много больше, чем ты просишь. Эй, Мустаб! Принеси сюда аквилонский кинжал, который подарил мне в Аграпуре

посланник из Хоршемиша.

“Ах, ты скряга! – Конана аж передернуло. – Сейчас всучит безделицу, которую можно купить на любом базаре за горсть серебра!..”

Казначей прибежал удивительно скоро, сжимая в руках парчовый сверток. Бережно развернув ткань, он вынул из ее складок казавшийся невзрачным кинжал-дагу, в простых кожаных ножнах без украшений, и с поклоном подал его шейху. Джагул, приняв оружие едва ли не с благоговением, вытянул клинок из ножен и, повернувшись к киммерийцу, торжественно произнес:

– В этот кинжале сосредоточена великая магическая сила – заклятие против чар последователей проклятого Сета наложил сам Раэн из Танасула – великий мудрец, живший около пяти столетий назад. Не смотри на простоту клинка, ибо за ней скрывается великая мощь магов. Кофиец неохотно расставался с этой вещью, но он отдал ее мне за одну услугу.

“Интересно, за какую такую услугу кофийский посол мог расплатиться с зуагиром столь “дорогим” кинжалом?” – Конан, поморщившись, взял оружие в руки и оценивающе оглядел его. Что ни говори, но сталь была действительно великолепна – легкая, гибкая и отлично отточенная. Может быть, и скрывалась в кинжале некая магическая сила, но сейчас она не выплескивалась наружу. Это было даже хорошо – киммериец недолюбливал магию, будь она белой, черной или же любой другой.

– На что он мне? – буркнул варвар, возвращая оружие шейху. – Я привык полагаться на меч и свою голову, а не на магические штучки. Забери обратно.

– Не заберу, – уперся Джагул. – Джавиды используют темную, чуждую людям магию. Ты же сам сказал, что вход в подземелье затягивала огненная сеть! Прими мой подарок!

– Ладно уж, – махнул рукой Конан. – Давай сюда твою игрушку.

Варвар пристегнул ножны к поясу, недовольный тем, что пять тысяч золотых вдруг превратились в никчемный ножик. В бою он обычно употреблял меч, который приходилось держать двумя руками, а работать двуручным мечом и дагой было бы крайне затруднительно…

– Рассвет еще не скоро, – сказал Конан, – волшебная паутина исчезнет только с первыми лучами солнца, и сейчас проникнуть в подземелье невозможно. Не думаю, что даже твой волшебный, – это слово он произнес с ноткой презрения в голосе, – кинжал сумеет ее рассечь… Я пошел спать.

Равнодушно развернувшись, киммериец покинул зал, оставив шейха и его челядь обсуждать его бесцеремонность и неучтивость, столь присущие всем варварским народам.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Это был голос Самила...

По мнению Конана, он сидел в узком проходе, ведущем в огромный подземный зал, уже довольно долго, наблюдая за двумя десятками джавидов, расположившихся под сводами бывшего обиталища песчаного раваха. Они долго переговаривались на своем гортанном наречии, которого киммериец не знал, и вдруг из темного туннеля, уходящего в глубины под песками, появился человек, сопровождаемый двумя карликами. Он заговорил по-турански, и Конан тот час же узнал его. Бывший начальник стражи и был тем, кто позволил джавидам беспрепятственно проникнуть в гарем дворца Джагула...

“Вот ублюдок! – выругался про себя Конан. – А я-то еще утром думал, куда же смылся мой раб!”

Так оно и было. Проснувшись на рассвете, киммериец первым делом отправился ко дворцовому казначею за причитающейся ему мздой и покинул покой хранителя сокровищ только тогда, когда пять мешочеков, тую набитых империалами Турана, приятной тяжестью оттянули его пояс. Затем он отправился на конюшню и с вызывающей неспешностью выбрал себе великолепного гирканийского скакуна буланой масти. Эти животные ценились за свою выносливость и покладистый нрав, могли переходить большие расстояния без отдыха и отличались неприхотливостью в еде. Ну, а кроме того, лошади гирканийцев без особого труда привыкали к новому хозяину, и едва Конан подошел к выбранному жеребцу, как тот вытянул шею и ткнулся мягкими губами в его ладонь в поисках угощения.

– Ему бы еще седло и сбрую, – повернулся варвар к конюху, и последний немедленно принес требуемое снаряжение, ибо шейх приказал выполнять любые желания и прихоти гостя. Взнуздав и оседлав коня, а так же упрятав в седельной сумке кожаные кошели с золотом, Конан подозвал конюха и сказал:

– Он должен быть готов к моему приходу. А прийти я могу в любой момент.

– Слушаюсь, – отозвался конюх.

Киммериец предполагал, что утащившие Мирдани джавиды уже успели переправить ее если не к заказывавшему похищение, то хотя бы к его слугам или посредникам. Поговорив с шейхом, варвар выяснил, что поблизости нет ни одного оазиса, где могут спрятать Мирдани, и поэтому, скорее всего, путь похитителей лежит к Султанапуре. Напасть на след дочери шейха он рассчитывал еще до полудня. Но нельзя было упускать из виду возможность того, что джавиды могут попросту спрятать девушки в своем подземелье и потребовать выкуп у шейха в золоте. Однако Джагул отверг подобную возможность, будучи уверенным, что возлюбленное дитя пало жертвой интриг завистников шейха из рода людей. Кроме того, старый зуагир сказал Конану, что ни один джавид не посмел бы даже подойти к стенам Султанапура, ибо воины эмира нещадно истребляли их, справедливо почитая за опасных и вредных тварей.

Конан неторопливо и обильно позавтракал, чем вызвал яростное, но скрытое негодование шейха, рассчитывавшего, что киммериец с первым лучом утреннего света ринется на поиски Мирдани. Собравшись, Конан уложил свои вещи возле конюшни, а потом под неусыпным надзором Джагула отправился в сад к зарослям жасмина, среди которых он обнаружил минувшей ночью черный провал, затянутый светящейся паутиной. Как и подсказывали ему опыт и знания, полученные от некоторых встреченных ранее знатоков

магии, простенькое охранное заклинание, посвященное Сету, рассеялось, едва забрезжил рассвет, и проход был свободен. Но Конан прекрасно знал, что глубоко под землей, куда не проникает ни единий солнечный луч, можно встретить подобную преграду даже днем. Открытую дыру прохода охраняли пятеро стражей, вооруженных пиками – Конан в душе посмеялся над “предусмотрительностью” того, кто занял место Самила. Варвар был уверен – теперь карлики не появятся в пределах оазиса Баргэми еще очень много дней.

– А ну-ка пропустите! – гаркнул Конан, отталкивая стражников, которые, впрочем, беспрекословно расступились, с уважением поглядывая на рослого чужестранца, собравшегося спуститься в подземелье раваха. По требованию Конана, ему была выдана веревка, и он, привязав один ее конец к извилистым и крепким стволам кустов жасмина, а другой намотав на руку, стал спускаться по наклонному ходу в темноту, придерживая небольшой фонарик, висевший на шее на кожаном ремешке. Без света в туннелях раваха делать было нечего, и сейчас следовало благодарить одного из придворных, у которого завался среди прочих безделушек необычный сувенир – маленький кхитайский фонарик, представлявший собой слюянной куб, в который вставлялась свеча. Коснувшись ногами пола, Конан бросил веревочный моток на пол и отправился вглубь подземелья.

Киммериец долго шел по широкому округлому проходу, достаточно высокому, чтобы не касаться головой потолка – надо полагать, что живший здесь некогда равах был довольно крупным. В стороны отходили многочисленные ответвления, и если б толстый слой пыли, скопившейся в брошенных песчаным червем подземельях, не был усеян следами джавидов, то можно было бы легко заблудиться в темных лабиринтах. Острый слух северянина тоже не дал бы ему запутаться в путанице подземных ходов, благо Конан различал в отдалении неясные голоса карликов, явно собравшихся в одном месте. Джагул сказал правду: некоторые из ходов были обработаны людьми. Красноватый, плотно склеенный чем-то прозрачным, песок кое-где устипался плитками, острые углы были сглажены, а на стенах виднелась копоть от факелов.

“Здесь где-то должен быть ход в сокровищницу шейха... – подумал киммериец, оглядываясь. – Ну, да ладно, оставим посещение этого, безусловно, замечательного места на следующий раз, если таковой случится”.

Туннель шел под уклон. Через две сотни шагов Конан заметил, что четко отпечатавшиеся в пыли следы джавидов повернули в один из узких боковых коридоров. Ощущив в воздухе знакомое напряжение, он пригнулся, обнажил меч и осторожно начал пробираться по забирающему влево проходу. Варвар не зря доверял своим чувствам. Вскоре он обнаружил, что путь загородила точно такая же паутинка, как и виденная ночью – джавиды даже в собственных подземельях соблюдали предельную осторожность. Кроме того, Конан заметил разобранную карликами каменную кладку, перегораживавшую выход из обследованных людьми шейха туннелей. Синеватый свет магической преграды заливал коридор, делая все вокруг каким-то неестественным, неживым, словно принадлежащим чужому миру – миру призраков и демонов. Даже смуглая кожа на руках киммерийца начала поблескивать трупным оттенком.

– Придется искать обходной путь, – огорченно прошептал варвар. – Или возвращаться назад...

Он развернулся, и в этот момент по стене прохода царапнуло что-то металлическое. Конан краем глаза заметил, что рукоять даренного кинжала задела застывшую поверхность обмазанного слюной раваха песка и приостановился.

— В любом случае я ничего не теряю, — задумчиво пробормотал он. — Ну-ка, используем подарочек шейха. А заодно и проверим, какие чары на нем лежат. Врал небось, подлец. Второй половины денег пожалел...

Убрав меч, Конан сжал кинжал в ладони и, приблизившись к пылающей синевой сети на расстоянии вытянутой руки, коснулся острием одной из огненных нитей. Клинок налился ярко-белым светом, и неожиданно в подземном лабиринте стало светло, как днем. Стигийская сеть вдруг начала менять цвет с синего на зеленый, затем потускнела, а через мгновение с чуть слышным шипением распалась на сотни гаснущих искр, рассыпавшихся на полу коридора.

— Недурно, — покачал головой варвар, глядя на исчезающий с граней клинка внутренний огонь, внезапно оживший в нем. — В кои-то веки мне пригодилась магическая игрушка. Интересно, а что она еще может?.. Великий Кром, а это кто такой?

Оказалось, что джавиды не ограничились одной лишь огненной паутиной, но и поставили за ней стражу. Конан отметил про себя, что не зря шейх Джагул предупреждал о магических талантах маленьких уродцев — по его словам выходило, что превзойти джавидов могут лишь стигийцы, у которых едва ли не каждый второй является колдуном. Карлики продемонстрировали свои способности, поставив охранять вход в свое логово тварь, очень напоминавшую демона, а скорее всего, им и являющуюся. Из коридора в круг света, отбрасываемого висящим на шее киммерийца фонариком, выползло отвратительное создание, не выглядевшее, однако, непобедимым. Конан не без удивления воззрился на существо, напоминавшее помесь огромной жабы со столь же крупным скорпионом. Жабье туловище стояло на шести членистых ногах, а над спиной зловеще покачивался скорпионий хвост с зазубренным жалом, на котором поблескивали мутные капли яда. Зверюга была Конану по пояс, но все равно киммериец отступил на несколько шагов назад. Отчего-то тварь не стала нападать на варвара, беззвучно усевшись возле места, где совсем недавно красовалась паутина Сета, врашая выпученными красноватыми глазами.

— Провести меня надумали, хитрецы? — проговорил Конан, ехидно улыбнувшись. — Не выйдет! Знаком я с такими фокусами!

Чудище оказалось безвреднее муhi — киммериец понял это, обратив внимание на то, что при движениях создание не издавало даже легкого шороха, а его лапы не поднимали пылевых облачков над полом. Это была доступная любому, даже начинающему магу шуточка — обыкновенный фантом. Иногда молодые и неопытные чародеи, желая преподнести приятный сюрприз своим знакомым или родичам, а то и просто напугать мирных обывателей, создавали монстров, по сравнению с которыми пиявшееся сейчас на Конана нелепое создание показалось бы попросту детской шалостью. Когда-то давно варвар мог попасться на такую удочку, но те времена давно прошли. Конан, глазом не моргнув, двинулся прямо на фантома и преспокойно прошел сквозь него. Тварь пошевелила неповоротливой бородавчатой головой и киммерийцу показалось, что во взгляде ее круглых выпуклых глаз скользнула обида.

— Извини, приятель, — бросил через плечо Конан. — Я тороплюсь...

Свет впереди забрезжил внезапно, и удвоивший осторожность киммериец задул теплящуюся в прозрачной коробочке свечу, а затем неслышно подошел к выходу из коридора и выглянул. Уходящий в сгущавшуюся вверху темноту куполообразный свод слабо освещался несколькими факелами, воткнутыми прямо в песок. На полу широкого, шагов пятьдесят в поперечнике, зала сидели закутанные в свои мрачные одеяния джавиды и, судя по злобно-

взглывою интонации их речей, переругивались. У Конана появилась возможность как следует рассмотреть некоторых представителей низкорослого племени, ибо часть джавидов откинула с лиц капюшоны. Поросшие густой коричневой, местами рыжеватой шерстью плоские морды (язык не поворачивался назвать это лицом), малюсенькие темные глазки, отсвечивавшие в темноте багровым, сливообразные и тоже волосатые носы, нависающие над широким губастым ртом, с углов которого на кудлатую бороду, свидетельствующую об общем происхождении с гномами, стекала вязкая слюна, и к этому – странная мимика, шепелявокартавый язык и движения коротких ручек и ножек, неприятно напоминавшие двухлетнего ребенка... Зрелище и жалкое и отвратительное одновременно. Конан как-то встречал настоящих гномов, правда, случилось это довольно давно, и они были куда более симпатичными, нежели джавиды. По крайней мере, у них не росли длинные, вислые уши, отчасти напоминавшие ослиные.

Почти два десятка уродцев, расположившихся на драных, явно ворованных, коврах, отчаянно спорили, а иногда старший из джавидов – наиболее хорошо одетый карлик, в волосах которых сквозила почтенная седина – отсылал некоторых своих соплеменников в один из темневших справа ходов, но те возвращались очень быстро и, повизгивая, отрицательно крутили головами.

“Наверное, ждут кого-то, – решил Конан. – Может, и мне подождать? Если они поставили в этом коридоре магическую преграду, то, значит, со стороны выхода в сад никого не ожидают, да и сами сюда сунутся вряд ли. Одно плохо – пленицы нигде не видно. Или ее прячут в другом месте, или уже переправили, куда намеревались.”

Так Конан прождал довольно долго, и, наконец, двое посланцев старого джавида привели за собой долгожданного гостя.

– Вы сделали все, как нужно, – не приветствуя карлика, с ходу начал человек. Говорил он на языке Турана. – Сейчас она уже на пути в город. Тот, кто дал это поручение, обещает принести джавидам их драгоценность в течение двух лун. И, кроме того, Ниорг – так, видимо, звали старейшину карликов – я требую, чтобы ты возместил мне за мои страдания! Ведомо ли тебе, в какую передрягу я попал, а? Меня едва не казнили! И потом, я потерял должность при дворе Джагула и был обращен им в рабство! Хорошо, хоть бестолковый дикарь с севера, которому меня и подарили, – последние слова Самил произнес с изрядной долей презрения, – заступил перед лицом шейха и не позволил проклятому Джагулу снести мне голову.

“Ах, негодяй! – мелькнула у Конана злая мысль. – Я тут распинаюсь перед лишившимся ума от горя старишкой, речи говорю, а этот поганец, получив в подарок жизнь, тут же сбегает! Потом выясняется, что он-то, оказывается, и учинил весь этот кавардак! Ну, ничего, я еще заявлю свои права на собственность! Кстати, что в там Туране полагается делать с беглыми рабами?..”

Старший карлик поднялся на ноги и на скверном туранском наречии прошепелявил:

– Послушай, ты, беглый раб! Как ты смеешь требовать от нас еще что-то? И это после того, как наш народ потерял столько воинов! Ты же обещал, что стражи будет мало! За такое предательство джавиды карают смертью!

С этими словами джавид махнул рукой остальным карликами, и те, мгновенно вскочив, бросились на Самила. Доселе скрытые в складках плащей кривые тяжелые мечи внезапно оказались в их руках.

– Эй, вы что?! С ума посходили?! Отродья Сета! – закричал Самил, отскакивая в сторону.

У него теперь не было даже сабли, чтобы защитить свою жизнь. – Остановитесь! Я ведь сделал все, как вы требо...

Его сполошный крик потонул в визге атакующих джавидов. Самил упал на пол, закрыв голову руками, не надеясь на спасение – в подземельях раваха никто не мог прийти ему на помощь, и теперь бывший начальник дворцовой стражи вознес немногословную молитву к Кемошу, уповая на то, что бог зуагиров, кстати, не терпящий греха предательства, все же помилует его и даст отдых на Серых Равнинах Мертвых.

И тут словно голос самого Кемоша раздался под песчаными сводами:

– Никому еще я не позволял посягать на мое имущество!

Для Конана не составило большого труда раскидать вопяющих карликов. Снеся головы тем, кто рискнул сопротивляться и распугав остальных одним своим видом, он загнал джавидов в уходящий во тьму коридор, однако,глядел, что их старейшина успел улизнуть, прихватив с собой несколько мешочеков. Наверное, с золотом. Киммериец подошел к неподвижно лежащему Самилу. Тот уже мнил себя бесстесным призраком на Серых Равнинах, в царстве Нергала, когда варвар пару раз пнул его, а потом, ухватив за шиворот, рывком поставил на ноги.

– Хо-хозяин?.. – промямлил Самил, повиснув в руке Конана, подобно крысе в зубах собаки.

– Хозяин, хозяин! – подтвердил киммериец.

– А как же Серые Равнины? Вас что, тоже убили подлые джавиды?

– У тебя разум от страха помутился, пес? – рявкнул Конан и встряхнул Самила. – В Царство Теней ты всегда успеешь! А ну-ка говори, что вы тут с джавидами затеяли? Куда дели Мирдани? А?

– Я ничего не знаю! Я не виноват! Это они все сами! – заскулил вторично спасенный Конаном от неминуемой смерти зуагир.

– Ах, не знаешь? – зловеще ухмыльнулся киммериец. – Подзабыл, может? Так я тебе сейчас напомню!

Конан сопроводил слова действием, двинув Самила об стену пещеры, причем не один раз. При каждом соприкосновении с твердым, как камень песчаником, Самил издавал тихие короткие всхлипы и, наконец, взывал так, что с потолка посыпалась пыль.

– Хозяин! Неужели ты спас меня только для того, чтобы убить?!

– Скорее всего, именно для этого, – спокойным голосом отозвался “хозяин”, не прекращая мутузить своего нового раба об стену, – но для начала я вытрясу из тебя все, что ты знаешь о похищении дочери шейха!

– Да, да, я расскажу все, все, что знаю и что пожелает услышать от покорного слуги добрый хозяин, – простонал Самил в промежутках между ударами. Кровь из разбитого носа залила его губы и подбородок. Он понимал, что дальнейшие запирательства приведут к тому, что могучий северянин, в лучшем случае, сильно покалечит его, а то ненароком и убьет. Если выложить все, как есть, то, быть может, появится надежда остаться в живых.

Конан отшвырнул Самила в центр зала, в круг света, исходившего от забытых джавидами факелов, на груду потрепанных ковров и встал над ним, широко расставив ноги и скрестив руки на груди.

– Ну?! Начинай свою повесть, – задушевным тоном проговорил киммериец, однако, Самил явственно различил в его голосе стальные нотки. Сбиваясь и всхлипывая, размазывая по лицу текшую из носа кровь, Самил начал рассказывать, как однажды, будучи по делам в

Султанапуре, его позвал в свой дом пятитысячник султанапурского гарнизона Турлей-Хан, сказав, что желает передать какой-то подарок шейху Джагулу и именно через Самила, как начальника стражи крепости Баргэми.

— Кто этот Турлей-Хан? — спросил Конан.

— О, это один из самых богатых и уважаемых людей в городе, — прохрипел Самил, — он командует всей кавалерией доброго государя нашего Илдиза, которая стоит в этой части империи. В его руках сосредоточена власть не меньшая, чем та, что принадлежит султанапурскому наместнику — эмиру Хайберди-Шаху. Он любимец и дальний родственник самого царя Илдиза, и пользуется его благоволением...

— Ну, и что тебе сказал Турлей-Хан?

Самил поведал о “подарке”, приготовленном туранским князем шейху зуагиров. Когда начальник стражи оазиса Баргэми прибыл в роскошный дворец Турлей-Хана, тот предложил ему несколько однобокий выбор: либо умереть на месте (за спиной Самила тогда стояли четверо здоровенных чернокожих рабов из Кешана), либо, приняв от монаршего фаворита двадцать пять тысяч золотых, помочь уже нанятым им джавидам похитить дочь Джагула аль-Баргэми.

— Отчего это Турлей так невзлюбил твоего бывшего хозяина? — спросил Конан.

— Река оазиса несет в себе самоцветные камни и золото, — сказал Самил в ответ. — Пятитысячник, который почти столь же богат, как и царь Илдиз, хотел наложить руку на неиссякаемый источник сокровищ и пытался просить шейха отдать ему в жены Мирдани. Но Джагул понял, что в таком случае придется постоянно делить с алчным и ненасытным зятем приносимые рекой Баргэми сокровища, и твердо отказал, решив выдать дочь замуж за человека, которому не нужно золото — сына Шангарского эмира. С этим браком Джагул больше получил бы для себя нежели отдал, тем более, что он еще не выдал замуж старших своих дочерей! Турлей-Хан решил отомстить шейху за обиду, и теперь сделает Мирдани своей рабыней и наложницей.

— А почему шейх не может принести жалобу в Аграпур, царю?

— Какому царю?! — взмолился Самил, проклиная в душе непроходимую тупость киммерийца, слабо разбиравшегося в тонкостях дворцовых интриг на востоке. — Да Илдиз и слушать не захочет о чести неизвестной зуагирской девицы, а скорее, наоборот — заставит Джагула ублажить своего любимчика!

— А что ты говорил про вещь, которой похититель должен расплатиться с карликами в течении двух лун? — вдруг нахмурился Конан.

— Я точно не знаю, — пролепетал бывший начальник стражи. — Знаю только, что она хранится в сокровищнице султанапурского эмира, куда Турлей-Хан имеет свободный доступ. Это какое-то древнее сокровище народа джавидов, по слухам, связанное с темной магией Сета.

— Как выглядит эта штуковина? — продолжал настаивать варвар. — Она дорогая?

Безошибочный нюх Конана моментально учял возможность прибавить к полученным у Джагула пяти тысячам и магическому кинжалу (откровенно говоря, почти бесполезному) еще немного. Однако, Самил пробормотал:

— Господин мой, не связывайся с джавидами и их магией. Этот народ поклоняется неведомым и тайным силам, несущим смерть всем, кто не принадлежит к их поганому племени. Они, подобно стигийцам, владеют силой, подаренной им злобным Сетом, а вещь, из-за которой джавиды пошли на столь большой риск и жертвы, очевидно, содержит в себе

так много зла, что ты не унесешь его на своих плечах!

— Я спросил — она дорогая? — угрожающе повторил Конан. — Если она не представляет из себя хоть какой-то ценности, то почему эмир держит ее в своей сокровищнице? Я много раз встречал очень дорогие безделушки, про которые баяли, будто они наполнены магией доверху, а оказывалось, что так набивалась цена.

— Я сам никогда не видел этот сосуд, — ответил Самил. — Но эмир хранит его потому, что сплетен тот из вытянутого в нити стигийского белого золота..

“Белое золото? Ну и ну! Да за такой кувшинчик можно купить всю Аквилонию с Тауроном, Зингарой и Аргосом в придачу, и еще на вышивку останется! Про магию, может быть, и брехня, а вот саму вещичку посмотреть стоит. Я думаю, она нужна джавидам, несомненно, меньшее, чем мне.”

— Когда Турлей-Хан передаст карликам сосуд?

— Не знаю, — проблеял Самил. — Они сами будут разбираться с пятитысячником, а то, что было поручено мне я выполнил.

— Ладно, — вздохнул Конан. — А с Мирдани-то что? Где она сейчас?

— Джавиды передали ее слугам Турлей-Хана, и сейчас они уже, наверно, приближаются к стенам Султанапура.

— А ты уверен, что с дочерью шейха ничего... э... не случится в пути?

— На все воля Кемоша, — развел руками Самил, радуясь в душе, что нашел, наконец, возможность поддеть “нового хозяина”. Но тут Конан метнул на него такой яростный взгляд, что, сникнув, Самил добавил:

— Я слышал, что Турлей-Хан пригрозил страшной казнью тому, кто дотронется до Мирдани хотя бы пальцем. Так что, до времени, пока она не окажется в серале пятитысячника, самое большее что ей грозит — ожоги нежной кожи от жаркого солнца пустыни...

— Поедешь со мной в Султанапур, — велел Конан, понимая, что сейчас действовать надо быстро.

— Господин, посмотри — джавиды!.. — сдавленным шепотом вдруг проговорил Самил, глядя широко раскрытыми от страха глазами на что-то за спиной киммерийца. Быстро оглянувшись, Конан увидел в темноте коридора несколько пар мерцающих красным глазок, рассмеявшись, поднял с пола забытый карликами глиняный кувшин, размахнулся и запустил его туда. Глазки исчезли.

— Боятся! — ухмыльнулся северянин и, повернувшись к Самилу, рявкнул: — А ну вставай, бездельник, пока я не спустил с тебя твою вонючую шкуру или еще раз не двинул об стенку!

Зуагир проворно вскочил, приняв полусогнутую раболепную позу. Конан одобрительно кивнул и указал на коридор, который привел его в подземный зал.

— Пойдешь впереди меня. Можешь не пугаться, там сидит довольно противная тварь, но бояться ее не следует, это обычный призрак.

— А вот это — нет! — пискнул Самил, дрожащим пальцем указывая туда, где только что светились глаза карликов.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Конан и, повернув голову, увидел...

— Проклятые последователи Сета натравили на нас своего демона! — перепугано заныл “новый раб” Конана, прежде никогда не сталкивавшийся с подобными существами.

— Да не бойся ты, — махнул рукой киммериец. — Если карлики поставили охранять коридор, по которому я пришел, обычного фантома, то на большее они вряд ли способны.

Смотри. Я сейчас пройду сквозь него, и он не сможет причинить мне никакого вреда.

Никогда не подводивший варвара инстинкт сейчас сыграл с ним злую шутку. Приглядевшись, Конан понял, что ошибся и зря хвастал. Выбредавшее из мрака существо оказалось вполне материальным и принадлежало материальному а не призрачному миру больше, чем хотелось бы киммерийцу. Перед ним стоял, человек – не человек, ящерица – не ящерица, а какая-то жуткая помесь того и другого. Надо полагать, что джавиды хорошо разбирались в людях и знали, что именно может напугать любого.

Но не Конана.

Он спокойно, даже немного с удивлением, оглядывал мускулистую фигуру, один к одному похожую на его тело, однако же покрытую зеленоватой чешуйчатой шкурой.

“Маленькие мерзавцы еще и издеваются надо мной!”

На этом сходство и заканчивалось. Мощный торс демона венчала голова ящера. Из усеянной мелкими зубками полуоткрытой пасти выглядывал блестящий раздвоенный язык, который, как казалось, жил отдельной от хозяина жизнью, крутясь во все стороны и точно что-то вынюхивая. Круглые, ничего не выраждающие глаза, холодно смотрели на приготовившегося к бою киммерийца. В правой лапе человеко-ящер сжал древко оружия, похожего на алебарду, разве что лезвие было выполнено в виде обвивающего пику змея, на хребте которого торчали острые шипы.

Конан замер, внимательно следя за каждым движением монстра. Его удивляло, что демон словно не видит своего противника и, крутя головой, озирает зал в поисках чего-то иного, нежели двух людей, находящихся прямо перед ним. Неожиданно, не выдержав напряжения, от которого, казалось вот-вот лопнут нервы, Самил со сдавленным воем кинулся к коридору, на который указывал Конан, как на ведущий к выходу из подземелья. И в этот момент тварь ожила. Молниеносным движением шишковатой лапы она метнула свою алебарду в Самила. Голова змеи выкованная из тусклой стали, острая как кинжал, с хрустом вошла в спину человека, пригвоздив его к полу. Самил не успел издать даже предсмертный крик. Демон поднял к потолку свою бугорчатую морду и заревел, подобно горному льву. Эхо разнесло его победный клич по мрачным подземельям песчаного раваха.

Затем чудовище, совершенно не обращая внимания на застывшего, будто статуя, киммерийца, подошло к мертвому Самилу, и прижав его ногой к песку, выдернуло пику.

Внезапно Конана осенило – демон способен видеть только то, движется...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Нанести удар первому Конану не пришлось. Демон улавливал даже самое незначительное движение, и когда меч слегка дрогнул в руках киммерийца – он уже изготовился к нападению, зная, что сейчас жизнь зависит лишь от собственной быстроты и ловкости, – чудище сделало стремительный выпад алебардой, заставив северянина отскочить в сторону, одновременно отводя страшной силы удар в песчаный пол. Острие пики проломило корку склеенного слюной раваха песка и вонзилось в рыхлую землю. Пользуясь мимолетным замешательством человека-ящера, пытавшегося выдернуть застрявшее в полу оружие, Конан рванулся вперед, выставив перед собой меч и надеясь проткнуть противника насеквоздь. Клинок бессильно скользнул по зеленоватой чешуе, оказавшейся неожиданно прочной. В следующее мгновение тяжеленный кулак демона нанес мощный удар в челюсть киммерийца, который тот не успел парировать. Конану показалось, что песчаный свод пещеры обрушился ему на голову. Варвар, перекувырнувшись в воздухе, пролетел через весь зал. Его полет прервался некстати подвернувшейся стенкой...

Киммериец не выпустил из рук меч, и, тем самым спас свою жизнь. Демон, схватив секиру обеими лапами, с угрожающим рыканьем ринулся на сидящего возле стены и растерянно трясущего головой варвара, рассчитывая прикончить его одним ударом. Способность видеть вернулась к Конану в момент, когда острие пики в виде змеиной головы стремительно летело к груди. Монстр зажал древко под мышкой, подобно пуантенскому конному рыцарю, намереваясь поддеть человека алебардой. Привычным движением, не раз спасавшим ему жизнь, Конан поднял меч, защищаясь от удара сверху и инстинктивно отклонил голову, надеясь уйти от смертельного выпада. Высекая искры, стальная змея скользнула по длинному, широкому лезвию меча, и со всей силой, вложенной демоном в удар, вонзилась в стену, к которой прислонился Конан. Раздался треск ломающегося древка, послышались булькающий хрип чудища, напоровшегося всей тяжестью своего тела на клинок, и сдавленное хрипение Конана; не удержавшись на ногах, монстр рухнул на варвара, но тут же вскочил и принял с сиплым визгом кружить по залу, пытаясь выдернуть меч варвара, торчащий из горла.

Киммериец защитил себя бессознательно, повинуясь инстинкту самосохранения, ибо столь сильный удар в голову, какой был получен от подчиненного джавидам демона, мог свалить замертво кого угодно. Оглядевшись в поисках какого-нибудь оружия, варвар наткнулся взглядом на застрявшее в стене лезвие алебарды и лежащий неподалеку кусок расщепленного древка. Пошатываясь, он подошел к валявшимся обломкам и не без труда вытащил некогда грозное оружие. Усмехнувшись, Конан взвесил в руке доставшийся ему “трофей” и подумал, что эта штука больше подошла бы палачу шейха Джагула. Но выбора сейчас не было. Схватив в левую руку кусок древка с торчащими из него в разные стороны острыми щепками, киммериец изготовился к бою, и вовремя: раненое чудовище, скрывшись сперва где-то в темноте, теперь возвращалось, оглашая пещеру громкими хрипами и безуспешно пытаясь выдернуть все еще торчавший в шее меч.

– Надо бы эту тварь остановить, а то уволочет куда-нибудь мой меч, да и сдохнет в подземелье, а я потом ходи и ищи... – вполголоса пробормотал северянин.

Монстр несся прямо на Конана, явно не видя человека и ничего не соображая от боли. Киммериец решил, что на сегодня с него ударов об стенку хватит, и резво отскочил в сторону,

огрев при этом обезумевшего демона своим новым оружием по загривку. Человеко-ящер со всего размаха врезался в стену пещеры, как раз в той стороне, где только что стоял Конан, отлетел назад и упал на спину. Торчащий из горла демона меч вонзился еще глубже, причиняя чудищу невероятную боль. Лежа на спине, монстр ухватился своими безобразными передними лапами с бугристыми суставами прямо за лезвие клинка, отхватив себе при этом два или три пальца и сильно порезав остальные. Темная кровь вязко стекала по клинку и сочилась из порезанных пальцев бьющегося на полу демона.

Даже и не вспомнив, что лежачего бить нехорошо, варвар бросился на него, осыпая градом ударов, не достигавших, однако, цели. Твердую чешую импровизированное оружие пробить не могло, оставляя на ней лишь неглубокие зарубки. Заметив, наконец, прыгающего вокруг человека, ящер, взъярившись, нашел силы подняться на ноги и броситься на противника. Конан каким-то чудом успел увернуться и, растянувшись на полу, замереть, помня, что зеленый урод видит исключительно то, что движется.

“Так... Заколоть я его не могу, тем более той дрянью, что мне досталась вместо меча. Если буду двигаться, рано или поздно это плохо кончится: убить демон меня, может, и не убьет, а вот к стенке приложить сумеет так, что потом месяц не отлежишься! А потом осмелевшие джавиды выскочат из темноты, и прирежут... – чудовище, не видя человека, снова принялось за свои бесплодные попытки выдернуть глубоко засевший клинок, – и что теперь делать?..”

Стараясь двигаться как можно меньше, чтобы не привлечь нечаянным шорохом или слишком резким движением внимание демона, киммериец приподнялся на руках и осмотрелся – не показались ли джавиды? Но маленькие обитатели подземелья не выходили в зал, явно наблюдая за схваткой из безопасного и темного коридора. Зато на глаза северянину попался чадивший факел из числа тех, которые не затоптал метавшийся по пещере человеко-ящер.

“А ведь если света не будет, демон меня не разглядит... Наверное... Зато я-то его увижу! Там и разберемся...”

Отбросив бесполезный обломок древка, Конан стремительно вскочил на ноги, бросился к ближайшему факелу, сбил его и принял затаптывать. Он успел погасить таким способом уже почти все факелы, когда монстр в очередной раз заметил движение в зале и кинулся на столь долго сопротивляющуюся добычу. Киммериец попытался отмахнуться горячим факелом, но, видя, что попытка обречена на провал, не нашел ничего лучшего, чем ткнуть пылающим оконечьем чудищу прямо в распахнутую, наполненную пузырящейся розоватой пеной пасть, пытаясь выиграть хоть немного времени. Случившееся потом поразило даже видавшего виды северянина: факел исчез в бездонной глотке чешуйчатого гада, а мгновение спустя своды пещеры потряс странный звук, напоминающий многократно усиленный хлопок проколотого бычьего пузыря. Там, где только что стоял человеко-ящер, вдруг вспыхнул и, взметнувшись к потолку, моментально погас пламенный шар, а дымящиеся ошметки разлетелись по всему залу.

– А где меч? – мрачно спросил у самого себя Конан, озирая образовавшуюся в середине пещеры изрядных размеров яму и раскиданные вокруг бесформенные куски обгорелого мяса. Один из факелов чудом остался гореть, и, взяв его в руку, киммериец начал обшаривать пещеру. Меч нашелся в другом конце зала, наполовину ушедшим в стену, вокруг лезвия расходились в стороны извилистые трещины. Вытащив клинок, Конан убедился, что оружие почти не пострадало, за исключением едва заметных зазубрин.

Надо было возвращаться. Подземелья раваха и так преподнесли уже много неприятных сюрпризов, а нарываться на новые приключения у киммерийца не имелось никакого желания. Сомневаться же, что джавиды могут снова попытаться пронять незваного гостя, натравив на него что-нибудь подобное вызванному при помощи темной магии демона, не приходилось. Киммериец и так узнал все, что ему было нужно – Мирдани везли в Султанапур, к Турлей-Хану, и искать ее следовало именно там. Ну, и потом, перед глазами Конана так и мерцали десятки тысяч золотых турецких империалов, которые можно было выручить у любого ювелира за кувшинчик из белого золота. И пусть джавиды не мечтают, что их волосатые лапы будут держать сей сосуд – карликам он не нужен, это точно!..

Джавиды, видимо, сообразив, что с Конаном лучше не связываться, присмирили и затаились в темноте, не решаясь показаться на глаза человеку, повергшему демона, в которого они вложили столько труда и магической силы...

Конан подошел к коридору, ведущему в сторону дворцовых подземелий, и пнув ногой труп Самила, проворчал:

– Стоило обзавестись рабом, как его тут же порешили! Пусть теперь джавиды его и хоронят, а если появится желание, могут и пообедать...

Магия карликов рассеивалась: от фантома, сидевшего в проходе осталась лишь бледная тень, неспособная напугать и ребенка. Киммериец невозмутимо прошел мимо, даже не посмотрев в его сторону. С его звериным чутьем найти обратную дорогу варвар мог бы и в полной темноте, но сейчас он держал над головой последний оставшийся непотушенным факел. Отданный киммерийцу челядинцем шейха фонарик, сорвался с ремешка во время боя и, затоптанный в песок, валялся где-то в потерявшемся позади зале.

Миновав знакомые коридоры, Конан вышел точно к той дыре, сквозь которую джавиды проникли во дворцовый сад крепости Баргэми. Веревка лежала там, где он ее оставил – один конец шнура уходил наверх, откуда в подземный сумрак спускались пыльные полосы солнечных лучей. Подергав за веревку, Конан убедился, что она по-прежнему привязана, и, подпрыгнув, стал взбираться наверх. Глаза варвара настолько привыкли к темноте, что поначалу он едва не ослеп от яркого дневного света. Однако, киммериец смог вовремя различить метнувшуюся к нему тень и, вжав голову в плечи, избежать удара сабли.

– Эй, вы, безмозглые твари! – громко рявкнул Конан, прибавив пару выражений, которые зуагирам знакомы не были, но общий смысл стал понятен моментально.

– Извини, господин, мы не узнали тебя! – нестройным хором ответили стражники, когда Конан, подтянувшись на краю ямы, одним прыжком поднялся на ноги, и его огромная фигура угрожающе нависла над головами зуагиров. Судя по тому, как стражи на него смотрели, варвар понял, что с ним не все в порядке и, оглядев себя, резюмировал:

– М-да...

Вся одежда была изгажена буровато-зеленой слизью, служившей демону кровью. Киммериец совершенно не заметил, что когда монстра разнесла на куски неведомая сила, несколько ошметков его плоти прилипли к новой дареной шкуре, а брызги крови заляпали гриву темных волос. Кроме того, пыль, поднимавшаяся от гулявших по коридорам раваха сквозняков, осела на северянине толстым слоем. Немудрено, что стражники приняли выбравшееся из подземелья страшилище за губительное порождение магии карликов.

– Мне бы помыться надо, – сказал Конан старшему смены, охранявшему вход в подземелье, но в этот момент в дворцовый сад выбежал шейх Джагул, услышавший возглас Конана, и налетел на киммерийца, как песчаная буря.

– Ну?! Что?! Где она?! Она жива?! – срывающимся голосом сыпал невнятные вопросы несчастный старик, мало обращая внимания на внешний вид северянина.

– Я, думаю, что Мирдани жива и, скорее всего, здорова, – невозмутимо произнес Конан.

– Так ты не нашел ее?! – взвыл Джагул.

– Да нет, – пожал плечами киммериец. – Но я знаю, что твоя дочь сейчас находится на пути в Султанапур, к человеку приказавшему ее похитить. Я даже знаю его имя...

– Кто, кто этот сын раваха, зачатый во прелюбодейской связи с гиеной?!

– Его имя Турлей-Хан, – сказал Конан и на всякий случай отошел на пару шагов назад, представляя, какой поток ярости выплеснется сейчас из Джагула.

Несколько мгновений стояла гробовая тишина, а сам Джагул аль-Баргэми наливался тяжелой багровой краской смертного гнева. Конан даже испугался, что с шейхом сейчас случится то же, что случилось с демоном в подземельях раваха.

– Турлей-Хан?!! – прошипел Джагул и сразу же сорвался на истощный крик, от которого с тоскливыми, испуганными криками, похожими на мяуканье, разбежались, суматошно маха коротенькими крыльями, павлины, копавшиеся в кучке сухих листьев неподалеку.

– Я так и знал, что этот змееныш, чье смрадное дыхание оскверняет воздух Турана и коего высыпал старый, выживший из ума петух Илдиз, рано или поздно припомнит мне, как я не возжелал породниться с подобной тварью! Этот царский лизоблюд только и думает, где бы набить свое прожорливое брюхо и не менее алчный кошель! Поганый сластолюбец, осквернивший половину супружеских лож Султанапура! Жалкий раб, чей язык почернел от вечного лобызания сапог своего хозяина! О, проклятый бесстыдник, в чьем доме сожительствуют мужчины с мужчинами и женщины с женщинами, и где он проводит дни в безобразных оргиях, от одного вида которых сам Сет содрогнулся бы! И в этот рассадник порока попадет моя бедная, нежная, невинная Мирдани?! О, нет! Нет!!!

Джагул задохнулся и, прижав обе руки к груди, пошатнулся назад, тут же подхваченный стражами. Лицо шейха побледнело, губы приобрели неестественный синеватый оттенок, на лбу мелкими каплями выступил пот. Он повис на руках перепуганных стражников, запрокинув голову и хрипя. У рта старика выступила вязкая белая pena.

– Что это с ним? – недоуменно проговорил Конан.

– Лекаря! – раздался чей-то истощный крик. Сквозь толпу челяди, прибежавшей вслед за шейхом в сад, протолкался маленький сухонький старичок с огромной замшевой сумкой через плечо и засеменил к Джагулу, заботливо уложенному на плащ одного из воинов.

Глядя, как лекарь хватает шейха за запястье, смотрит в закатившиеся глаза, суетливо роется в сумке, сует под нос повелителю какие-то пузырьки, Конан подумал: “Да, пожалуй, шейху Джагулу уже никто не поможет. Хватил удар беднягу... Жаль, конечно, забавный был старикан, дочку свою любил... Кстати, дочка! Гнаться мне теперь за ней или не стоит? Турлей-Хан, судя по выражениям шейха, мерзавец неописуемый, и Мирдани в его гареме делать совершенно нечего. Да и сосуд этот загадочный, опять же... Ладно, обещания следует выполнять, хотя бы из уважения к покойным.” Последнюю мысль Конан едва не произнес вслух, всмотревшись в осунувшееся лицо и остекленевшие глаза Джагула. Лекарь продолжал еще делать вид, что предпринимает все усилия для спасения господина, но сам уже понял, что шейх Джагул аль-Баргэми ныне на пути к Серым Равнинам, куда ведут все земные дороги.

Вдруг, немилосердно расталкивая толпу, к телу шейха подбежал человек в запыленной дорожной одежде зуагиров, склонившись над ним, пристально всмотрелся в окаменелое

лицо и медленно, будто с тяжким усилием, положил руку на полуоткрытые мертвые глаза Джагула...

Не став дожидаться трагической сцены, которая неминуемо последовала бы за заключением лекаря объявившего о смерти владыки, Конан прошел через сад во дворец. Воспользовавшись тем, что большинство слуг еще ничего не знало, он выяснил, где может смыть с себя следы боя с демоном, и сказал, чтобы ему принесли обед. Хорошенько отмокнув в напичканном всевозможными благовониями бассейне и облачившись в новые одежды, принесенные рабами, варвар приступил к трапезе, которая оказалась не столь изысканной, как вчерашняя, но все же по-восточному щедрой. Ему накрыли прямо возле бассейна, в одной из уединенных частей дворцовога сада. Старательно обгладывая баранью лопатку, киммериец строил планы на оставшуюся часть дня. Безусловно, было необходимо выехать из крепости Баргэми как можно быстрее и направиться в сторону Султанапура, тем паче, что сейчас у Конана имелось все необходимое: добрый конь и куча денег. Единственное, необходимо было выяснить у того, кто займет место шейха Джагула, нужна ему Мирдани или нет.

“А если нет? – мелькнула мысль. – Еще чего доброго, потребуют назад денежки... Так я их и отдам!”

Словно в ответ на его мысли, возле бассейна появился высокий и статный мужчина лет сорока – сорока пяти в окружении троих зуагиров в белоснежных нарядах, вооруженных сверкающими обнаженными саблями. Лицом он несколько походил на Джагула – надо полагать, что почивший шейх был таким во дни молодости. Суровые темные глаза в упор смотрели на киммерийца, лицо от виска и до подбородка пересекал узкий сабельный шрам, теряющийся в черной с серебристой проседью бороде. Судя по грозному виду явившегося зуагира, и готовому к бою оружию телохранителей, можно было подумать, что они пришли схватить Конана и заточить его в темницу. Только вот за что? На всякий случай, киммериец положил ладонь на рукоять меча, с которым не расставался ни при каких обстоятельствах, и спокойно посмотрел в глаза незнакомцу. Он узнал человека, который закрывшего глаза покойному шейху в саду.

– Ты ли Конан из Киммерии? – красивым баритоном осведомился бородатый.

– Может, и я, – осторожно ответил варвар, решив пока не говорить лишнего.

– Мое имя Джрафир аль-Баргэми. С этого дня я – шейх нашего рода.

“Ну, вот, начинается... – тоскливо подумал Конан. – Сейчас потребует назад деньги – мол, это все папашины дела, а я про них знать ничего не желаю. Вот всегда так! Но получит этот новоявленный шейх *мое* золото исключительно через мой труп. А скорее всего, через свой.”

Мрачные предположения Конана, к счастью, не оправдались. Джрафир чуть склонил голову, приветствуя киммерийца, сел рядом с ним и жестом руки отоспал стражу. Конан, однако, не убрал ладони с гарды меча.

Помолчав немного, Джрафир заговорил:

– Как ты можешь видеть, чужеземец, в минувшие дни Кемош послал нашему роду множество испытаний. Наши души скованы цепью несчастий, начавшихся с того злосчастного часа, когда караван отца прошел над жилищем раваха, да будет семя его проклято всеми богами! Затем под покровом тьмы в дом наш пробрались мерзкие джавиды и, принеся смерть многим воинам рода, похитили возлюбленную сестру нашу Мирдани. И вот теперь весь род Баргэми оплакивает своего любимого шейха, который в течении многих

и многих лет защищал нас от врагов наших, и укрывал детей своих, подобно орлу, простирающему крылья над птенцами своими...

Бесшумно появившиеся рабы принесли и поставили рядом с ними еще один столик с легкими угощениями и вином и столь же незаметно удалились.

— Мне очень жаль, Джрафир, — сказал Конан попытавшись изобразить на лице сочувствие. — Ты что-нибудь хочешь от меня?

— Отец наш шейх Джагул щедро заплатил тебе, Конан, за то, чтобы ты вернул Мирдани в лоно родного дома. Когда ты сможешь исполнить обещанное?

— До Султанапура полный день пути, а похитители и Мирдани, скорее всего, уже в виду городских стен.

Джрафир удивленно поднял бровь, и Конану пришлось рассказать новому шейху все, что произошло в подземельях раваха и передать ему признание Самила.

— Я всегда не доверял этому мерзавцу, — мрачно заметил Джрафир. — В Царстве Теней он будет самым последним рабом Нергала! Что ты собираешься делать сейчас, варвар?

Последнее слово Конан пропустил мимо ушей, потому что давно уже не обижался, когда его так называли. Он считал, что варваром быть ничуть не хуже, чем, скажем... зуагиром.

— Я? — прогудел Конан. — Пожалуй, отправлюсь в Султанапур прямо сейчас. Я хорошо отдохнул и поел. Только вот э... плащ бы неплохо новый, а то старый... загажен порядком.

— Плащ? — уголком рта усмехнулся новый шейх, помнивший, что Конан сменил уже как-то вонючую шкуру горного льва на великолепный мех леопарда, а последний — на шкуру барса. Если дело и дальше пойдет так, то придется заводить в Баргэми специальный зверинец, в котором будут выращивать всяческих красивых зверей на плащи киммерийцу. Разорение! — Ну, будет тебе плащ... варвар! — Джрафир щелкнул пальцами, и вскоре Конан, скрыв досадную гримасу, накинул на плечи шкуру киммерийского лесного медведя. При этом Джрафир, сделав серьезное лицо, поведал северянину о том, что ему дарована очень дорогая шкура редкого северного зверя, купленная за внушительную сумму у купцов, побывавших в далеких холодных странах. Конан оценил по достоинству тонкий юмор Джрафира и с ехидной усмешкой сказал:

— Спасибо, шейх. Я таких редких северных зверей, — эти слова он выделил голосом, — в свое время словно крыс давил, а их шкуры, что покупаются за баснословные суммы у пройдох-торговцев, у нас в Киммерии валяются в каждом доме, и на них спят охотничьи собаки...

— Ну, и прекрасно, — едва сдерживая улыбку, ответил Джрафир, — пусть этот плащ напоминает тебе о родине.

Конан не стал продолжать обмен колкостями и не без удовольствия отметил, что, наконец-то, встретил в крепости Баргэми хотя бы одного нормального человека, с которым можно иметь дело. Кивнув головой шейху, варвар поднялся и собрался было уходить, но сильная рука Джрафира легла ему на плечо. Конан обернулся.

— Послушай, варвар, я знаю про вашу сделку с отцом. Знаю, что он не дал тебе еще пять тысяч золотых, вручив в обмен какую-то магическую безделушку. Я немного разбираюсь в... э-э... магии и не верю будто никчемный кинжал может тебе помочь больше, нежели золото. Так что, перед тем, как отправиться в путь, зайди к казначею и возьми у него вторую половину денег. А кинжал оставь себе в память об шейхе Джагуле аль-Баргэми. Я надеюсь вскорости снова увидеть тебя... В день, когда ты привезешь Мирдани в этот дом, как я полагаю, целой и невредимой...

— Кстати, — с некоторым смущением сказал Конан, — не объяснишь ли ты мне, зачем это твой покойный отец показывал мне Мирдани, позволил открыть ей лицо, и ясно намекал, что хотел бы видеть меня своим родичем? А потом сказал, будто Мирдани обещана в жены сыну эмира Шангара...

Джафир одарил Конана дружеской белозубой улыбкой, хитро подмигнул и ответил:

— Видишь, у меня много сестер, большинство из которых не замужем, а выдать их за кого-либо довольно трудно... Они, хм, мало похожи на Мирдани. Вот отец и показывал всем возможным женихам, и даже, — Джадир вздохнул, — Турлей-Хану, именно ее, как самую красивую из сестер, подразумевая, что все его дочери таковы и даже еще лучше, ведь эта — последняя... Пара-тройка простаков купились на его нехитрую уловку и взяли в жены старших сестер Мирдани, которые, я скажу тебе, достаточно безобразны. Ну, что ж, теперь ты все знаешь. Я буду ждать от тебя вестей. Удачи тебе, варвар!

С этими словами Джадир повернулся и быстро пошел прочь от бассейна. Киммериец посмотрел ему вслед, сказав вполголоса:

— А он парень не промах... Будь шейх свободным человеком, мы бы с ним могли дел натворить...

Конан был глубоко убежден: те, у кого есть семья и какая-либо должность, обречены жить в своем маленьком мирке, и ничего интересного в их жизни произойти не может. Такие люди, в большинстве своем, и не хотят приключений. Киммериец даже слегка посочувствовал Джадиру, который теперь навсегда привязан к затерявшемуся в пустынях Турана оазису.

Конан вышел в сад и осторожно пробравшись мимо убитых горем многочисленных жен почившего шейха, собравшихся в кружок и оглашавших двор рыданиями и причитаниями, прошел по знакомой ему тропинке к казначейству.

Новый шейх не обманул варвара, и казначай с кислой миной выгреб из огромного сундука несколько горстей золотых монет, затем медленно, точно прощаясь с каждым желтым кругляшом, под пристальным взглядом Конана отсчитал нужную сумму, и ссыпал в кожаные мешочки. После чего, заложив руки за спину и задрав подбородок, отошел в сторону, не желая видеть, как удостоившийся неслыханной милости от молодого и не знающего цены золоту шейха северный дикарь, присваивает себе то, что так долго, так мучительно собиралось и ревниво оберегалось при жизни славного, доброго Джагула. А Конан без всяких угрызений совести, но с невозмутимым видом человека, получившего достойную оплату за честный труд, сгреб мешочки в охапку, тем более, что он видел, насколько велико было богатство рода Баргэми и сколь ничтожно малы по сравнению с бездонными сундуками десять жалких кусочеков кожи наполненных золотом, которые теперь будут лежать в седельной сумке гирканийского жеребца. Напоследок Конан не удержался и поддел надувшегося казначея:

— А ты уверен, что здесь нет фальшивых монет? Может быть, стоит проверить?

Казначай, обернувшись на эти слова, застыл с открытым ртом, не в силах вымолвить и слова, а северянин только рассмеялся и, довольный, покинул сокровищницу Баргэми.

Огненный край дневного светила только что скрылся за неровной горной грядой. Лучи его золотым веером прорезали полосу облаков над горизонтом, подсветив их снизу яркой охрой. Небо наливалось густой вечерней синевой, слепящий белый цвет песков смягчился до оттенка старой бронзы, и теперь взгляд отыхал, скользя по плавным волнам барханов. Дневная жара медленно уползала, скрываясь в их глубинах, сменяясь легкой вечерней прохладой – наступило то время суток, которого ждет каждый путешественник в пустыне. Скоро пески накроет черным пологом ночь, и ее холодное дыхание развеет остатки дневного тепла, которое вновь народится только с восходом солнца.

Одинокий всадник на буланом коне двигался в сумерках к побережью моря Вилайет, где стоит торговый город Султанапур – северный оплот Империи Туран.

Конан оглядывал окрестности в поисках места для ночлега и, наконец, различил в сгущающейся темноте очертания полуразрушенной башни, некогда служившей сторожевым постом туранского войска, а заодно и маяком для запутавших караванов. Пустив коня рысью, Конан приблизился к развалинам и спешился. Накинув повод на один из сохранившихся в стене башни железных крюков, видимо, служивших коновязью, он осмотрелся и, поняв, что находится здесь один, без опасения вошел вовнутрь через отверстие, бывшее когда-то входом. Оказавшись на первом этаже древнего строения, варвар догадался, что здесь не так давно кто-то побывал: на полу чернело свежее кострище, а у стен была свалена огромная куча сухих колючек, предназначавшихся для костра.

– Вот и славно, – сказал сам себе Конан. – Спасибо неизвестному, позаботившемуся о моем ночлеге.

Бросив охапку колючек на пятно кострища, киммериец заметил, как под слоем золы еще тлеют несколько угольков. Обрадовавшись, что не придется доставать кремень и мучиться с выsekанием искры, Конан, набрав в легкие побольше воздуха, раздул огонь, и, когда костер как следует разгорелся, решил поесть, благо в Баргэми его щедро одарили всевозможной снедью. Разложив еду возле костра, Конан устроился поудобнее на каменном полу, расстелив шкуру “редкого северного зверя”, и собрался было откупорить кувшин с вином, как вдруг заметил у дальней стены нечто белеющее в полумраке. Конан отставил кувшин, встал и подошел поближе. У его ног лежал обрывок белой кисеи, украшенной по краю узором, вышитым золотыми нитями. Северянин без труда узнал покрывало, которым защищала от нескромных взглядов свое обворожительное лицико Мирдани.

– Что ж, я на верном пути, – сказал Конан, нагнувшись, поднял кусочек ткани и положил его за пазуху.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Султанапурский базар шумел. Сотни рядов пестрели всем, что только мыслимо и немыслимо продавать, покупать и обменивать. Нескончаемой вереницей сменяя друг друга, кожевенный, посудный, ювелирный, кузнечный, сапожный, скорняжный и десятки прочих рядов кипели жизнью. Золотые и серебряные монеты, звеня, перетекали из рук в руки в обмен на самые разные, нужные и не очень, товары.

Первые мгновения попавший в этот цветистый водоворот человек терялся, не зная, на чем остановить взор: на чеканных ли серебряных блюдах из Хоарезма, дивных рубинах, мерцающих подобно спелым семенам граната, в несравненных женских украшениях из Вендии; похожей на эбонитовую статуэтку чернокожей рабыне, привезенной из Зембабве, или же на воздушных кхитайских шелках, поражающих своим многоцветием и изумительной легкостью. Продавцы нахваливали свой товар на всех языках и наречиях, всеми возможными способами привлекая внимание к своим палаткам. Торговец из далекого Кхитая с ловкостью фокусника продевал широкое шелковое полотнище сквозь колечко, которое едва бы смогла надеть на мизинчик десятилетняя девочка; оружейники выгибли кругой дугой тонкие узкие сабли, пытаясь коснуться острием оконечья рукояти, а один аграпурец, распалившись, под восторженные возгласы столпившихся вокруг зевак, принял сбривать свою бороду огромным двуручным мечом, который был почти с него ростом.

Конан тоже был в числе тех, кто глазел на чудака, гадая, отхватит он себе голову вместе с бородой или нет – меч, на опытный взгляд киммерийца, был действительно хорош.

Стоявший рядом с киммерийцем купец, чья лавка была напротив, не выдержав зрелища столь явного торжества конкурента, выкрикнул:

– Я дам тому, кто своим мечом перерубит несравненный клинок вендинской стали, подобные которому продаются у меня, столько золота, сколько будет весить оружие героя, совершившего это! Клянусь Эрликом, во всем Султанапуре не найдется клинков лучше моих!

Несколько молодых людей, явно из богатых семей, обернулись на призыв и последовали за купцом к его шатру. Толпа зевак немедленно потянулась за ними в предвкушении новой потехи, оставив раздосадованного аграпурца в одиночестве добирать вторую половину лица.

Хотя Конан пришел на базар вовсе не от скуки, как, например, молодые туранцы, что сейчас изо всех сил пытались разрубить своими кривыми саблями короткий клинок, лежащий обеими концами на двух деревянных чурбаках, он все же подошел к ним. Некоторое время он с усмешкой наблюдал за усилиями юнцов, двое из которых уже сломали клинки, а третий привел саблю в полную негодность, иззубрив ее лезвие подобно пиле. Когда желающих испытывать качество вендинской стали уже не осталось, Конан тряхнул головой, и, перекрывая людской гомон, громко сказал:

– Хороший клинок! Но мой – лучше, и весит он достаточно, чтобы обеспечить мне безбедную старость.

С масляной улыбкой купец сделал широкий приглашающий жест и даже чуть поклонился высоченному варвару, предлагая испытать товар. Зеваки поутихли, ожидая чего-то необычного, но каждый был уверен, что силы у могучего чужестранца хватит как раз на то, чтобы сломать свой собственный меч.

Конан невозмутимо обнажил клинок, особо не примериваясь, коротко размахнулся и

нанес удар. Брызнул яркий спиралью искр, на булыжники рыночной площади посыпалась осколки стали, а киммериец как ни в чем не бывало опустил клинок, на котором появилась лишь незаметная зазубрина, а затем бросил его на прилавок перед потрясенным купцом со словами:

— Взвешивай! Все слышали, что ты поклялся Эрликом.

Толпа взвыла от восторга, а побледневший торговец дрожащими руками поднес к глазам меч Конана и осмотрел его, будто не веря в произошедшее.

— Прекрасная сталь! — пролепетал он. — Я такой доныне никогда не видел.

— Немудрено, — усмехнулся Конан. — А знал бы ты, где я его добыл...

— Это совершенно не важно! — воскликнул купец и поспешно добавил, увидев суроно сдвинутые брови варвара: — Я ни в коей мере не сомневаюсь, что добыт он в великой битве как награда за подвиг силы и мужества, о воин!.. Я, конечно же, сдержу свою клятву — я честный купец, а не какой-нибудь там проходимец-фокусник (эта реплика относилась к позеленевшему от злости полубородому коллеге), и ты получишь золота столько, сколько весит твой чудесный клинок, но если у тебя есть желание получить золота в пять раз больше его веса, тогда продай мне его.

— Не дождешься. Ты должен понимать, что такие мечи не продаются.

— Понимаю, понимаю... А не согласишься ли ты пройти в мой шатер, пока приказчик отвесит необходимое количество золота?

— Ну, пошли, — ответил Конан, и у него мелькнула мысль о том, что купец наверняка знает все последние новости и сплетни Султанапура.

В шатре было сумрачно и прохладно. Наблюдая краем глаза за тем, как приказчик бросал на правую чашу весов монеты, пытаясь уравновесить ее с левой, на которой лежал меч, Конан прихлебывал из кубка легкое мускатное вино и слушал болтовню купца, который опять завел речь о продаже меча.

— О, доблестный воитель, — осторожно говорил он, — я прекрасно знаю, что расстаться с таким замечательным оружием очень нелегко, но поверь, на те деньги, которые я мог бы дать тебе за него, ты бы купил оружие ничуть не хуже этого.

— Тогда зачем мне его продавать? — справедливо заметил киммериец. Купец же продолжал мягко настаивать, побаиваясь, однако, что могучий варвар может разозлиться и учинить погром. Но желание обладать чудесным клинком пересиливало опасения.

— Но если ты не хочешь обменять благородную сталь на презренное золото, быть может, тебя заинтересует что-либо другое?

— Что, например? — лениво осведомился Конан, подумывая о том, не начать ли ему самому расспрашивать купца о султанапурских новостях.

— Ты можешь выбрать любую вещь в моей лавке, или же попросить об иной услуге... — купец замялся. — Я могу уступить тебе любую из моих наложниц. У меня их много, и они не менее прекрасны, чем... — тут купец понизил голос и наклонился к Конану. — Чем та новая наложница, которую прибрел почтеннейший Турлей-Хан.

“Вот оно!”

— Наложница? Турлей-Хана? И чем же она отличается от иных женщин?

— Это держится в строжайшем секрете, — зашептал купец, оглядываясь по сторонам, хотя в шатре кроме них никого не было, ибо приказчик, уравновесив чаши весов, вернулся в лавку. — Но со вчерашнего вечера в городе ходят слухи, будто она могла бы послужить украшением гарема самого Илдиза!

— Где ж он достал такое сокровище? — разыгрывая недоверчивость, спросил Конан.

— И это никому неизвестно, но говорят, что она была украдена у одного из зуагирских шейхов, и ее привезли во дворец лишь минувшей ночью. Дикий прекрасный цветок, понимаешь!

— Хороши же “строжайшие секреты”, известные всему базару, — ехидно заметил Конан.

— Стаемся, — с не меньшим сарказмом ответил купец, разведя руками. — Так ты заглянешь сегодня вечером в мой дом, чтобы выбрать красавицу, какую только пожелаешь?

— Не-а, — скривился варвар, продолжая изображать простачка с севера, явившегося в большой восточный город. — Я... э-э-э... женат... А законы моей страны не позволяют заводить более одной жены.

— Так же не жену тебе предлагаю! — обиделся торговец.

— Менять меч на женщину я не желаю, а вот если ты мне кое-что расскажешь, то я... — Конан с некоторым сожалением посмотрел в сторону желтеющей на чаше весов горки монет, — ... пожалуй, освобожу тебя от клятвы. И мы оба останемся при своем, идет?

Обрадовавшийся неожиданному повороту дела купец выложил Конану все, что знал и не знал, но предполагал, а так же слышал о том, что интересовало варвара.

Покинув шатер словоохотливого торговца, Конан прямиком направился туда, где, по рассказам купца, находился дворец Турлей-Хана, благо он немного ориентировался в городе, сохранив воспоминания о нем со времен службы в армии Илдиза.

Султанапур делился на две части: на Верхний Город, где располагались дома знати и людей богатых, и Нижний Город, населенный людом попроще. Кварталы Верхнего Города располагались на возвышенности, плавно спускавшейся вниз к морю и торговым гаваням, так что прибывающие из других земель купцы и путешественники видели Султанапур с его лучшей стороны, ибо бедняцкие кварталы, примыкавшие не к морю Вилайет, а к пустыне, были так же грязны и неприглядны, как и во всех иных странах востока и запада.

Миновав кривые улочки Нижнего Города, ведущие от базара к стене, отделяющей дворцы от лачуг, Конан прошел в ворота, нимало не обращая внимания на покосившихся в сторону высокорослого и странно одетого чужеземца стражников, оказавшихся на широкой улице. По обеим сторонам за узорчатыми оградами цвели пышные ухоженные сады, сменявшиеся высокими глухими стенами, за которыми стояли дворцы. Помня указания купца, Конан без труда нашел дом Турлей-Хана, выстроенный недалеко от хором султанапурского эмира.

Северянин приблизился к воротам в момент, когда хозяин дворца возвращался с прогулки в окружении свиты. Сам Турлей-Хан сидел на белой коринфской кобыле, покрытой попоной, украшенной золотой вышивкой, а сбруя сверкала всеми драгоценными камнями, которые только можно было достать. Даже несведущий в вопросах вкуса Конан подивился, насколько нелепо выглядело животное, увенчанное таким количеством побрякушек. Не менее смешно смотрелся и всадник. Гигантский зеленый тюрбан, увенчанный тремя пышными белыми перьями, покачивался на слишком маленькой и узкой для него голове туранского пятитысячника. Длинные тощие ноги, согнутые в коленях, торчали из-под расшитого бисером халата чуть ли не под прямым углом к бокам лошади. Сбоку свисала кривая сабля, настолько длинная, что, на взгляд Конана, вытащить ее без посторонней помощи из ножен Турлей-Хан вряд ли смог бы. Вслед за его лошадью восемь дюжих чернокожих рабов несли бирюзовый паланкин, отороченный серебристой бахромой.

“Уж не Мирдани ли там несут?” — мелькнула мысль, и Конан, быстро подойдя поближе

к процесии, остановился в тени, возле стены, чтобы не привлекать к себе особого внимания и стал наблюдать.

Турлей-Хан спешился при помощи слуг, запутавшись при этом в стременном ремешке и громко лязгнув саблей о мостовую.

“Ну и болван! Если все туранские пятитысячники подобны этому петуху, то чего теперь стоит войско царя Илдиза? Неужели за те несколько лет, что меня здесь не было, армия Турана пришла в такой упадок? М-да...”

Тем временем рабы опустили паланкин на землю и, склонившись, попятались. Турлей-Хан подошел к нему и на его вытянутой, покрытой прыщами физиономии расцвела слашавая улыбочка.

Конан напрягся, будучи почти уверенным, что сейчас он увидит ту, ради которой он ввязался в эту авантюру.

Шторки раздвинулись, и, опираясь на протянутую руку Турлей-Хана из паланкина вышел... юноша лет шестнадцати, одетый во что-то, напоминавшее женский наряд, но, правда, без кисеи, закрывающей лицо.

Конан не смог сдержаться.

– Да уж, длина извилин у пятитысячника туранского войска явно уступает длине его ног... – презрительно фыркнув, громко произнес он.

Довольная улыбка сползла с лица Турлей-Хана подобно чернилам, смываемым водой с листа пергамента.

– Что-что? – гнусавым носовым голосом переспросил он, картинно кладя ладонь на рукоять сабли.

Конан издевательски ухмыльнулся, сложил руки на груди и участливо осведомился:

– Ты вытащишь саблю сам или нужна моя помощь?

Вельможа сумел взять себя в руки. Ещё не хватало прилюдно вступать в ссору с чужеземцем, выглядевшим подобно дикарю, а скорее всего являвшимся худшим из них. Однако просто так проглатывать оскорбление Турлей-Хан не собирался. Чтобы не запятнать свое достоинство разговором с человеком, не принадлежащим к его сословию – высшему сословию! – пятитысячник с брезгливым выражением лица окинул взглядом киммерийца, а затем повернулся к своим телохранителям и прогнусавил:

– Уберите отсюда... это... этого... – он ещё раз оглядел Конана так, как обычно смотрят на дохлых собак, над которыми вьется туча мух. – Он слишком много говорит!

Северянин не изменил своей ленивой позы, с усмешкой, светившейся в синих глазах, наблюдала, как четверо здоровенных и вооруженных до зубов охранников Турлей-Хана двинулись к нему. Оружие, однако, они не обнажали. Ну что ж, значит, останутся живы...

Туранцы видели, что стоявший перед ними человек вполне способен противостоять не то что четверым, но и полному десятку – выглядел он грозно, даже не смотря на то, что так и не отнял рук от груди – и поэтому один из телохранителей, подойдя к Конану почти вплотную, тихо сказал:

– Шел бы ты своей дорогой, а? К чему...

Тут сзади раздался повелительный окрик:

– Я же сказал – гоните его отсюда, болваны!

Турлей-Хан, в отличие от своих охранников, был настроен куда более воинственно, но все равно сам подойти к обидчику опасался и стоял по-прежнему возле паланкина. Услышав приказ господина один из четверых (надо думать, самый несдержаный или самый глупый)

попытался толкнуть Конана тупым оконечьем копья...

Некоторые горожане, бывшие свидетелями произошедшего у ворот дворца пятитысячника, рассказывали каждый по-своему, расходясь в деталях, но все до одного утверждали следующее: в тот момент, когда древко копья коснулось груди иноземца, с неосторожным телохранителем случилось нечто странное – он, словно обретя крылья, взвился в воздух, и, пролетев несколько шагов, рухнул всей тяжестью на шелковый паланкин, сломав тонкий ореховый каркас и запутавшись в складках ткани. Падая, он бессознательно ухватился за Турлей-Хана, как за единственную опору, и увлек его за собой в синий водоворот. Пока стражник находился в воздухе, произошло еще несколько событий – двое из подошедших к киммерийцу, не успев даже выхватить сабли, издав громкий, отчаянный вопль, внезапно согнулись в три погибели и медленно побрали прочь. Конан в этот момент сжимал в руке копье, отобранное у телохранителя и послужившее причиной столь внезапного отступления тех двоих – им досталось древком по месту, донельзя обидному и весьма болезненному. Спустя мгновение четвертый охранник, подобно мешку с песком, покатился по уличным булыжникам.

– Ну, я пойду, что ли? – бросил Конан в сторону, где пятитысячник со стражником барахтались, тщетно пытаясь выпутаться из шелка, а женоподобный юнец аккуратными движениями тонких холеных пальцев пытался распутать клубок.

– Держите его! – взвизгнул Турлей-Хан, вырвавшись, наконец, из плена. – Я хочу, чтобы его голова украсила собой шест перед дворцом эмира!

– А я этого вовсе не хочу, – буркнул киммериец, оглядывая еще с десяток телохранителей и чернокожих рабов, которые начали быстро окружать его полукольцом. Северянин понял, что на этот раз язык серьезно подвел его, и проклинал себя за несдержанность. Он-то надеялся, пользуясь тем, что его в городе мало кто знает, пробраться в дом пятитысячника без особого шума, а потом так же быстро скрыться вместе с дочерью Джагула. А теперь только и будет разговоров про то, как высокий темноволосый варвар напал на людей самого Турлей-Хана! Ну, а сейчас, зная, что последний вполне может привести в исполнение свою угрозу, киммерийцу надо было быстро скрыться. Это оказалось делом нетрудным.

Как ни искусны были телохранители пятитысячника, однако же поспеть за молниеносными движениями северянина они не смогли. Двоих он свалил мгновенными ударами в челюсть, еще трое отлетели от него, как тряпичные куклы – не обнажая меч, Конан продолжал работать отнятым копьем – и путь к лошадям был свободен.

“Давненько я не занимался конокрадством! – подумал Конан, вскакивая в седло первой попавшейся лошади. – А насколько я помню, в Туране за такое преступление положено очень тяжелое наказание. Еще пара дней в Султанапуре, и я заработаю не меньше дюжины смертных приговоров... Интересно, как они будут их исполнять?”

О том, что туранские власти уже много лет разыскивали негодяя по имени Конан, промышлявшего разбоем и воровством в Замбуле, он как-то и не вспомнил...

– Стой, мерзавец!! – рявкнул вдруг Турлей-Хан и, проявив неожиданную прыть, кинулся к лошади, захваченной киммерийцем. Со всех сторон к ней уже бежали телохранители пятитысячника и даже стража, выскочившая из ворот. – Остановись, тебе приказывает вельможа самого царя Илдиза! – тут он невольно вытянулся и задрал подбородок.

Конану было явно наплевать как на царя, так и на его любимца, поэтому он с силой пнул вцепившегося в стремя Турлей-Хана в лицо, и, ударив пятками коня, рванулся по уже знакомому пути к выходу из Верхнего Города в кварталы, прилегавшие к пустыне. На

удивленные лица стражников возле ворот он внимания не обратил. Погони, к своему изумлению, варвар тоже не заметил.

* * *

...Конан пришел в Султанапур утром этого дня и остановился на постоялом дворе "Пустая тыква", заслужившим столь необычное название тем, что постояльцев привлекали не вывески, но три огромных, выдолбленных тыквы, на которых были вырезаны жуткие рожи. По ночам в них вставлялись цветные фонарики, отчего зрелище становилось еще более устрашающим. Впрочем, киммерийца привлекли не эти ухищрения хозяина, а то, что постоялый двор находился невдалеке от городских ворот и в относительно спокойном квартале, куда эмирские стражники заглядывали не слишком часто. И вдобавок, цена, запрошенная хозяином, Конана вполне устраивала, а вина в общей зале подавали хорошие, что было несколько странным для такой дыры... Устроив подаренного шейхом аль-Баргэми коня, и последив за тем, хорошо ли его накормили, напоили и почистили, Конан, не откладывая, отправился на базар.

И вот сейчас, нимало не смущаясь, он въехал во двор и сразу же наткнулся на владельца гостиницы, который только что проводил какого-то важного и богатого гостя. Хозяин уже хотел было отвернуться и пойти обратно в дом, но после короткого взгляда на новую лошадь киммерийца у него отвисла челюсть.

– Почтеннейший! – пролепетал он, когда Конан спрыгнул на землю. – Меня обманывают глаза? Откуда у тебя эта великолепная кобыла?..

– Подарили, – буркнул Конан. Он еще по дороге успел разглядеть, что украденная лошадь принадлежала самому Турлей-Хану. Впрочем, киммерийца больше заботило то, что он теперь выглядел полным посмешищем, восседая на разукрашенном до безобразия животном, которое вдобавок было вовсе не боевым конем, а раскормленной и быстро устающей тварью – таких лошадей держали лишь для парадных выездов.

– П-подарили? – заикнулся хозяин. – Ты знаком с самим Турлей-Ханом?

– Это не я с ним знаком, а он со мной, – сказал Конан, хохотнув. – Послушай, я хочу продать эту кобылу. И побыстрее. Возьмешь? Я дорого не попрошу.

– Так ты украл ее? – ахнул владелец постоялого двора и схватился за голову. – Украл и привел в мой честный дом?

– Я тебе, кажется, понятно говорю – подарили! – отрезал Конан. – И я хочу ее продать! Зачем она мне нужна... такая? Остальное тебя не касается.

– Но ее же узнает любой! Эта сбруя, эта попона...

– Вот как? – Конан почесал в затылке. – Дело поправимое...

Киммериец быстро расседлал лошадь, освободил ее от украшений, предварительно аккуратно срезав драгоценные камни и золотые подвески. Осмотрев сбрую и убедившись, что она теперь ничем не отличается от сбруи его собственной лошади, разве что порезана в нескольких местах и кое-где разорвана, Конан свернул ее в клубок и подал хозяину со словами:

– На, кинь в очаг. Ну, похожа теперь эта раскормленная кляча на великолепного скакуна

Турлей-Хана?

Хозяин, покачав головой, молча взял то, что когда-то было сбруей, и пошел в дом. Оглянувшись у дверей и увидев, чем занят варвар, он снова тяжко вздохнул и скрылся в гостинице. Конан, подведя лошадь к луже, черпал грязь обеими руками и щедро окроплял ею белоснежную шкуру несчастного животного, которое только испуганно всхрапывало и косило глаз на своего мучителя. Когда шерсть приобрела неопределенный серо-коричневый цвет в темных подтеках, Конан удовлетворенно кивнул:

— Вот так-то лучше. Эй, кто-нибудь! Позовите сюда конюха и хозяина этой... как ее?.. "Тыквы"!

Первым подошел конюх, и подозрительно оглядев лошадь, задумчиво произнес:

— Странная масть... Никогда такой не видел.

— Теперь будешь знать. Вот такие красавицы стоят в конюшнях самого Турлей-Хана!

Принеси все необходимое, чтобы можно было отвести ее на рынок.

— О, Эрлик! Что ты учинил над этим благородным животным? Кому я ее теперь продам? — воскликнул хозяин, едва появившись в дверях.

— И вовсе это не Эрлик учинил, а я. Ведь тебе же не понравилось, что она очень напоминает лошадь пятитысячника, вот и пришлось ее немного... хм, перекрасить. Теперь можешь вести лошадь на рынок, а деньги оставь себе в уплату за мою комнату и корм для моего коня.

Хозяин, повздыхав и поохав, все же увел изуродованную кобылу, нервно дергающую шкурой, а Конан, вытирая перепачканные в грязи руки о белую занавеску, которую жена хозяина повесила сушиться после стирки, пробормотал себе под нос:

— Хотелось бы мне, чтобы кобылу купил конюх Турлей-Хана...

Когда руки, наконец, стали более-менее чистыми, Конан вспомнил, что в Султанапуре у него есть еще одно дело, собственно то, из-за которого он направлялся в город изначально. Что ни говори, слово надо держать, и, хочешь — не хочешь, а к купцу Маджиду идти придется, хотя бы ради того, чтобы получить вторую половину денег. Конечно, эти деньги не идут ни в какое сравнение с богатством, которое было получено из рук обоих шейхов Баргэми, однако киммериец не привык упускать возможность подзаработать, к тому же болтливость торговца на рынке навела его на мысль о том, что все представители купеческого сословия не прочь почесать языком, особенно, если попадется благодарный слушатель.

Он помнил, где живет купец Маджид, и, не теряя времени, направился к его дому, расположившемуся у самых стен Верхнего Города. Опасаясь, что его уже ищут, Конан проскользнул тихими улочками, зная, что патрули обычно ходят вокруг кварталов, не углубляясь в хитросплетения узеньких переулков, переходящих друг в друга маленьких двориков и совсем уж неприглядных помоек Нижнего Города.

Купец оказался дома, и Конана тут же пустили к нему, так как привратник был предупрежден о возможном появлении рослого черноволосого варвара с длинным мечом за спиной. Когда его провели в дом, стало ясно, что купец уже принимает одного гостя. Войдя в трапезную, Конан увидел двоих мужчин, возлежащих на подушках около ковра, установленного всевозможными угощениями и винами, причем последние находились в явном большинстве. Чуть поодаль валялись опустошенные кувшины, ковер был изрядно заляпан соусами, подливками, кое-где были разбросаны обглоданные кости, огрызки яблок, груш, абрикосовые и персиковые косточки. Воздух был пропитан виннымиарами, а сам купец и его гость, обнявшись, громко и немелодично, нестройными голосами мычали печальную песнь про

кочевников, потерявшись в пустыне, оставшихся без воды, под палящим солнцем, и доедающих своего последнего верблюда.

— Я пришел, — сообщил Конан, — и, судя по всему, к обеду...

Обернувшись, купец взглянул на него мутными, полуприкрытыми набрякшими веками, глазами, некоторое время молчал, соображая, и, наконец, икнув, проговорил:

— О, К-конан... И-из Ким-мерии... Садись, дружище, угощайся...

И он сделал такой широкий гостеприимный жест, что потерял равновесие и ткнулся лицом в блюдо с рисом. Конан присел напротив, поняв, что рядом с пирующими ему будет трудно дышать, и, присмотрев еще непочатый кувшин, придвинул его к себе.

Купец, оторвавшись от блюда и оттерев физиономию широким рукавом парчового халата, вновь уставился на Конана.

— С-слушай, а п-почему ты... ик!.. жив, а?

— Так получилось, — уклончиво ответил Конан. — Я выполнил твоё поручение и нашел, на мой взгляд, безопасный путь.

— Путь? А к-куда? — Маджид откинулся назад, сосредоточенно глядя перед собой, и, очевидно, вспомнив, резко вскинул голову: — А-а! Так ты обошел горы с се-севера? Да? Т-ты смотри! — купец повернулся к своему собутыльнику и, увидев, что он уставился в свой пустой кубок, мучительно вспоминая, откуда там обычно берется вино, взял его сзади за волосы и приподнял голову. — Нет, т-ты п-посмотри! Он обошел г-горы с с-севера! И не ум-умер!.. Ик!

— К-кто... обошел? — с трудом выговорил гость.

— К-конан! — уверенно сказал Маджид. — Конан-варвар.

— А к-кто это?

— Это я, — спокойно сказал Конан, отхлебывая из кувшина и закусывая виноградом.

Приятель купца наконец углядел перед собой смутную фигуру кого-то третьего, незнамо как появившегося в трапезной, и, обратив к Маджиду широко раскрытые, испуганные глаза, шепотом спросил:

— Это кто? А... к-как он с-сюда попал?

— Он п-пришел из Н-немедии. Да, из Н-немедии...

— П-пешком? — искренне изумился собутыльник и воззрился на Конана так, словно перед ним сидел демон. — Но... но ты же г-говорил, он из Ким-мерии... — на его лице возникло такое тоскливо-непонимающее выражение, что Конан не удержался и прыснул от смеха, да так, что вино брызнуло из кувшина на и без того изгаженный ковер.

— Ну да, из К-ким-мерии, Конан. Он там... там родился, в Киммерии... Конан... — объяснил Маджид.

— А это д-далеко? — последовал вопрос.

— Очень, — сказал Конан, с трудом сдерживая рвущийся наружу хохот.

— А... а... зачем он сюда пришел... пешком... из Не... Немедии, а? — гость Маджида никак не мог увязать в голове происхождение, путешествие и теперешнее присутствие Конана в доме купца.

— Он н-нашел д-дорогу, — ответил Маджид.

— К-куда?

— В Н-немедию.

— Так он же оттуда пришел! — возопил несчастный гость и уткнулся лицом в ладони, издавая всхлипывающие звуки.

Это было последней каплей в чаше терпения, и Конан, повалившись на спину, засился

беззвучным смехом. Остановили его только следующие слова Маджида, который ткнул измазанным в жире пальцем в безутешно рыдающего гостя:

– Э, К-конан, а ты... ты знаешь, кто это? Эт-то мой друг!

– В самом деле? – простонал Конан, утирая слезы.

– Да, – гордо ответил Маджид и размашисто кивнул для убедительности. – И он... ик!.. начальник стражи самого... этого... как его?.. А! О! Турлей-Хана! Вот.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Великий Кром, вина-то у Маджида оказались не очень... — Конан, потерев большими пальцами виски, поднялся с со скамьи, застеленной несколькими ткаными одеялами. Киммерийца разбудили на редкость немелодичные звуки какого-то восточного инструмента и бессвязное пение, доносившиеся со двора. Конан подошел к окну, отметив про себя, что пол под ним почему-то шатается, и выглянул наружу.

Посреди двора, в той самой луже, грязь из которой послужила вчера такой хорошей краской для лошади Турлей-Хана, сидел конюх, немилосердно терзая струны инструмента, называемого турецкими дутаром, и орал донельзя неприличную песнь, посвященную, вероятно, дочери хозяина постоянного двора.

— Эй, ты, скотина, заткнись! — рявкнул Конан и поморщился от резкой головной боли, тупо бившейся в висках и затылке.

Конюх медленно поднял голову, осматривая окна дома в поисках источника беспокойства, и его осоловелый взгляд остановился на киммерийце. На лице пьяницы возникла широкая улыбка и он, воздев руки, (причем инструмент плюхнулся в лужу) заплетающимся языком возопил:

— Б-благодетель! А нет ли у т-тебя еще одной ло-лошади на пр-р-родажу?

Окончательно озверев от такой наглости, Конан схватил первую попавшуюся под руку вещь, которой оказался трехногий табурет, и изо всех сил запустил им в окно. Но рама оказалась слишком узкой, и в руке варвара осталась лишь одна из ножек, а все остальное с грохотом разлетелось по комнате.

Вовремя сообразив, что от нежданно взъярившегося «благодетеля» ничего хорошего ждать не приходится, конюх, пошатываясь, встал и нетвердой походкой скрылся в конюшне, оставив свой замызганный инструмент одиноко плавать в луже.

— Ничего себе, денек начался... — пробормотал Конан, и тут у него громко и требовательно заурчало в желудке. — Однако, неплохо бы позавтракать. Интересно, этот негодяй-конюх повара тоже напоил?

Спустившись вниз, киммериец не без удовольствия отметил, что повар трезв как стеклышико и быстренько подал на стол обильный и на невзыскательный вкус Конана вполне съедобный завтрак. Сидя за шатко стоявшим на кривых четырех ногах столом, повидавшим на своем веку многое, если судить по многочисленным надписям, зарубкам и круглым пятнам от кружек, северянин строил планы на грядущий день.

Теперь Конан был уверен, что управитель Маджида пользуясь отсутствием разборчивости у хозяина и его гостей неплохо наживается, наверняка разбавляя и без того дешевые вина верблюжьим кумысом, если не чем похуже. От хороших, настоящих вин у Конана подобного похмелья еще никогда в жизни не было...

Однако, невзирая на вчерашний кутеж, память не подвела киммерийца — он ясно помнил все, что было необходимо для осуществления его планов. Едва услышав, кем является отчаявшийся понять что-либо о Конане из Немедии и Киммерии, собутыльник Маджида, варвар немедленно присоединился к попойке и начал расспрашивать аль-Ахара (так звали начальника охраны дворца Турлей-Хана) о расположении комнат во дворце, порядке смены караула, размещении постов, делая вид, что воистину восхищен хитроумием и предусмотрительностью почетного гостя. Последний, растроганный похвалами Конана, хоть

и плохо владел языком, но на осторожные и точные вопросы киммерийца отвечал честно, правда, несколько бессвязно – ему в голову явно не приходила простая мысль, что он разбалтывает первому встречному сведения, за разглашение которых Турлей-Хан вполне мог бы бросить начальника стражи в яму со змеями или посадить на кол.

Когда аль-Ахар, не без труда поняв, что Маджид не может (или не хочет) предоставить для него ночлег и, соответственно, девиц из своего сераля, все трое, по призыву Конана, отправились посреди ночи подышать свежим воздухом, что было весьма странно для столь почтенных граждан, как именитый купец и военачальник туранского войска. Их прогулка длилась недолго, а завершилась в первом попавшемся из многочисленных домов утес, располагавшимся в Нижнем Городе, обитательницы коего очень обрадовались поздним посетителям…

За все заплатил Маджид, оставшийся на ночь в веселом квартале. Конан с начальником стражи дворца Турлей-Хана, после того, как недурно провели время среди прекрасных гурий, дружески обнявшись, отправились в «Тыкву», намереваясь продолжить веселье. Однако до гостиницы киммериец добрался в гордом одиночестве, совершенно не помня, где и при каких обстоятельствах потерял своего нового знакомца.

Как это не удивительно, но в краткий миг прояснения разума, затуманенного виннымиарами, Маджид сумел записать со слов Конана найденный киммерийцем безопасный и краткий путь через пустыню и даже заплатил вторую половину обещанных денег…

* * *

Поглощая шедевры поварского искусства стряпчего постоянного двора, Конан понял, что сейчас, при свете дня, ему в Верхнем Городе делать нечего, и все планы придется отложить на время, когда солнце скроется за горами на западе и станет темно. Теперь, зная необходимые детали предстоящего трудного и опасного дела, киммериец решил как следует отоспаться перед грядущей бурной ночью.

В назначенный самому себе час Конан проснулся. За окном уже смеркалось, и на небе высypали первые звезды. Поднявшись с ложа, киммериец достал необходимые ему сегодня вечером вещи и разложил их на полу: меч, кинжал подаренный покойным шейхом Джагулом аль-Баргэми, моток прочной веревки и простенький женский плащ, предусмотрительно купленный днем на базаре. Собравшись, Конан спустился вниз миновал общий зал где вовсю шумели постоянные «Тыквы» и вышел на улицу, направляясь к Верхнему Городу тем же путем, каким шел и днем. Зная, что ворота на ночь закрываются, он отыскал заранее примеченный сад, некогда принадлежавший какому-то богатому горожанину, а ныне заброшенный и разросшийся. Некоторые из деревьев свешивали толстые, узловатые ветви через стену, разделяющую город на две части, и выглядели достаточно прочными, чтобы выдержать вес киммерийца. Без особого труда перебравшись по ним за ограду Верхнего Города, Конан спрыгнул на крышу одноэтажного здания, прилепившегося к стене с другой стороны и едва успел укрыться в тени нависших над ним густых ветвей дерева, увидев проходящих по двору вооруженных людей, бывшими, надо полагать, сторожами. Дождавшись, когда они вошли в дом и плотно закрыли за собой двери, Конан спустился на

землю и огляделся. Он оказался на заднем дворе какого-то богатого дома. Заметив валявшуюся неподалеку старую оглоблю, варвар приставил ее к стене и перелез через ограду двора на улицу. Сориентировавшись, он пошел в сторону, где выселись тонкие и острые башенки дворца эмира Султанапурского, стараясь уверенной походкой и непринужденным посматриванием по сторонам изобразить возвращающегося домой степенного горожанина. Не пройдя и двадцати шагов, Конан наткнулся на внезапно вынырнувший из-за угла патруль из трех человек. Он понадеялся, что стражники не обратят на обычного прохожего внимания, ибо час был не столь уж и поздний. Однако, все трое быстрым шагом направились к киммерийцу и преградили дорогу.

— Стой! Ты кто такой и куда идешь? — раздался голос старшего из стражей, остреверхий шлем которого венчало белое перо. Двое других привычным движением стали по бокам и чуть сзади от Конана.

— Я? — переспросил северянин, надеясь оттянуть время и придумать сколь-нибудь правдоподобный ответ. Не найдя ничего лучшего, он решил сказать правду:

— Я иду во дворец Турлей-Хана.

— А зачем?

— Охранять его сон, — сказал Конан без тени улыбки.

Стражники переглянулись, и спрашивавший чуть заметно кивнул своим товарищам. Это движение не ускользнуло от глаз Конана, и он понял, что в Верхнем Городе, наверно, уже каждый оповещен о вчерашнем происшествии у ворот дворца Турлей-Хана, и патрулям несомненно известны приметы возмутителя спокойствия, а также отдан приказ его задержать. Следующие слова начальника патруля дали киммерийцу возможность убедиться в истинности своего предположения:

— А где же ты был вчера утром, около полудня? Тоже охранял покой пятитысячника? — турланец недобро усмехнулся и прищурил глаза, причем, и без того узкие, они превратились в черточки, точно у зажмутившейся кошки. — Отдай свой меч и следуй за нами.

— Не отдам, — с наигранной обидой сказал Конан. — Зачем он тебе? Еще порежешься или отхватишь себе чего ненароком...

Даже в темноте стало видно, как залилось краской гнева лицо стражника и он крикнул:

— Взять его!

Это были его последние слова. В следующий момент турланцу на голову обрушилось навершие рукояти того самого меча, о котором только что шла речь. Движимый инерцией клинок едва не разрубил надвое воина стоявшего слева, глубоко пробороздив ему грудь, а правому в тот же миг досталось тяжелым сапогом в солнечное сплетение. От удара он согнулся и упал на колени. Конан добил его, ударив мечом плащмя по хребту. Не теряя времени, киммериец быстро оглянулся и убедившись, что никого более на тихой и темной улице нет, оттащил всех троих к живой изгороди из пышных розовых кустов, тянувшейся вдоль улицы, и спрятал в густых ветках. Трупы можно было бы обнаружить лишь после рассвета...

Киммерийцу удалось добраться до дворца без дальнейших приключений, но теперь он не шел посреди улицы, а держался в тени изгороди. Подкравшись почти к самым воротам, варвар увидел, что там находится больше стражников, чем говорил ему аль-Ахар. Их было около десятка и вдобавок два офицера, отдававших какие-то распоряжения. Конан понял, что попал на смену караула. Он бесшумно отошел назад и замер, наблюдая.

Вдруг ночную тишину разорвал нарастающий цокот копыт, и вскоре со стороны

эмирского дворца появился большой отряд всадников. У многих из них в руках были факелы. Возглавлял кавалькаду богато одетый человек, охраняемый таким количеством телохранителей, что Конан, выругавшись, метнулся в колючие кусты и, упав на землю, застыл, надеясь, что его не заметят. Ночная тьма помешала рассмотреть лицо подъехавшего вельможи, и Конану оставалось лишь строить предположения.

«Кого это еще Нергал принес среди ночи? Неужели Турлей-Хан такой трус, что таскает теперь за собой всю армию Турана?.. Что ж, придется мне всех их перебить, но кто тогда будет служить в войске царя Илдиза, я один, что ли? Нет уж, дудки! Наслужился!»

Тем временем прибывший в сопровождении двух телохранителей въехал в ворота, а остальные сопровождающие развернули лошадей и рассыпались по прилегающим ко дворцу улицам. Ворота закрылись, караул встал по местам, и вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь отдаленным топотом копыт.

«Так, в главные ворота, стало быть, не войти. Помнится, этот пропойца, начальник охраны дворца, плел про боковую дверь, через которую ходит прислуга и возят припасы. Придется пойти и поискать ее.»

Конан выбрался из своего убежища и пошел вдоль стены. Этот путь оказался далеко небезопасен, так как охранники неизвестного гостя пятитысячника добросовестно обезжали улицы, внимательно следя за всем, что могло вызывать малейшее подозрение. Одного из них киммерийцу пришлось бесшумно обезвредить – конь внезапно появился из темноты прямо перед Конаном, и в тот же миг всадник полетел на землю с кинжалом в горле – варвара приятно поразило, что клинок Джагула ничуть не уступает самым лучшим метательным ножам, и возможная магия тому не помеха.

Дверь быстро нашлась и, к удивлению киммерийца, снаружи никем не охранялась, правда, была заперта изнутри. Толкнув ее, он заметил, что дверь закрыта на деревянный засов, державшийся на одном гвозде. Просунув кинжал между створками, варвар легко приподнял и повернул засов. Путь во дворец Турлей-Хана был открыт.

Конан оказался в маленьком квадратном дворе. Впереди темнело низенькое длинное здание, в его окнах горел свет, сутились людские тени, слышался звон посуды и чьи-то сердитые окрики. Судя по доносившимся запахам, это была кухня.

«Что здесь происходит? Я-то думал, все слуги уже угомонились, а тут точно к празднику готовятся. Все таки, кто мог пожаловать к пятитысячнику? Уж не новый ли... хм... воздыхатель?...»

Подобравшись к низко расположенному окну, киммериец осторожно заглянул внутрь, оставаясь в тени. Так он мог прекрасно видеть, что происходит на кухне, не боясь быть замеченным.

– Да пожрет Сет прожорливого гостя нашего господина! – ругался маленький, тощий человечек в замызганном переднике, который, очевидно, был поваром, но совершенно не походил на такого по облику: Конану почему-то всегда думалось, что повара должны быть пышными и румяными, как булочки. – Мало того, что меня подняли с постели посреди ночи, так еще и приходится все делать самому, потому что, видите ли, Турлей-Хану требуется не обычная еда, а самая изысканнейшая, подобная той, что подают к столу самого государя нашего Илдиза!

– Ты бы придержал свой болтливый язык, – рядом с поваром стоял высокий, дородный человек в форме дворцовой стражи. – Ты, несчастный, хоть знаешь, кто почтил своим присутствием этот дом?

— Не знаю и знать не хочу! — продолжал брюзжать повар. — Я знаю только то, что меня... — тут его голос сорвался на визгливый крик: — Убери свои грязные пальцы из соуса, мерзавец! И вообще — вон отсюда! Избавь меня от созерцания твоего рыла, более всего напоминающего свиное — вон то, что лежит на столе!

Стражник тщательно облизал пальцы, которые только что щедро обмакнул в свежеприготовленный соус, неторопливо повернулся и побрел прочь, бросив на ходу:

— Запомни — у нас сегодня в гостях сам солнцеликий эмир султанапурский Хайберди-Шах! И если ему не понравится твоя стряпня, я посмотрю, как ты тогда запоешь!

«Надо же! А эмира-то чего сюда понесло среди ночи?» — удивился Конан.

Повар буркнул ему в след что-то невразумительное, а стражник вышел во двор, продолжая ворчать себе под нос о том, что некоторые недостойны занимать почетную должность стряпчего при дворе султанапурского пятитысячника.

Глядя на ничего не подозревающего охранника, стоявшего возле поленницы и с задумчивым видом орошавшего дрова, Конану пришло в голову, что форма дворцовового охранника заметно облегчит его задачу, и, судя по телосложению стражника, одежда скорее всего не будет мала, а если и будет, то самую малость.

На поленнице перед туранцем беззвучно выросла грозная, высокая тень, и одновременно чьи-то железные пальцы сомкнулись у него на горле.

— Будешь орать — заткну рот моей набедренной повязкой, — пригрозил Конан онемевшему от ужаса толстяку. — Раздевайся! Да побыстрее! — добавил он, тряхнув охранника, широко раскрытыми глазами уставившегося на темный силуэт. Он, наконец, сообразил, что это тень, и как мог покосился назад, силясь углядеть ее обладателя. Рассмотреть нападавшего стражнику не удалось — сильные руки сжали горло еще сильнее, и он решил, что связываться с неизвестным не следует, а лучше беспрекословно выполнять все его приказания — краем глаза незадачливый стражник заметил в левой руке злодея посверкивающее лезвие кинжала.

Туранец с вымуштрованной быстротой стянул с себя форму, и вскоре Конан, приидрчиво оглядывая себя, оправлял новую одежду. Она оказалась почти впору, разве что провисало на животе да треснули швы на плечах — прорези пришлось прикрыть плащом, который надежно спрятал все недостатки костюма. Шлем же был несколько маловат, но на затылке держался.

Толстый стражник, оставшийся в одном исподнем, был заботливо связан по рукам и ногам куском веревки, которую Конан взял с собой, уложен между поленницей и стеной, а рот был заткнут лоскутом ткани отрезанном от его же собственной рубашки. Увалень так жалобно смотрел на киммерийца, что тот, уходя, не преминул его обнадежить:

— До утра не помрешь, а с рассветом тебя найдут... Может быть.

Тихонько настынивая старую пиратскую песенку, Конан направился к двери, ведущей, по его мнению, в караульное помещение. Он бесцеремонно открыл ее пинком ноги, вошел в небольшую комнатку и увидел охранника сидящего за столом спиной к нему, и наливавшего из кувшина в деревянную кружку какое-то дурно пахнущее пойло. Быстро обернувшись на вошедшего, тот опрокинул кружку себе в рот, шумно выдохнул, грохнул посудиной о стол и разразился бранью:

— Явился, наконец, недоносок! Где тебя Нергал носил?! Опять небось на кухне брюхо набивал, обжора! Да я тебе...

Что хотел стражник послать своему мнимому напарнику — так и осталось неизвестным, ибо его энергичная тирада была прервана оглушающим ударом кулака по

затылку. Затем Конан, ухватив его за сальные волосы, приложил лицом об стол и швырнул в угол. Туранец, тяжело рухнув на пол, остался лежать там в позе, неестественной для живого человека: голова его была странно запрокинута, сквозь оскаленные зубы проступила пена, скрюченные судорогой руки и ноги мелко подергались и обмякли.

— Да что тут у вас, в конце концов, происходит? — потягиваясь и зевая в караулку ввалился третий охранник. — Мы же договорились: спать будем по очереди!

— А как же, — спокойно ответил Конан, поворачиваясь к нему. — Теперь твоя очередь... — киммериец сгреб его за шиворот и несколько раз крепко стукнул об стену.

Стражник медленно сполз по стене на пол, оставляя на камне кровавую полосу.

Даже не посмотрев в его сторону, Конан вышел в коридор, ведущий, по словам аль-Ахара, в маленький внутренний садик, примыкающий к гарему, где как он надеялся, находилась Мирдани. Приосанившись и печатая шаг, переодетый стражником северянин эдаким бравым воякой, выполняющим срочное поручение, проследовал мимо нескольких постов дворцовой охраны, приветствовав их легким кивком, точно старых знакомых. Очнувшись в саду, он осмотрелся, обнаружил скрытое наполовину в гуще кустов и деревьев длинное одноэтажное здание без окон, казавшееся игрушечным на фоне темнеющей слева громады дворца, уверенно направился к нему.

Неожиданно вынырнув из темноты перед двумя охранниками, стоявшими навытяжку по обе стороны от низенькой, неприметной дверцы, Конан единым ударом снес голову стоявшему от него справа, а второго едва ли не перерубил пополам. По счастью, никто из этих двоих и пикнуть не успел, а Конан подумал, что неплохо бы успеть найти Мирдани до очередной смены постов. Это ж какой крик поднимется, когда найдут всех повстречавшихся Конану людей!..

Ударом ноги выбив запертую изнутри на щеколду дверь, он, держа перед собой меч, прыгнул внутрь, машинально проткнув при этом евнуха, выскочившего на шум. Убедившись, что его появление больше никого не заинтересовало, варвар, стряхнув с клинка кровь, одним движением забросил меч в ножны за спиной, и двинулся по длинному коридору, завешанному толстыми коврами с пушистым ворсом, гасившим все звуки, тускло освещаемому свисающими с потолка цветными китайскими фонариками. В коридор выходило множество дверей, и Конан, подходя к каждой, прислушивался. Он предполагал, что в случае чего, Мирдани не будет вести себя тихо и покорно, но за дверьми либо стояла тишина, либо доносились негромкие голоса мирно беседующих женщин. Так он прошел весь коридор и остановился перед богато украшенной дверью, в которую упирался коридор. Одна из створок была слегка приоткрыта. Конан протиснулся в щель, и, оказавшись в небольшом промежутке между дверью и тяжелой бархатной занавеской, едва не наткнулся на чей-то широкий зад.

Обнаженный по пояс огромный чернокожий, вооруженный широким ятаганом, подобным тому, который носил палач во дворце шейха Джагула, был настолько увлечен зрелищем происходящего за шторами, что даже не заметил появления киммерийца. Конан протянул руку и, слегка тронув его за плечо, шепотом спросил:

— Интересно?

Чернокожий повернулся и, подняв влажные, мутные от вожделения глаза на северянина, наконец, понял, что находится здесь уже не один.

— А ты кто такой? — просипел он.

— Смена караула, — издевательски сказал Конан.

— Как так? — удивился гигант. — Ты же из гвардии Турлей-Хана, а меня никто менять не должен.

— Значит побудем здесь вдвоем, — с ехидцей в голосе проговорил киммериец и подмигнул.

— Но у меня приказ!..

— Да плевал я на все приказы! Думаешь, мне не хочется посмотреть?

— Нельзя... — пробасил чернокожий и потупился.

— Но ты же смотрел! — Конан продолжал заговаривать зубы этому типу, судя по всему, являвшемуся телохранителем гостя Турлей-Хана, а сам прикидывал, как бы его свалить без шума.

Собственно, так и получилось. Незаметно вынув из ножен кинжал, варвар резко всадил его в глаз чернокожему. Лезвие с хрустом пробило глазницу и глубоко вошло в мозг. Подхватив оседающее тело, он аккуратно опустил его на пол, и чуть раздвинув шторы, посмотрел внутрь.

Киммериец увидел ярко освещенный зал; полы устилали мягкие ковры, а по ним были беспорядочно раскиданы цветастые шелковые подушки. Посреди зала находился бассейн, в центре которого был фонтан в виде небольшого мраморного фаллоса. Возле поребрика возлежали в расслабленных позах двое, одного из которых Конан сразу же узнал по прыщавой туповатой физиономии. Третий, заложив руки за спину, расхаживал взад-вперед по залу. Вокруг бассейна кружились в танце несколько юношей и девушек, одетых в кисейные шаровары, под которыми не угадывалось более никакой одежды.

«А они тут неплохо устроились,» — подумал Конан, наблюдавший, приподняв одну бровь за происходящим.

В дальнем конце зала, обняв колени руками и глядя исподлобья на танцующих и гостей, сидела Мирдани. На ней красовался полуопрозрачный халат, расшитый бисером и золотыми нитками. Было видно, что дочь Джагула с трудом сдерживает рыдания, а на ее лице остались блестящие дорожки от слез.

«Пожалуй, тут слишком много народу, чтобы начинать действовать, — рассудил киммериец. — Если появиться сейчас, то поднимется неимоверный переполох, на который сбежится вся стража дворца. Придется подождать... Бедная девочка!»

Тем временем, Турлей-Хан лениво махнул рукой, и танцующие упорхнули из зала через какую-то неприметную дверцу.

«Хм, это надо запомнить!» — мелькнула мысль в голове Конана.

— Ну, что ж, дорогой мой Хайберди и друг Радбуш, настало время отведать вкуса чудесного цветка, что я хранил для друзей, — с медоточивой улыбкой сказал пятитысячник.

— Цветы не едят, болван! — сварливо проговорил человек в темно-синем халате с замысловатыми узорами из крупных жемчужин, все продолжавший расхаживать вокруг бассейна. — Не умеешь выражаться изысканно, так говори, как можешь.

— Радбуш, мне кажется ты не слишком любезен с нашим хозяином, — произнес гость, лежавший рядом с Турлей-Ханом. Конан догадался, что это и был эмир султанапурский Хайберди-Шах. Лицо тридцатилетнего правителя было красивым — тонкие черты, красиво очерченный рот, нос с горбинкой, аккуратная черная бородка — но на нем уже лежала печать многочисленных возлияний и привычного распутства.

Турлей-Хан поднялся, медленно приблизился к Мирдани и на лице его заиграла похотливая улыбка.

– Ну, цветочек, пришла пора распустить лепесточки! – лукавым голоском проворковал пятитысячник.

Мирдани подняла голову и, стараясь унять дрожь в голосе, ответила:

– Пошел вон, дурак!

– Цветочек колется!.. – сообщил Турлей-Хан, обернувшись к своим гостям.

– Да хватит канителиться! – рыкнул Радбуш. – Тоже мне, жених! Тащи ее сюда, а то вон эмир весь извелся, бедный!

«Интересно, кто же этот Радбуш, если он позволяет себе такие вольности не только с пятитысячником, но и с самим эмиром?..»

Турлей-Хан, отбросив фальшивую церемонность, сгреб девушку, не обращая внимания на ее слабое сопротивление и сдавленные тихие стоны. И вдруг пятитысячник издал не совсем приличествующий его сану визг, подобный поросьячemu, и, отпихнув Мирдани, пожаловался:

– Она укусила меня, змеюка зуагирская!

– Надеюсь, она ничего тебе не откусила? – заботливо осведомился Радбуш.

– И откушу, если понадобится! – звонким голосом решительно сказала Мирдани.

– Хорошая девочка! – ехидно улыбнулся ей Радбуш и добавил: – Пока...

«Молодец, девка! – не без удовольствия отметил про себя Конан. – Еще и огрызается, хотя прекрасно знает, что ей грозит!»

Хайберди-Шах встал и со вздохом произнес:

– Ох, не умеете вы обращаться с женщинами. Ладно, как всегда, все придется делать самому...

– Да уж куда нашему пятитысячнику! – встрял Радбуш. – Он у нас все больше по лошадям да по солдатам, и то в приказном порядке!

– Да заткнись ты наконец! – взвыл Турлей-Хан, потирая укушенную руку. Радбуш невозмутимо пожал плечами, явно не понимая, почему ему надо заткнуться.

Эмир подошел к Мирдани, которая словно затравленный зверек, смотрела на него покрасневшими глазами, и изящным движением сбросил с плеч халат. Мирдани окинула эмира с ног до головы оценивающим взглядом, и разочарованно поцокала языком. Ей было очень страшно, и она нарочно вела себя вызывающе, пытаясь таким образом подавить ужас.

Присев перед Мирдани, Хайберди-Шах заговорил с ней своим приятным, мягким голосом, надеясь, что контраст между его истинно аристократическими манерами и неуклюжим солдафонским обращением Турлей-Хана, успокоит девушку.

– Солнышко, не надо меня бояться. Я вовсе не желаю тебе зла и обещаю, что не причиню тебе никакого вреда. Иди ко мне!

Он попытался заключить Мирдани в объятия, но та оттолкнула его и отползла назад. Эмир, ласково улыбаясь, укоризненно произнес:

– Ну, Мирдани, деточка, мы же договорились...

Очередная попытка овладеть девушкой опять потерпела неудачу – Мирдани шлепнула его по рукам и отодвинулась. Так они ползали некоторое время по залу: один терпеливо уговаривая и мягко, но настойчиво притягивая к себе, другая – отстраняясь и огрызаясь, точно загнанная в угол собачонка. Наблюдавший за этой сценой Турлей-Хан давал множество полезных, но абсолютно неуместных в данной ситуации советов («Заходи с фланга!.. В угол, ее, в угол зажми!.. Окружай!» и тому подобные), а Радбуш покатывался со смеху, присев на поребрик бассейна и держась обеими руками за живот.

Наконец, терпение эмира иссякло. Он, поднявшись на ноги, рявкнул на обоих:

— Чем ржать да сыпать идиотскими советами, лучше бы помогли!.. Ну подержите же ее, в конце концов!!!

Состроив зверские физиономии, пятитысячник и смеющийся Радбуш, — первый всерьез, а второй — в шутку, навалились на Мирдани, и без труда одолев девушку, прижали к полу.

Зал огласился пронзительным женским визгом.

“Мне кажется, их здесь слишком много. Одной ей с ними не справиться...” — подумал Конан. Раскинув занавески, он ворвался в зал с криком:

— А меня четвертым возьмете?!!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Первым из чрезмерно увлекшись троицы под руку Конана попался Радбуш. Вернее, не под руку, а под ногу, и только из-за того, что он был первым, обернувшись на возглас киммерийца. Конан наградил его таким пинком, от которого гость Турлей-Хана кубарем покатился по ковру и стукнулся головой о поребрик бассейна. Он попытался подняться, но, не удержавшись на ногах, издал слабый стон и рухнул в воду. В тот же миг Турлей-Хан и эмир резко оглянулись... Пятитысячник так и не успел понять, какая сила отшвырнула его, точно тряпичную куклу, к самой стене. Прежде чем свет померк в его глазах, он успел увидеть несколько чых-то выбитых зубов на ковре, забрызганном кровью и подумать: "Ой, неужели это мои..."

Эмир, быстро сообразивший, что к чему, откатился в сторону от грозной фигуры невесть откуда и зачем взявшегося стражника Турлей-Хана, быстро вскочил и стал в боевую стойку – Хайберди-Шах недурно владел одним из редких видов кхитайской борьбы.

Если учитывать, что из всей одежды у эмира осталась только золотая цепочка на шее и несколько драгоценных перстней на пальцах, представшее перед киммерийцем зрелище было достаточно забавным. Не удержавшись, Конан во весь голос захохотал, чем еще больше смутил и без того растерянного эмира, видевшего перед собой высоченного громилу, ни чертами лица, ни телосложением не похожего на жителя империи Туран. Не меняя положения, из которого можно было так же легко атаковать, как и защищаться, эмир недоуменно вопросил:

– Ты кто и что здесь делаешь?

– Ах, сколько людей мне сегодня уже задавало этот вопрос, – устало вздохнул Конан. – И многие из них умерли еще до того, как я успел представиться...

– Как разговариваешь со мной, пес?! Да ты знаешь, кто я такой? – прорычал Хайберди-Шах, сознавая при этом в глубине души, что выглядит он, мягко говоря, не совсем обычно для наместника царя Илдиза и владыки Султанапура.

– Ну, знаю. И что с того? – сквозь смех проговорил Конан.

– А то, что завтра твоя голова украсит собой кол, вбитый посреди базарной площади!

– Не-а, – помотал головой Конан. – Я полагаю, что она останется при мне.

– А вот я так не думаю, – процедил сквозь зубы эмир и атаковал первым. Смертельный для любого незнакомого с данным видом единоборства человека удар ногой в голову не достиг своей цели: мгновением раньше Конан слегка уклонился, чуть присев, отведя правой рукой удар, перехватил эмира за лодыжку и дернул вверх. Не ожидавший от нахального незнакомца такого знания приемов кхитайской борьбы Хайберди-Шах не смог предотвратить падения и тяжело шлепнулся на ковер, но тут же, кувыркнувшись через голову, снова оказался на ногах. Подумав, что Конан знает это боевое искусство достаточно хорошо, эмир решился применить один из тайных приемов, которому научил его собственный главный телохранитель-кхитаец. Присев, он сделал несколько обманных движений руками, будто примеряясь ударить противника по ногам, а затем, резко выпрямив ноги, рванулся на него, рассчитывая врезаться плечом в грудь и, повалив на пол, добить ударом пальца в смертельную точку на горле.

Конан же поступил просто – он применил обыкновенную и примитивную уловку из арсенала уличных драчунов: отступив на шаг назад, выставил навстречу кулак. Хайберди-

Шах слишком поздно заметил этот подлый прием, не имеющий никакого отношения к древним кхитайским боевым искусствам, и со всего размаху налетел лицом на железный кулачище киммерийца, а падая, наткнулся на заботливо подставленное Конаном колено. Оказавшись на полу, эмир последним усилием приподнял голову, увидел сквозь золотисто-розовую пелену непоколебимо возвышавшегося над ним северянина и услышал словно издалека его саркастически сочувствующие слова:

— Я в самом деле этого не хотел, солнцеликий. Ты сам...

После этой фразы сознание эмира благосклонно померкло.

Конан быстро подошел к Мирдани, лежавшей к его удивлению в обмороке, легонько похлопал ее по щекам и тут же пожалел об этом. Едва раскрыв глаза, девушка размахнулась и отвесила киммерийцу звонкую и весьма увесистую оплеуху, а затем яростно выкрикнула:

— А ты-то что, верблюжий выкормыш?! Тебе велели сторожить у входа, так и убирайся туда!..

Конан совершенно забыл, что на нем по-прежнему красуется наряд дворцовой стражи пятитысячника, и, перехватив занесенную для следующей пощечины руку Мирдани, слегка встряхнул ее и сказал:

— Полегче, полегче, детка! Я хотел только передать тебе привет от твоего брата Джафира, а ты... Нехорошо-о!

Услышав имя любимого брата, Мирдани встрепенулась, внимательно взгляделась в лицо северянина, и вдруг просияла.

— Чужеземец!.. Ты...

— Ну, вот, совсем другое дело! — усмехнулся Конан. — Будешь теперь руки распускать?

— Нет! — замотала головой девушка.

— То-то же! Кстати, меня зовут Конан, как мне помнится, я не успел представиться... тогда... И давай-ка выбираться отсюда, да побыстрее. Потом поговорим, у меня есть, что сказать тебе.

— Но... — Мирдани оглядела свой халатик, порванный местами, но киммериец молча достал из заплечного мешка, спрятанного под плащом, скромный серый плащ и закутал в него Мирдани. Они уже собирались скользнуть в потайную дверцу, куда удалились танцовщики, как вдруг раздался истошный вопль:

— Спасите меня отсюда! Я не умею плавать!

Конан изумленно обернулся и, приоткрыв рот, воззрился на несчастного Радбуша, плескавшегося в бассейне. Тому удалось каким-то образом добраться до фонтана в центре водоема и теперь, обняв его руками, приятель Турлей-Хана и эмира взывал о помощи.

— Здорово, Сет его побери! — с долей восхищения в голосе проговорил Конан, глядя на разодетого вельможу, обхватившего обеими руками символическую скульптуру, на редкость нескромную даже для гарема. Мирдани хихикнула, прикрыв рот рукой.

— Ну, пусть себе поплавает. Не утонет... Может быть.

Они юркнули в дверь, и оказались в коридоре, один к одному похожем на тот, по которому Конан добрался до зала удовольствий дворца Турлей-Хана.

— По этому коридору можно выбраться в цветник, куда меня сегодня водили гулять, — сообщила Мирдани.

— И дальше что? — спросил Конан, идя по коридору быстрым шагом и крепко держа Мирдани за руку.

— Дальше?.. Дальше я не знаю... — жалобно проговорила девушка.

— Ладно, разберемся.

Они выбежали в благоухающий сад. Конан остановился, оглядываясь и прислушиваясь. Перед ними был неширокий коридор между двумя рядами густых кустов белого шиповника, шагах в десяти плавно сворачивающий налево.

— Этот цветник похож на лабиринт, и мне ни разу не удавалось найти выход, сколько я не пыталась, — задумчиво сказала Мирдани.

— Ничего, как-нибудь выкрутимся, — ответил Конан, соображая как бы покороче добраться до одного из известных ему выходов из дворца. Киммериец не стал утруждать себя блужданиями по лабиринту, а, пройдя по тропинке до поворота, выхватил меч и рубанул наотмашь по кустам. Расчищая таким образом себе дорогу, он выбрался, наконец, на открытое пространство, увидел перед собой стену и, вспомнив рассказы аль-Ахара, сообразил, что где-то неподалеку должна быть дверь, ведущая в конюшню, расположенную за внутренней стеной, рядом с воротами, через которые обычно выезжал патруль. Указав Мирдани туда, где, по его мнению, находилась та дверь, он сказал:

— По-моему, нам туда...

— А по-моему, нет! — неожиданно рыкнул кто-то из темноты, позади Конана, и Мирдани тихо ойкнула, тут же зажав рот рукой. Киммериец спокойно обернулся и ответил:

— Уж мне лучше знать, куда я иду, — и с этими словами он ткнул мечом в неясную тень, видневшуюся в двух шагах от них. Раздался яростный вопль, и Конан, не дожидаясь дальнейшего развития событий, перехватив Мирдани за талию, со всех ног бросился туда, где, как ему думалось, находилась конюшня. Девушке было очень неудобно и немного больно, но она, обняв одной рукой Конана за шею, а другой вцепившись в кожаный пояс, молча терпела.

Вопли раненого Конаном человека не прекращались, он уже не просто кричал от боли, а звал на помощь, которая не замедлила появиться, о чем киммериец догадался, услышав позади голоса. Оглянувшись, он увидел с десяток факелов, и побежал еще быстрее.

Перед беглецами внезапно появилась дверь, и Конан, не обратив внимания на то, что она совсем не похожа на вход в конюшню, не имеющий верхней балки и по обычаю, принятому у всех народов, украшенный подковой, ударом ноги распахнул ее настежь.

Мирдани не издала ни звука, а только еще крепче обняла мощную шею киммерийца, а тот, несколько опешив, произнес:

— Кажется, мы не туда попали...

На них уставилось около дюжины пар изумленных глаз, принадлежавших стражникам, мирно игравшим в своей караулке в кости в ожидании смены.

— Слушайте, ребята, а где конюшня?

Он вовремя вспомнил, что все еще одет в изъятую у толстяка форму, однако, не учел, сколь необычно он смотрится с обнаженным, попятнанным кровью мечом в одной руке, и с вцепившейся в него мертвкой хваткой девицей — в другой.

— Вон там, — машинально ответил один из стражников, вытянув руку.

— Спасибо, — вежливо ответил Конан, поудобнее перехватил Мирдани, и круто развернувшись на каблуках, хотел было скрыться в указанном направлении, но был остановлен резко прозвучавшем в царившей изумленной тишине вопросом:

— Э, а ты кто, и зачем тащишь женщину на конюшню?

— Ну как зачем... — замялся Конан, и неожиданно Мирдани поддержала его, прохрипев:

— А ты что, сам не можешь догадаться, красавчик?!

– А-а! – судя по всему, стражник удовлетворился ответом Мирдани, и, поглядев на своих, добавил: – Новенький, что ли? Что-то я его раньше не видел... Ты где...

Договорить он не успел, потому что Конан ускользнул в темноту, а спустя несколько мгновений в караулку ворвались несколько раскрасневшихся, запыхавшихся и донельзя злых телохранителей Турлей-Хана, один из которых прорычал:

– Где они?!

– Кто “они”? – последовал резонный вопрос.

– Двое!

– Какие двое?! К нам тут заходил новенький с бабой под мышкой, спрашивал, где конюшня. Он что, украл ее из гарема?

– Да!!! – заревел спрашивавший, подобно раненному льву. – Все за мной, болваны!!!

Безропотно повинуясь приказу, все, кто был в караулке, похватав оружие, высипали наружу и всей толпой ринулись к конюшне.

Конан бежал вдоль стены к длинному зданию, откуда слышалось ржание и похрапывание лошадей. Однако ему пришлось резко остановиться и прижаться к стене, потому что один из отрядов стражи уже появился возле ворот конюшни и, развернувшись в цепь, преградил дорогу. Позади уже топали телохранители Турлей-Хана, стражники, сидевшие в караулке, и присоединившаяся к ним охрана эмира.

– Мне это совершенно не нравится, – пробормотал Конан и поставил Мирдани на землю, сказав ей: – Постарайся держаться у меня за спиной и не делай глупостей.

Оглядев приближающихся туранцев, Конан задумчиво почесал подбородок. Ему не раз приходилось сражаться одновременно с большим числом противников, и, как правило, выходить победителем – много нападающих сразу людей мешают друг другу, создают толчею и человек, который хорошо владеет мечом, без труда может справиться с ними, выводя из строя по одному. Сейчас же ситуация была иной, так как его окружали отлично обученные и знающие свое дело воины, которые не станут гибнуть почем зря, а предпочтут взять противника измором. Кроме того, Конан знал, что туранцы ничуть не уступают гирканийцам в ловкости владения арканом.

– Вот они! Окружай! – раздался крик.

Конан видел, как со всех сторон к месту у внутренней дворцовой стены, где он стоял заслонив собой Мирдани, сбегались десятки стражников и разворачивая строй полукольцом, выставляли перед собой пики. Шагах в пяти они остановились, не предпринимая больше никаких действий.

– Ну, что встали? Боитесь? Кто первый, налетай! – подзадоривал Конан.

Никто из туранцев не шевельнулся. Мирдани, не выдержав напряжения, уткнулась лицом в спину киммерийцу и тихо заплакала.

Конан, не понимая, почему стражники не нападают, покачал мечом и издевательски проговорил, надеясь, что эти слова их расшевелят:

– Вонючие ублюдки! Отродья Сета! Плевки Нергала! Сколько же вас должно собраться, чтобы напасть на одного?!

– Дорогу! – раздался громкий крик позади кольца стражников. – Дорогу, кому говорю!

Стражники расступились, образовав живой коридор, по которому стремительной походкой шел мокрый с головы до ног и злой, как раненный шакал, Радбуш.

“О, выплыл! – подумал Конан. – А сюда-то этот ублюдок чего приперся? Уж не его ли все ждут?”

— Где этот мерзавец? — возвзвал Радбуш, высакивая на свободное пространство перед Конаном.

— Это я, что ли? — не потеряв и капли самоуверенности, отозвался Конан. — Да вот он я! Не переживай, ты скоро высохнешь!

— Я-то высохну, — срывающимся от гнева голосом сказал Радбуш. — А вот ты, пожалуй, сейчас обуглишься!

— Не понял... — удивился Конан.

— А я? — перестав плакать, поинтересовалась Мирдани.

— И ты тоже! — теперь зверское выражение на лице Радбуша уже не было шутливым. Запрокинув голову, он вскинул руки, и между его ладонями зазмеились синеватые нити молний.

“Великий Кром! Да это же маг! А я-то думал, почему Радбуш такой нахальный!”

Посреди переплетения тонких, искрящихся струек огня возник и начал быстро увеличиваться в размерах комок голубовато-белесого пламени. Цвет его, постепенно меняясь, достиг густого фиолетового оттенка, и тогда Радбуш, глухо хакнув, движением пальцев направил его на Конана и Мирдани, невольно прижавшихся к стене от изумления и страха. Шар сорвался с рук мага, с легким свистом распарывая воздух, прочертил сияющую дугу к Конану. Мирдани издала отчаянный визг.

“Конец!” — только успел подумать киммериец, и тут произошло нечто необыкновенное.

За мгновение до того, как созданный чародеем шар должен был ударить в северянина, вокруг Конана вспыхнул мерцающий, белый с золотым отблеском ореол. Огненный комок натолкнулся на него, будто на некую мягкую преграду, и, бесшумно скользнув немного вбок, устремился к стене.

Что случилось потом — не понял никто, включая и самого мага. Ослепительная вспышка озарила ночное небо над Султанапуром, взметнулся столб пыли и каменного крошева, а затем раздался оглушительный грохот падающих обломков стены.

Когда пыль понемногу рассеялась, оцепеневшим от ужаса туранцам и стоявшему с открытым ртом и все еще воздетыми руками Радбушу предстало впечатляющее зрелище: могучая фигура мужчины и прижавшаяся к нему женщина, окутанные мерцающим сиянием, на фоне зияющего черного провала в стене; вокруг них беспорядочно громоздятся каменные глыбы; чуть поодаль лежат несколько обугленных, дымящихся трупов, и стремительно удаляющийся огненный шар, сокрушающий все встреченное на своем пути.

В мертвой тишине прозвучал дрожащий голос Радбуша:

— Я же все сделал так, как сказано в том древнем манускрипте... Но почему?!

Эти слова вывели Конана из легкого оцепенения, он оглянулся и, увидев пролом, хрипло проговорил:

— Ну, мы, пожалуй пойдем...

Подхватив Мирдани, он, перепрыгивая через завалы, скрылся в пробитом огненным шаром проходе на глазах до сих пор не пришедших в себя стражников и углубившегося в раздумья мага, тупо глядящего прямо перед собой...

Прыгая по обломкам, Конан нечаянно коснулся рукой кинжала, прицепленного к поясу, и выругался, отдернув ладонь: рукоять была накалена едва ли не докрасна...

— Я больше не могу... — выдохнула Мирдани, вытягивая ладошку из руки Конана, и села прямо на камни мостовой.

— Надо где-нибудь раздобыть лошадь... — пробормотал киммериец, остановившись. — Вот что, красавица, давай-ка я возьму тебя на руки.

Бешеная гонка по улицам ночного Султанапура продолжалась уже довольно долго. Конан давно понял, что заблудился, петляя по закоулкам, скрываясь от немедленно кинувшейся им вслед погони. Множество патрулей теперь рыскало по Верхнему городу, и сейчас они хорошо знали, кого ищут — высокого темноволосого северянина в форме стражника Турлей-Хана и красивую зуагирскую девушку в сером плаще, под которым прятался богатый наряд. Несколько воинам армии Илдиза, наткнувшимся неожиданно на беглецов, уже не пришлось продолжать поиски, ибо после короткой схватки они остались лежать посреди улицы в луже крови.

Ночь подходила к концу, и звезды на востоке уже начали бледнеть. Улицы города, наполненные фиолетовыми предутренними сумерками, были пока пустынны (если, правда, не считать многочисленных патрулей, как конных, так и пеших). Киммериец предполагал, что он и Мирдани успели отбежать на достаточно большое расстояние от дворца пятитысячника, однако же стены, отгораживающей богатые кварталы от Нижнего Города, пока не замечал.

— Кром! Я уже не помню, когда последний раз в жизни так плутал! — зло сказал Конан сквозь зубы. — Какой дурацкий день!

Легко подхватив на руки Мирдани, которая сразу прижалась к его широкой груди, обхватив руками шею, он направился вниз по улице, уходившей под уклон, не переставая прислушиваться к самым мельчайшим шорохам — как ни странно, в этом районе Верхнего Султанапура стражи было мало. Надо полагать, что направление поисков сменилось в сторону городской стены и Нижнего Города. Киммериец еще раз пристально осмотрел улицу, и, наконец, догадался, почему здесь так спокойно и тихо.

Стены домов тут были необычны для туранской архитектуры — на Востоке издавна принято строить дома так, чтобы окна выходили во дворик, а ни в коем случае не на улицу. В этом же квартале все было наоборот. Высокие двух- и даже трехэтажные здания напоминали те, которые киммериец видел в городах Немедии и Аквилонии, а когда на одном из домов он узрел знамя Зингары, то все стало по своим местам — здесь жили иноземные посланники и купцы, а также люди, которых судьба заставила покинуть родину и найти прибежище в Туране.

Без сомнения, здесь жили люди очень богатые (пусть даже и не являвшиеся подданными Туранской империи) и, соответственно, никто из командиров отрядов, отправившихся на поиски негодяя, покусившегося на особу самого эмира султанапурского, не мог подумать, что в приличных домах кто-либо будет скрывать северного дикаря, похитившего наложницу пятитысячника. Поэтому-то на улицы иноземного квартала были посланы всего два-три патруля, обмануть которые киммерийцу не составило большого труда.

Стук копыт донесся из узкого переулка, и Конан метнулся было под арку, будучи уверенным, что опять наткнулся на разъезд стражи, но, осторожно выглянув, понял — случай

послал ему то, что и требовалось: лошадь. Да какую!..

Усадив Мирдани на землю, киммериец выскочил на дорогу перед всадником и бедная лошадка так шарахнулась от внезапно появившегося и настолько неприятно знакомого ей человека, что старый и седой наездник едва не свалился на мостовую.

– Нет, ну, вы подумайте, кого на этот раз принесло на мою старую голову? – прокартавил восседавший в седле старец. – Юноша, у вас-таки с головой все в порядке или мне отвести вас к лекарю?

Старый длиннобородый шемит взирал на Конана из-под густых черных бровей крайне неодобрительно. От резкого рывка лошади широкополая шляпа его сползла на затылок, а сам он судорожно вцепился в луку седла.

– Мне нужна твоя лошадь, – твердо заявил Конан, с легким изумлением оглядывая кобылу, прежде принадлежавшую Турлей-Хану, и которую не далее как вчера сам отдал владельцу “Тыквы”. Ну и встреча!

– Юноша, а вы считаете, что она мне не нужна? – поднял одну бровь шемит. – И, кроме того, почему такая манера бродить по городу по ночам?

– Лошадь отдай, – тихо, но очень настойчиво повторил киммериец. – Слазь!

– Зачем? – поднял вторую бровь шемит. – Я еще раз предлагаю вам, молодой человек, посоветоваться с лекарем насчет вашей головы. Или вы думаете, что она у вас не больна? Зачем разумному человеку эта старая и жирная кобыла, которой давно место на живодерне?

Конан протянул руку к узде, но лошадь снова отпрянула от варвара, будто от волка, бешено сверкнув белками глаз. Грязь уже начала сходить с ее боков, обнажая белую шерсть, отчего некогда красивое и благородное теперь казалось пораженным лицем.

– Слезай с лошади, старый дурень! – рявкнул Конан. – Или ты лишишься не только ее!

– То есть? – невозмутимо спросил шемит, явно не понимая, что играет с огнем, но отчего-то ярость у киммерийца сменилась весельем.

– Я не один, а с женщиной, – заговорщицким шепотом произнес варвар. – Она сбежала из дома. Мы хотим скрыться из города. Так ты дашь нам лошадь?

– С э-э... женщиной? Она из почтенной семьи? – заинтересованно спросил старец. – Как, наверно, огорчатся ее родители...

– Я заплачу за твоего скакуна, – снова зашептал киммериец. – Много!

– Да разве за такого красавца, верней, красавицу...

– Много! – подтвердил Конан, не желая выслушивать дифирамбы в адрес кобылы, которую лично украл у пятитысячника не далее, как две ночи назад.

– Сколько? – серьезно сдвинув брови, спросил шемит.

– А сколько ты хочешь? – не отставал Конан.

– А сколько у вас есть?

– А почем ты ее брал?

– Юноша, отчего вы всегда отвечаете вопросом на вопрос?

– Разве?

Шемит сдался. Покрутив пальцем бороду, он неодобрительно глянул на Конана, и, вздохнув, сказал:

– Ваша мама не была шемиткой? Видит Митра, это прямо-таки разорение, но вы дадите за кобылу десять империалов Илдиза?

– Почему не дать? – подхватил киммериец, и, понизив голос, добавил: – А у тебя не было внебрачного сына?

— А почему он должен был быть? — ухмыльнулся старец. — Когда я могу получить деньги?
— А когда ты слезешь с моей лошади?

Несмотря на то, что препирательства со старым шемитом доставляли массу удовольствия, Конан оглядывался по сторонам, ожидая в любой момент появления разъезда. Улица была достаточно широкой, чтобы легко заметить в предрассветных сумерках грязнобелую лошадь, ее всадника и еще двух человек.

— Таки где мои деньги? — продолжал настаивать шемит, с кряхтением выползая из седла. Конан вежливо подал ему руку, помогая утвердиться на ногах. — Ах, молодой человек, знали бы вы, где мне пришлось провести эту ночь, а теперь еще придется добираться до дома пешком, калеча и без того больные старые ноги. Если бы вы знали, как я болен, вы бы дали мне двенадцать империалов... А как дороги лекарства и услуги лекарей?! А еще я хотел съездить в Асгалун — это в Шеме, ну, вы знаете... У меня там живет троюродная сестра моей покойной матушки, и вы представляете, у нее та же самая болезнь, что и...

— Еще не надоело? — буркнул Конан, отвязывая мешок с золотом от пояса.

— А как мне могут надоеть мои болезни — это же все, что у меня осталось, после того, как я отдал вам лошадь за бесценок?..

— Мирдани, иди сюда, — обернулся Конан, и, когда девушка подошла, шемит снова заговорил:

— Так это таки ее вы украли из родительского гнезда? Деточка, да как же вы согласились на такое?

— Да так, — пожала плечами Мирдани и, теребя уголок капюшона, которым по привычке попыталась закрыть лицо от неизвестного мужчины, смущенно добавила: — Меня и не спросили...

— Бедное дитя! — всплеснул руками шемит. — Скажите, у вас было богатое приданое?

— Папа говорил, что богатое...

— Хватит болтать! — рыкнул Конан. — Держи свои деньги и беги домой, дедушка, спать. Да советую тебе забыть, что ты нас видел.

— Вы хотите купить кусочек моей памяти? — хитро прищурив глаза и склонив набок голову, сказал старец.

— Ах ты... Ладно, на тебе еще пять империалов и проваливай!

Конан начал вытряхивать из мешочка золотые монеты, но тут Мирдани приглушенно вскрикнул и дернула киммерийца за рукав.

— Факелы! — она указала вверх по улице, где мелькнули несколько красноватых огоньков. В тот же миг до слуха киммерийца донесся топот копыт. Вот сейчас терять время совсем не стоило, и северянин, швырнув на землю мешочек так, что монеты рассыпались золотым дождем по мостовой, сгреб Мирдани в охапку, усадил на кобылу, а затем сам вскочил в седло позади девушки и ударил пятками испачканые подсохшей грязью бока животного. Кобыла рванулась, взяв с места в галоп, с непривычной для нее прытью, и киммериец так и не услышал последнюю фразу старика-шемита, который, нагнувшись, собирая столь неожиданно свалившееся на него состояние одной рукой, а другой потирая согбенную спину:

— И все таки этому молодому человеку просто необходимо сходить к лекарю...

Свернув на темную уличку, Конан придержал лошадь, пустив ее шагом — погони пока не было слышно, и не стоило переутомлять изнеженную тварь, бока которой уже порядочно взмокли, и к потекам грязи добавились темные пятна пота. Этот квартал киммерийцу был незнаком и подавно, но теперь Конан сориентировался и видел, что город здесь плавно

спускается с холма к гавани.

– Ну, пока, красавчик! Надеюсь, тебе понравилось? – в утренней тишине резко и странно прозвучал грудной женский голос с мягкой хрипотцой. В десяти шагах от Конана открылась дверь на улицу, и на пороге возникли две фигуры: мужская и женская, причем последняя была раза в два шире и на голову выше первой. Мужчина, пошатываясь, беспрестанно оборачиваясь и помахивая рукой, двинулся по мостовой неуверенным зигзагом, а дама, похозяйски оглядев улицу, остановила взгляд больших, ну прямо коровьих, глаз на всаднике, прищурилась, сделала пару шагов навстречу, наморщила лоб, словно что-то вспоминая. Вдруг лицо женщины неожиданно озарила широкая, радостная улыбка.

– Великая Иштар! Это откуда ж к нам такого мужчинку-то замело?!

Дородная красавица заняла своим мощным торсом едва ли не пол-улицы, преградив дорогу лошади киммерийца, ткнула кулаки в бока и, насмешливо глядя в лицо Конана, произнесла:

– ...И, конечно же, опять с бабой! Конан, душка, где тебя носило столько лет?!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Стейна!.. Ты?!. И как всегда вовремя! — воскликнул Конан, спрыгивая с лошади. Мирдани скромно молчала, наблюдая.

— Надеюсь, за тобой опять гонятся? — с лукавой улыбкой проворковала Стейна, склонив голову на бок. — И, конечно же, тебе опять нужна я? Ах, ты душка!

Стейна ему и вправду требовалась, но немного в другой роли, нежели в старые добрые времена...

— Послушай, детка! — серьезно сказал киммериец. — Сейчас нет времени на долгий разговор. Если поможешь... э... нам исчезнуть ненадолго, то моя благодарность превысит все твои ожидания.

— Да разве я когда тебе отказывала в чем-либо? — мило улынулась Стейна и, прищурившись, придирчиво оглядела лошадь и сидящую на ней девушку, которая со спокойной гордостью выдержала ее оценивающий взгляд.

— Так... Клячу — на конюшню, а вы... двое... идите за мной.

Стейна повернулась к двери, гаркнула на слугу, высунувшего любопытный нос на улицу, и тот поспешно кинулся выполнять приказ хозяйки. Киммериец, сняв Мирдани с седла, быстро прошел за Стейной, успев заметить мелькнувшие неподалеку отблески факелов патруля.

— Где мы? А кто эта женщина? — шепотом спросила Мирдани Конана, но тот ограничился неопределенной отговоркой:

— Я тебе потом объясню... Если раньше сама не поймешь.

Втроем они поднялись по лестнице, устланной ворсистым красным ковром, навеявшим на Мирдани неприятные воспоминания о гареме пятитысячника. А когда Стейна провела неожиданных гостей через большой, богато украшенный зал, стены которого были украшены gobelenами с недвусмысленными сюжетами, дочь Джагула начала потихоньку соображать, что приличной девушке из патриархальной семьи не следовало бы даже появляться здесь. Однако, Конан был явно в своей тарелке и бодро вышагивал за Стейной, которая, судя по всему, была владелицей этого заведения.

Внезапно Мирдани вырвала руку из широкой ладони Конана и резко остановилась.

— В чем дело? — недоуменно поднял бровь варвар, обернувшись к ней. — Что-то не так?

— Как ты смел притащить меня в этот... это... сюда!

Стейна тоже остановилась, вежливо отступив на пару шагов, и вперила зеленовато-голубые глаза в лепной потолок, стараясь скрыть ехидную улыбочку. Такие сцены ей приходилось видеть частенько.

— Ну, и что дальше? — спокойно сказал Конан, сложив на груди руки.

— Как что? Как что?! — неистовствовала Мирдани. — Чтобы я — дочь шейха Джагула аль-Баргэми — ступила в этот дом разврата и вместелище похоти?! Да я...

Конан осторожно заткнул ей рот ладонью и приложил палец другой руки к губам.

— Ну, дочь, ну, шейха, ну, Джагула, — ласково проговорил он. — Только кричать-то зачем? Ты же сейчас всех перебудишь. А если тебе здесь не нравится, то мне не составит труда вернуть тебя к Турлей-Хану, дворец которого не просто вместелище похоти, а ее рассадник. Ну, что?

Мирдани ничего не ответила, окинув киммерийца взглядом, полным презрения,

благодарности за спасение в котором уже не было и в помине.

— Долго вы собираетесь стоять здесь? Может быть, все же желаете устроиться в теплой постельке? — пробасила Стейна. — У меня для вас, голубки, найдется отличная комната, где вы и разрешите благополучно свои споры и сможете чудненько поразвлечься.

По лицу Конана невольно поползла улыбка, которая тут же была сметена размашистой оплеухой, а по виду Мирдани можно было предположить, что она вот-вот свалится в обморок при мысли о том, что ей придется ночевать в одной комнате с мужчиной.

Стейна, усмехнувшись, сделала гостеприимный жест рукой и сказала:

— Давайте-ка за мной, дети мои. Ваше счастье, что сейчас утро, и все девочки еще работают — занимают тех... э... гостей, которых могло бы заинтересовать ваше появление. А ну, быстренько!

Мирдани, выглядевшая как оскорблена до глубины души королева, трагическим жестом запахнула плащ и последовала за киммерийцем и Стейной. Ничего другого ей просто не оставалось делать.

Хозяйка устроила Конана и его строптивую подружку в очаровательной комнатке, приведшей варвара в восторг, а Мирдани — в состояние панического ужаса. Большую часть помещения занимала гигантская кровать, выполненная из красного дерева в виде раскрытой морской раковины, края которой были завешены нежнейшим кисейным шелком, а внутренняя поверхность верхней створки раковины представляла собой зеркало, составленное из нескольких частей, каждая из которых отражала постель розового атласа с разных сторон.

Конан присвистнул, осмотрев это великолепное сооружение.

— Знаете, голубочки, — с гордостью сообщила Стейна, — это одна из лучших моих комнат. Сюда любят приходить — кто бы вы думали?.. — она понизила голос и, заговорщицки подмигнув Мирдани, прошептала: — Здесь предавались любовным утехам сам Турлей-Хан и...

Раздался мягкий стук упавшего тела. Конан и Стейна оглянулись и увидели Мирдани, лежащую без сознания на ковре. Изумленно переглянувшись, они подняли ее и положили на кровать.

— Так кто тут еще был, с пятитысячником? — с бессердечным любопытством поинтересовался Конан.

— Радбуш, кто же еще!

* * *

Конан, утопая в мягкой перине, блаженно вытянулся. Все-таки здорово, что его занесло в этот квартал, к этому дому, к Стейне, в ее жаркие объятия...

— Ну, что, вспомнил меня, душка?.. — сладким голосом сказала Стейна, томно посасывая длинный чубук, тянувшийся от серебряного кальяна. — Может быть, ты все-таки поведаешь своей кошечке, где тебя носило столько лет?

— Долго рассказывать... — лениво произнес Конан, отрывая сочные черные виноградины от крупной грозди с сизым налетом, лежавшей вместе с другими фруктами на подносе,

который служанки поставили прямо на постель.

— Ну, расскажи, котик! — по-детски надув губки, прогудела Стейна. — А я тебе расскажу, как дошла до жизни такой.

Она откинулась на подушки, разметав темно-каштановые волосы и счастливо вздохнула. Да, Конан был настоящим мужчиной...

Продолжая неторопливо поглощать фрукты, запивая их терпким мускатным вином, киммериец коротко рассказал о своих приключениях за те несколько лет, что отделяли его от последней встречи с некогда стройной Стейной, которая в те времена была лишь очаровательной гурией в одном из домов наслаждений Аграпура. Когда-то Конан питал к ней определенные чувства, и даже теперь, когда подруга молодости располнела (пусть и не утратив остальных качеств), он продолжал относиться к ней с былой нежностью.

— Ну, а что ты делаешь в Султанапуре сейчас? И, кстати, где ты откопал эту нервную дикарку?

Конан нехотя раскрыл причину своего появления в городе и, зная, что Стейна скорее язык себе откусит, нежели разболтает хоть что-то, могущее повредить варвару, подробно рассказал о всех событиях минувшей ночи и вызвал у хозяйки здоровый хохот, красочно описав плавающего в бассейне придворного мага.

— Да, мой мальчик, — сказала Стейна, отсмеявшись. — Влипли вы... Девицу-то спрятать — труды невелики, а вот что с тобой делать? Не будешь же ты сиднем сидеть взаперти, пока не уляжется переполох? Просто счастье, что Иштар привела тебя к моему... хм, дому, а я вышла наружу проводить этого сластолюбивого кофийского посланника, у которого не жена, а демон, причем сотворенный изо льда!

— О тебе такого не скажешь! — довольно протянул Конан, и обняв Стейну за пухлые плечи, поцеловал в губы. — Так что ты мне посоветуешь?

— Что посоветую? — томно выдохнула Стейна. — Не забивать свою голову всякой ерундой, а поручить мне устроить все дела. А сейчас, зайчик, давай займемся чем-нибудь более приятным, чем все эти погони, трупы и истеричные зуагирки...

В этот момент в дверь постучали, и Конан, пробормотав про себя проклятие, крикнул:

— Ну, кто там еще?!

— Госпожу просят спуститься. К нам стучатся воины городской стражи! — прошелестел за дверью нежный женский голосок. Стейна, решительно отодвинув от себя киммерийца, ругнулась так, что у него глаза на лоб полезли, накинула халат и уже от двери прошипела Конану:

— Сиди смирно, птенчик! Если я сказала, что все устрою, значит, так тому и быть — мое имя кое-что значит в этом городе! И не вздумай устроить одну из твоих любимых штучек! Мои ковры настолько дороги, что если ты изгадишь их кровью этих несчастных, что ждут меня под дверью, одной ночью со мной ты не отделаешься...

Она послала ему воздушный поцелуй и упорхнула за дверь с легкостью, какой могла бы позавидовать шестнадцатилетняя девушка.

Конан на всякий случай оделся в свое старое платье (форму стражника сожгли по приказу Стейны еще под утро) и положил в пределах досягаемости меч, слегка выдвинув его из ножен. Достаточно толстые стены не позволяли ему расслышать, что происходит внизу, но, отыскав небольшую отдушину, выводящую на улицу, он склонился к ней и услышал низкий, мяукающий голосок Стейны, беседовавшей со стражниками тоном любящей, но строгой матери.

— Мальчики, ну, что ж это вы прибежали прямо с утра? — напирала Стейна, не давая стражникам и слова вставить. — Никак женушки ваши отказали хором? Иначе зачем бы вам беспокоить честную женщину, которая с таким трудом зарабатывает себе на хлеб, в тот самый час, когда она, умирая от усталости, собиралась сомкнуть свои очи, в надежде хоть немного отдохнуть от праведных трудов?

“Хорошо треплется!” — восхитился Конан, приникая поближе к отдушине, и стараясь не пропустить ни одного слова хозяйки.

— Мы... — попытался заикнуться один из туранцев, но был остановлен очередной бурной отповедью, в которой Стейна сетовала на свою несчастную судьбу, жизнь, полную всяческих лишений и бедность, граничащую с нищетой. И все потому, что “все вы, сластолюбивые самцы, норовите урвать побольше и подешевле, а то и даром, ничуть не думая о том, что бедные женщины вынуждены работать из последних сил, чтобы не умереть с голоду!..”

Случайно бросив взгляд на туалетный столик Стейны, на котором в беспорядке громоздились жемчужные ожерелья, бриллиантовые кольца и колье, золотые серьги, украшенные драгоценными камнями браслеты и прочая дорогая мишуря, Конан, присев на корточки и нагнув голову, с трудом сдержал громкий хохот.

“Да, в этой комнате можно действительно умереть с голоду, потому что кроме драгоценностей и фруктов есть здесь попросту нечего, — подумал киммериец. — За что люблю Стейну, так это за прямоту и честность. Чудесная женщина!”

— Прости, госпожа, — сумел, наконец, прервать прочувствованный монолог хозяйки заведения старший стражник. — Мы ищем опасного преступника, а последний раз его видели неподалеку отсюда...

Некоторое время царило напряженное молчание, слышалось только тяжелое дыхание Стейны, которая явно набиралась сил для новой убийственной тирады, и, наконец, гроза разразилась, да такая, что Конан изо всех сил зажал рот руками, опасаясь выдать свое присутствие непозволительно громким в такой ранний час хохотом.

— Так!!! Хорошо же!!! Вы смеете думать, что я — Стейна! — это слово она выкрикнула так, словно это было имя почитаемой богини, — стану впускать в эти стены, коими не пренебрегает даже наш солнцеликий эмир и его достойные вельможи, каких-то уличных проходимцев, стащивших на базаре дохлую курицу, и за которыми зачем-то гоняются все стражники Султанапура? Многие из вас, между прочим, убегают отсюда, позабыв свои грязные, драные штаны и сабли, даже не заплатив моим девочкам за их труд! И это вместо того, чтобы ловить настоящих преступников, нарушающий покой честных граждан!

Далее последовала длительная и запутанная история о том, как одну из “девочек”, работающих у Стейны, ограбили ночью, изнасиловали, избили и пригрозили еще, что если она будет жаловаться — умрет страшной смертью! И, несмотря на это, она рассказала все хозяйшке, потому что знала: единственный человек в городе, кто сможет защитить неправедно обиженного — это “бедная пожилая женщина, вынужденная быть храброй в мире подлецов и убийц, пока доблестные туранские воины, призванные охранять мир и тишину на улицах этого города, предаются порокам пьянства и сластолюбия, вместо того, чтобы с оружием в руках оберегать...”

Конан, уже лежавший на полу, откатился от слухового отверстия и, уткнув багровое, залитое слезами лицо в подушку, пытался задыхался от сжимавших горло приступов смеха, похожего на рыдания. Сил слушать дальше этот разговор у него не осталось...

Через некоторое время дверь в комнату распахнулась, и на пороге показалась Стейна с

видом полководца, выигравшего решающую битву, обеспечив себе блестящую победу в войне.

Киммериец, оттерев с лица слезы, возврался на свою подругу.

— Ты плакал, милый? — участливо поинтересовалась Стейна, чем вызвала еще один взрыв неудержимого хохота у Конана.

— Хватит... Хватит! Остановись! — простонал варвар, держась обеими руками за живот. — Да я в жизни столько не смеялся!

— М-да? — недоуменно произнесла Стейна. — А вот я не вижу в этом ничего смешного! Мало того, что ты перерезал большинство телохранителей пятитысячника, избил эмира, нахамил почтенному Радбушу, который из-за тебя разрушил чуть ли не полгорода, так ты, негодяй, еще и ограбил старика, отняв у него лошадь!

— Но я же дал старцу в десять раз больше, чем эта коняга могла стоить! — все еще хихикая, сказал Конан.

— А вот эмирским стражникам старый шемит, который, кстати, является владельцем этого дома, взятого мною в наем, рассказал кое-что другое!

— То есть? — не понял киммериец.

— Ты совершенно непочтительно отнесся к нему, к его сединам и высокому положению в городе, грубил, издевался над больным человеком, отобрал лошадь, заставив идти пешком...

Тут Стейна, живо представив себе все это, не выдержала сама и опустилась на ковер, а плечи ее мелко затряслись от смеха. Наконец, она взглянула на Конана и с трудом произнесла:

— Знаешь, красавчик, при каждом твоем появлении спокойная жизнь прекращается и становится очень весело...

Стейна поднялась, сбросила явно тяготивший ее халат, и нырнула под одеяло. Конан последовал ее примеру.

— Может быть, ты просто объяснишь мне, что хотели эти туранские недомерки? — спросил он. — Я был совершенно не в состоянии расслышать весь ваш разговор.

Стейна, томно вздохнув, начала рассказывать. Конан узнал, что переполох в дворце пятитысячника перекинулся на большую часть Верхнего Города, а после того, как огненный шар, сотворенный Радбушем, угодил в одну из казарм гвардии Турлей-Хана, во всем Султанапуре, пожалуй, не осталось ни одного спящего воина — солдаты, выскочив в чем мать родила из загоревшегося здания, столкнулись на улице с поднятыми на ноги офицерами, которые, сами ничего не зная, кроме того, что какой-то негодяй едва не сравнял с землей дворец Турлей-Хана, немедленно погнали подчиненных в облаву, которая затронула практически весь город. Султанапур наполнялся слухами, и к утру полтора десятка подвернувшихся под руку киммерийцу телохранителей и стражников превратились в несколько сотен погибших. А еще старший офицер патруля сообщил Стейне, что, скорее всего, действовал не человек, а демон — ведь на него не подействовало даже заклинание искусного мага. И, кроме того, Стейна с удивлением выяснила, что эмир Хайберди-Шах сейчас якобы находится почти при смерти, после того, как неизвестный разбойник, одержимый злыми духами и потому неуязвимый, покусился на его драгоценную жизнь...

— Не понимаю, — задумчиво сказала Стейна. — С чего это тебе приписывают невероятные способности? Может быть, ты за эти годы успел заделаться магом?

— Не думаю... Хотя.... — Конана внезапно осенило, и, он, свесившись с постели, нашарил лежавший на полу кинжал, подаренный шейхом Джагулом. Киммериец вспомнил, что когда он его коснулся, убегая вместе с Мирдани из дворца пятитысячника, стальная

рукойти была горячей. Варвар недоуменно осмотрел клинок и протянул Стейне со словами:

— Похоже, жизнь мне спасла именно эта штуковина. Я же тебе рассказывал, как зуагирский шейх всучил мне эту железяку вместо пяти тысяч золотом.

Стейна повернула кинжал в руках, внимательно его изучив, а потом вернула Конану.

— Знаешь, дорогой, я в этом не разбираюсь, но...

Она сделала паузу и наморщила лоб, будто что-то вспоминая. Наконец, Стейна хлопнула себя по щеке воскликнув:

— Слушай, я вспомнила, где видела его раньше! Помнишь мужика, которого я провожала, когда ты подъехал к дому?

— Ну? Кофийский посланник?

— Точно! Этот парень увлекается всякими магическими штуковинами, и я подозреваю, что он и сам немного маг.

— И что из этого?

— Да просто твой кинжал — или точно такой же — я видела у кофийца около года назад. Я тогда удивилась, как такой богатый и знатный человек может носить столь простую и дешевую вещь? А потом ножик исчез... Дагарнус в те дни принимал у себя какого-то владыку кочевников, а когда пришел ко мне, рассказал, что кинжал подарил.

“Так, это вполне сходится с рассказом Джагула о происхождении оружия, — подумал Конан. — Великий Кром, объясни мне, какая связь может быть между шейхом зуагиров и кофийцем, находящимся на посольской службе у своего короля?”

— Послушай... — нерешительно начал варвар. — Стейна, как ты думаешь, этот твой кофиец, как его?

— Дагарнус? — уточнила Стейна.

— Вот-вот. Он верный человек? Ты ему доверяешь?

— Вообще-то да, — осторожно сказала женщина. — В своей жизни Дагарнус видит мало тепла, а у меня ему хорошо. Кажется, он даже немножко влюблен в меня... А что ты, собственно говоря, хочешь? А, проказник?

Конан ненадолго задумался, потом взъерошил волосы и уставился на Стейну.

— Видишь ли, моя прелесть, у меня такое ощущение, что я влип в очень неприятную историю...

— А раньше ты об этом не догадывался? — невинно поинтересовалась Стейна.

— Я о другом, — отмахнулся Конан. — Мне кажется очень странным, что в историю с похищением девицы впутано очень много народа. Сама посуди: не может быть, чтобы джавиды, шейх Джагул, пятитысячник, придворный маг эмира и, наконец, посланник из Тарантии были бы связаны меж собою по чистой случайности. Я всеми своими внутренностями чувствую: каждый из них, а теперь я и ты, втянуты в очень странную заваруху, цель которой мне неясна. Я уверен — есть некая цель, предмет, объединяющие проклятых подземных карликов, султанапурских вельмож, кофийцев и кочевников из пустыни. Только вот что это?

Стейна потянулась, зевнула и, прильнув к Конану, обняла его.

— Не забивай голову всякой ерундой, — проворковала она. — Я считаю, что ты просто устал и тебе все представляется в черном свете...

— Постой! — перебил Конан. — Когда Дагарнус придет сюда снова?

— Сегодня вечером, — пожала плечами Стейна. — Он предпочитает не ночевать дома.

— Ты можешь устроить мне встречу с ним? И потом, можно ли быть уверенным, что

кофиец не сдаст меня городской страже?

— Он? — усмехнулась Стейна. — Да он будет счастлив напакостить эмиру и его слугам. Туранцев он считает варварами и дикарями... Хорошо, ты сможешь сегодня поговорить с Дагарнусом. Только я не вижу в этом никакого смысла.

И Стейна, еще крепче обняв киммерийца, закрыла ему рот поцелуем.

* * *

Мирдани спала посреди обширной постели, свернувшись калачиком. Когда Конан, стараясь ступить как можно тише, вошел в комнату, на ее губах играла безмятежная улыбка ребенка, не знающего еще всей жестокости мира. Вдруг девушка резко вскинулась и тихо вскрикнув, испуганным голосом спросила:

— Кто здесь?

— Это я, — тихо отозвался Конан. — Выспалась?

— А ты все это время не сомкнул глаз, охраняя мой покой?

— Э-э... Почти...

— Когда ты уведешь меня из этого нечистого дома? — вдруг повысив голос почти до крика, требовательно спросила Мирдани.

— В городе сейчас нельзя и шагу ступить, не нарывавшись на патруль. Нам... Тебе придется несколько дней провести здесь, пока я не найду возможности выбраться из Султанапура.

Мирдани некоторое время недовольно молчала, а затем, снова подняв глаза на Конана, усевшегося на одну из низеньких табуреточек, обитую бархатом, спросила:

— Ты мне так и не рассказал, кто эта женщина?

Конан услышал в ее голосе знакомые нотки: почти таким же ревнивым тоном Стейна расспрашивала о Мирдани.

— Она моя старая знакомая из тех, кому я могу доверять.... Надеюсь, вы подружитесь.

— Я? С этой падшей женщиной? Никогда! — возмущенно воскликнула Мирдани, — Уж лучше я подружусь с рабыней, чем с...

— Ну и дура, — невозмутимо сказал Конан, — если бы не Стейна, ты сейчас не в этой постели нежилась, а в другой — искупая свою вину перед эмиром, его приятелями, солдатами и слугами, после чего тебя можно было пристроить сюда же, но не в качестве гостьи, а как новенькую девочку. Представляю... — фантазии киммерийца были прерваны звонкой пощечиной. Ошарашенный Конан увидел, как вскипевшая было от гнева Мирдани сперва едва не задохнулась от возмущения, а затем по ее щекам потекли слезы. Упав на кровать, она уткнулась лицом в подушку и тихонько заплакала.

“Кром! Ну зачем я с ней связался? — раздосадовано подумал киммериец. — Я верну ее братцу десять тысяч, и еще заплачу столько же, только пусть заберет эту размазню обратно! Как обманчива красота, Сет меня подери!”

Наплевав на оскорблённое достоинство дочери шейха и немного пожалев о том, что Стейна предоставила им только одну комнату — отдохнуть от взбалмошной девицы было попросту негде — киммериец устроился на полу возле кровати и немного поворочавшись,

уснул. Позади была утомительная ночь, и еще более утомительное утро. Засыпая, Конан с большим удовольствием подумал, как хорошо иметь верных друзей, которые появляются неожиданно, но всегда вовремя. А это, собственно, и есть настоящие друзья.

Когда уже смерклось его разбудил тихий женский голос. Подняв голову, варвар рассмотрел в полумраке комнаты одну из девушек Стейны.

— Господин, проснись! — раздался ее журчащий голос, — Тебя зовет хозяйка. Просит немедленно прийти к ней. Я провожу...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Конан окончательно проснулся. Если Стейна зовет так рано (по мнению киммерийца, сейчас было время заката), значит, она хочет сказать что-то важное. Уловив мрачный взгляд Мирдани, он только пожал плечами, посоветовал ей сидеть в комнате, никуда не выходить, и вообще вести себятише мыши.

— А когда ты придешь? — капризным голосом спросила Мирдани. Конан выругался про себя.

“Великие боги, она начинает считать меня своей собственностью! Когда приду... Да может, и никогда!”

Варвар молча развернулся и вышел вслед за девушкой в коридор, не забыв, однако, прихватить с собой оружие — пускай в этом доме ему бояться нечего, но... Всякое может случиться. А так, если встретится кто из посетителей, то в полумраке, может быть, примут за вышибалу...

Стейна сидела у себя. Когда Конан неслышно вошел в ее комнату, хозяйка “Врат Студовольстий” (так, оказывается, называлось это заведение) занималась столь же приятным, сколь и необходимым делом: сосредоточенно пересчитывала выручку за прошедшую ночь, и, надо сказать, немаленькую.

— А, явился! — сказала она, мельком глянув на Конана. — Вино на столике, угощайся. Я сейчас закончу.

— Нищая пожилая женщина пересчитывает последние медяки? — поддел ее киммериец. — Я надеюсь, что на кусок черствого хлеба и кувшин затхлой воды тебе хватит?

— Наверное, даже и на два, — парировала Стейна. — И не смей называть меня пожилой — я старше тебя всего лет на семь или восемь! Наконец-то все девочки сдали деньги и, сам понимаешь, мне надо привести дела в порядок. Девочки оставляют себе треть, еще третья идет на оплату найма дома, на продукты и вино...

— А еще одна третья часть? — поинтересовался Конан. — Тебе, конечно же?

— Я хочу обеспечить свою старость, — вздохнула Стейна. — Впрочем, речь сейчас не о том. Пока ты отсыпался в компании своей бешеной зуагирки, я ездила в город по делам...

— И что? Тебя обсчитали на базаре, нищая ты моя? Намного?

— Избавь меня от своих дурацких шуточек! — сдвинула брови Стейна. — Если бы не наша старая дружба, и не будь ты Конаном из Киммерии, то первое, что я сделала бы — натравила на тебя всю стражу города. Сегодня на площади перед дворцом эмира был объявлен указ солнцепека. За твою голову дают двадцать пять тысяч золотом!

— Так мало? — разочарованно протянул Конан. — Иногда давали и больше! Ну, а дальше что?

Стейна сгребла монеты со стола, пересыпала в небольшой стальной сундучок и немедленно заперла его, а малюсенький ключик спрятала у себя на груди. Конан подумал, возникни у кого желание найти ключ — искать придется очень долго.

— Дальше? — сказала Стейна, с притворной строгостью посмотрев на варвара. — Я не понимаю, как один человек может устроить такой невероятный переполох! Будет просто счастьем, если ты сможешь покинуть Султанапур через три дюжины дней. Раньше шум не уляжется. Твоего имени пока никто не знает, но приметы известны всем и каждому, а особенно военным и городской страже. Из города никто не выпускается без обыска и

осмотра, в порту целый гарнизон разместился, а в Нижнем Городе обыскиваются все постоянные дворы и... э-э... заведения вроде моего. Пятитысячник уверен, что ты прячешься где-то там.

— Ну и чудесно, — улыбнулся Конан. — В таком случае, я уверен, что никто не помешает нам провести вместе несколько незабываемых дней.

— Тебе бы все шутить! — нахмурилась Стейна. — Турлей-Хан и эмир настолько злы, что не успокоятся, пока не перевернут весь город. И потом, не забудь, что тебя последний раз видели недалеко от моего дома. Обыски могут перекинуться и на Верхний Город... Кстати, головы уже полетели — начальник стражи пятитысячника был казнен сегодня утром.

— Это Аль-Ахар-то? — переспросил Конан. — Ну и поделом ему. Если б он не пил столько вина и не разбалтывал незнакомым людям секреты своей службы, то прожил бы еще довольно долго. Что-то от всех начальников стражи, которых я встречаю в последнее время, счастье отворачивается...

Стейна плеснула себе вина из кувшина и, одним глотком опорожнив кубок, вззрилась на беззаботно улыбающегося северянина. Наконец, она произнесла:

— Я тебя позвала предупредить — сегодня вечером к нам приедет Радбуш. Он послал мне с нарочным записку — хочет повеселиться и отдохнуть в моем обществе. Очень прошу тебя, дорогуша — после полуночи даже не высовывайся.

— Я постараюсь, — кивнул головой Конан. — А ты уверена, что позвала меня лишь для того, чтобы сообщить эту потрясающую новость?

Он встал и, подойдя к Стейне, заключил ее в объятия. Едва их тела соприкоснулись, и киммериец ощутил жар губ своей спасительницы, как все его надежды рухнули. Стук в дверь раздался, как всегда, не вовремя.

— О, Великий Кром! — простонал Конан. — В конце концов, где я нахожусь — в доме утх или во дворце вонючего ханжи-министра, который не может отдохнуть от бесчисленных просителей? Стейна, я тебя умоляю, выгони их всех!

— Я на работе, —sarcastically усмехнулась хозяйка. — И не могу тратить время на...

Стук раздался снова и дверь чуть приоткрылась. За ней показалось лицо девушки, которая привела сюда Конана. Наверно, эта красавица — одна из наиболее приближенных к хозяйке. Стейна ей явно доверяла.

— Госпожа, пришел почтенный Дагарнус, — тихо сказала девица, ничуть не обращая внимания на Конана, словно его тут и не было. — Прикажете проводить его к вам?

— Зови, — кивнула хозяйка и повернулась к Конану. — Ты, кажется, хотел поговорить с ним? Вот случай и приведется. Только потом изволь убраться. Господином посланником занимаюсь я лично.

— Да пожалуйста, — махнул рукой киммериец и ухмыльнулся. — Работа есть работа, ведь верно?

— Ага, — подтвердила Стейна. — И, между прочим, я Дагарнусу заместо матери, сестры и жены, да достанется благоверная самому Нергалу на том свете!

Ожидать пришлось недолго. Не успел Конан снова наполнить чашу вином, как раздалось деликатное постукивание, дверь тихо приоткрылась и чуть хрипловатый голос произнес:

— Стейна, дорогая, можно к тебе?

Киммериец, наклонив голову набок, рассматривал вошедшего так, что посланник покраснел, от гнева или от смущения. Ростом кофиец был невысок и широк в плечах, а

небольшое брюшко и сеть морщин у глаз выдавали возраст – Конан решил, что Дагарнусу не меньше пятидесяти лет. Одежда темных тонов, пусть дорогая и искусно пошитая, еще больше усиливала впечатление, что посол далеко не молод, и жизнь провел отнюдь не легкую. У пояса висел тонкий, длинный меч – обычное оружие кофийских нобилей – и киммериец предположил, что хозяин наверняка недурно обучен с ним обращаться.

– Входи, входи, – Стейна расплылась в улыбке и указала Дагарнусу рукой на кресло, приглашая. – Извини, пожалуйста, за то, что я не одна. Я хочу тебя познакомить с моим старинным другом, Конаном из Киммерии.

– Из Киммерии? – подозрительно спросил Дагарнус, не представляя, как надо вести себя в обществе дикаря-варвара. Но тут Конан встал и вежливо кивнул головой.

– Я покинул родину много лет назад, – сказал он кофийцу, улыбаясь, – и за это время научился разговаривать с приличными людьми. Если вы думаете, что все выходцы из Киммерии одеты в звериные шкуры и не могут связать двух слов, то я – яркий пример того, что такое представление неверно.

– Что вы, я вовсе так не думаю, – слегка смущившись, сказал Дагарнус, оглядывая северянина. – Просто я не ожидал застать у Стейны еще кого-либо...

Посланник повернулся к хозяйке, которая уже встала и намеревалась выйти из комнаты, помня, что Конан хотел поговорить с кофийцем один на один.

– Стейна, мне подождать? Или ты пришлешь ко мне эту пышную красавицу Сайю?

– Нет, нет, – отозвалась хозяйка. – Я уйду совсем ненадолго – надо бы проверить, как управляются на кухне. А вы пока поговорите...

Стейна исчезла, как всегда, с легкостью бабочки.

– И давно вы с ней... мнэ-э... знакомы? – обратился к Конану Дагарнус и в голосе его звучала если не ревность, то обида. Киммериец, решив, что совсем не следует разочаровывать мэтра Дагарнуса в его утешительнице (и почти возлюбленной!), примирительно поднял руки со словами:

– Мы знаем друг друга уже лет десять, и, смею вас заверить, мы только друзья и... ну почти ничего больше. И потом, дорогой мой Дагарнус, нобиль из Кофа, я хотел бы задать вам пару вопросов.

Кофиец еще раз смерил Конана оценивающим взглядом, в котором сквозили холодок и недоверие, и процедил сквозь зубы:

– И что же вы хотите у меня узнать? Предупреждаю, я нахожусь на посольской службе короля Страбонуса, и не должен...

– Мне не нужны ваши тайны, – поморщился Конан. – Вот, посмотрите на эту вещицу.

Киммериец снял с пояса кинжал шейха Джагула и протянул Дагарнусу. Тот аж рот открыл от изумления, принял клинок в руки как величайшую драгоценность, а потом поднял глаза на варвара.

– Откуда это у вас?

– Это подарок шейха Джагула аль-Баргэми, умершего несколько дней назад.

– Умершего? – пораженно переспросил Дагарнус. – Почему?

– Почему? Насколько понял я, шейх умер от удара при известии, что его дочь похитили джавиды.

– Джави... – посланник временно потерял дар речи, когда услышал о вислоухих карликах, а потом неожиданно спросил: – Это шейх Джагул послал вас ко мне?

И тут Конан решил рискнуть. В любом случае, он ничего не терял, а приобрести мог

многое. По крайней мере, ухватить кончик нити, потянув за который, можно было бы распутать странный клубок из сплетенных воедино джавидов, пятитысячника, шейха зуагиров и прочих равахов.

— Да, — кивнул киммериец. — Меня послал к вам Джагул, сказав, что я получу от вас дальнейшие распоряжения.

— Шейх нашел его? — быстро спросил Дагарнус, глянув в синие глаза Конана, но тот не смущился и, продолжая блефовать, развел руками, не издав ни звука.

— Так значит, Джагул даже не смог вступить в переговоры с джавидами? — продолжал спрашивать кофиец. — И, конечно же, местонахождение кувшина так и не выяснено?

“Кувшина? — осенило Конана. — Так значит, и тебе нужен стигийский кувшинчик? Не в этой ли вещице первопричина всех событий, а? Как же я мог в этой суматохе позабыть о сосуде белого золота, ради которой джавиды напали на дворец шейха? Ну а ты, бесценный Дагарнус, сейчас у меня поплашешь!..”

— Вы говорите о кувшине, сделанном из переплетенных нитей белого золота? — спросил Конан, желая подтвердить свои подозрения. — Почтенный шейх Джагул, да упокоится его душа на Серых Равнинах, полностью доверял мне, и сказал перед смертью, что я могу обратиться к вам.

— Да, да, я говорю именно о нем! — нетерпеливо подтвердил Дагарнус. — Если Джагул доверял вам, то вы должны знать, что этот кинжал был подарен мною шейху, дабы он мог обронится от темной магии подземных карликов...

Мало-помалу, осторожно задавая наводящие вопросы, Конан вызнал почти все, что хотел, но легче от этого ему не стало. Киммериец понял, что предчувствия его не обманули, и он, можно сказать, обеими ногами вляпался в историю, затрагивающую интересы многих, причем судьба Мирдани особой роли, как выяснилось, в ней не играла. Поначалу Дагарнус мялся, явно не желая рассказывать северянину все, и не до конца доверяя ему, но когда Конан сказал, что знает настояще местонахождение кувшина и потребовал прояснить все детали этого дела, кофийский посланник выложил варвару все или почти все — киммериец видел, как запрыгали огоньки в глазах Дагарнуса при словах о том, что кувшин довольно скоро может оказаться в его руках.

— Послушайте, приятель, — прищурив глаза, кофиец метнул острый взгляд на Конана. — А вы случайно не тот человек, которого сейчас ищет весь Султанапур?

— Случайно тот, — подтвердил Конан и дальше начал врать напропалую. — Минувшей ночью я пытался выкрасть кувшин у его нынешнего владельца, и заодно освободил дочь Джагула, похищенную джавидами. Шейх Джагул заплатил мне за это и сказал, что вторую половину денег я смогу получить у вас. Но о золоте потом. Сейчас — рассказывайте или я попросту откажусь работать.

История, поведанная Дагарнусом, была очень странной. По его словам, маг из Алой Цитадели, Тсота-Ланти — при упоминании имени мага из Кофа Конан поморщился, будучи наслышан о нем с далеко не самой лучшей стороны — посоветовал его величеству, королю Страбонусу найти некую драгоценную вещь, с которой связана старинная и мрачная тайна народа джавидов. Посланник, используя самые вычурные выражения, поведал о том, что королевству Коф прямо-таки не дают житья злонравные соседи, вроде Шема и Аквилонии, только и мечтающие оттяпать у Страбонуса кусок территории. Ну и конечно же, королю совершенно необходимо иметь хоть какую-то защиту от наглых притязаний пограничных держав. Сосуд же может очень помочь великому магу Тсота-Ланти и королю оборонить

границы своего государства.

“Ну-ну, – подумал Конан. – Какая трогательная и печальная история! Несчастный Страбонус, которого обижают все, кому не лень, и, конечно же, его прихвостень-маг – этот спит и видит, как защитить своего несчастного монарха от гнусных посягательств... Так я ему и поверил! Если в кувшинчике находится нечто, способное принести пользу Тсота-Ланти, то тогда сосуд следует попросту выкинуть в море, откуда достать его будет трудновато даже ему. Не иначе, как этот стервец Страбонус замыслил устроить соседям жаркие денечки с помощью темной магии Сета. Посмотрим, что Дагарнус мне еще напоет!..”

Несколько лет подряд Дагарнус пытался найти подземных карликов, пока не выяснил, что часть малого народца обитает в старых подземельях раваха под оазисом аль-Баргэми. Сделав все для того, чтобы подружиться с шейхом Джагулом, посланник кофийского мага сумел убедить старика, что тому следует попытаться отыскать джавидов и, посулив им несметные богатства, выкупить кувшин. Кинжал был подарен Джагулу в надежде, что его сила защитит и шейха, и оазис, если карлики вздумают сделать что-либо дурное.

“Так, так, – думал Конан. – Из всего сказанного следует, что кувшин, сам по себе стоящий кучу денег, совершенно необходим этой твари Страбонусу, по которому, в случае его смерти, никто не будет плакать. Также он нужен джавидам – видимо, это древнее сокровище их народа – а на самом деле, кувшинчик находится в сокровищнице прыщавого пятитысячника, который, как я полагаю, и не подозревает, что вокруг вещицы, хранящейся в его казне, началась такая свистопляска.”

– А для чего Тсота-Ланти кувшин джавидов? – прямо спросил Конан. – Он что, может защитить кофийский трон от неведомого врага, способного погубить и мага, и Страбонуса? Что в кувшине-то?

– Не знаю, – помотал головой Дагарнус. – Но что-то там есть! Очень сильное. Оно сделает кофийского монарха непобедимым. Но, впрочем, это не важно. Когда вы сможете достать кувшин и у кого он сейчас? Как я понимаю, у Турлей-Хана, во дворце которого вы учинили такой погром?

– Может, и у него, – уклончиво ответил Конан. – Все вы узнаете только когда я получу свои деньги. Джагул нанимал меня, приказав узнать, где хранится вещь, а уж выкрасть ее... За это положена отдельная плата.

– Вы получите, сколько хотите! – скривился посланник. – Куда доставить деньги и сколько их должно быть?

– Пятьдесят тысяч туранских империалов, – невозмутимо сказал киммериец. – Они должны быть у Стейны как можно быстрее.

– Хорошо, – кивнул Дагарнус, и по виду посланника Конан с огорчением понял, что он мог заплатить и пятьсот тысяч, деньги для него не проблема. – А теперь нельзя ли сказать, за какую сумму вы согласитесь выкрасть сосуд? Только пожалуйста, в пределах разумного.

– Ну... – Конан пожевал губами. – Еще сто тысяч сверху.

– Идет, – мигом согласился кофиец, и киммериец опять подумал, что продешевил. – Когда?

– Как только уляжется паника в городе, – сказал варвар. – Сейчас мне на улицах, сами понимаете, появляться опасно. Дней через десять-пятнадцать я смогу взяться за это.

– Договорились, – коротко сказал Дагарнус, и Конан заметил на его лице облегчение, словно с посланника свалился тяжкий груз. – Сейчас я пойду домой и немедленно распоряжусь, чтобы первые пятьдесят тысяч доставили сюда. Сотню получите только когда

кувшин будет заперт в моем личном сундуке с королевской тайной почтой.

“Ну и ну, – изумлялся про себя Конан, наблюдая, как Дагарнус проворно исчезает за дверью. – Это что же должно быть в кувшине, чтобы посланник Кофа, не моргнув глазом, отвалил за него сто пятьдесят тысяч золотом? Невероятно!”

– Поговорили? – отвлек его от мыслей голосок незаметно вошедшей Стейны. – Никогда не видела, чтобы мэтр Дагарнус покидал мой дом с такой быстротой! Он что, принесет все деньги сюда?

– Откуда ты… – Конан изумленно воззрился на хозяйку, но она лишь сделала неопределенный жест рукой.

– Подслушивала.

* * *

Конан пересчитывал груду денег, принесенную двумя слугами Дагарнуса, а Стейна, жадно пожиравшая золото глазами, едва ли не пускала слюни от вожделения.

– И что ты собираешься делать с такой… – Стейна не смогла закончить фразу, так как задыхалась от волнения.

– Пока что оставлю тебе… на сохранение, – Конан закончил пересыпать монеты в один большой мешок из грубой кожи. – Если тебе будет не хватать на хлеб, можешь взять отсюда немножко, но не больше, скажем… тысяч десяти.

– Ты один из самых щедрых моих друзей! – хихикнула Стейна.

– А кто самый щедрый? – поинтересовался киммериец, и ответ нежданно пришел сам собой. Послышался приглушенный стук копыт, и с улицы донеслись неразборчивые голоса людей. Конан подумал о том, что строители дома очень правильно сделали, проведя в стенах множество слуховых отдушин – Стейна в своей комнате могла слышать все, что происходило в заведении и на улице у входа. А сейчас, надо полагать, пожаловал важный гость. Так и оказалось.

– Быстро исчезни! – приказала Стейна, догадавшись, кто именно прибыл. – Это Радбуш и его телохранители. Хвала Иштар, что своих громил он оставляет караулить вход. Иди к зуагирке и не смей даже носа высунуть! Радбуш человек хороший, но он еще более хороший маг, и если он встретит здесь обидчика, искупавшего его в фонтане, то от моих “Врат Студовольствий” может и камня на камне не остаться.

Конан, четко запомнивший, как пройти к комнате, где находилась Мирдани, выскользнул из кабинета хозяйки, а та, мигом оказавшись возле зеркала, раскрыла шкатулку с благовониями и красками для лица, и со сноровистостью опытной гурии принялась приводить себя в порядок.

Мирдани встретила Конана колючим взглядом исподлобья и обиженно спросила:

– Ну что, тебе было хорошо с этой жирной тварью?

– Я думаю, лучше, чем тебе с Турлей-Ханом, – огрызнулся киммериец, бесцеремонно заваливаясь на кровать рядом с Мирдани, которая шарахнулась от него, как от ядовитой змеи, и, забившись в угол, прошипела:

– Только пальцем меня тронь, дикарь!

Конан угрюмо посмотрел на нее, оскалил свои ровные белые зубы, прорычав:

– Я тощих не ем!

Равнодушно отвернувшись, он накрылся с головой одеялом и сделал вид, будто хочет заснуть. Мирдани, еще немного посидев в уголке, наконец, успокоилась, осмелела, с опаской поглядывая на Конана и, видя, что тот не пытается даже пошевелиться, стала осторожно ходить по комнате, скрестив руки на груди. Так прошло довольно много, по мнению киммерийца, времени, и он начал проваливаться в сон.

Конан уже преодолел тонкую грань между сном и явью, но не успел еще крепко заснуть, как в комнату вломилась разъяренная Стейна и тряхнула его за плечо. Варвар мигом вскочил, озираясь, но увидев Стейну, расплылся в улыбке, не обращая внимания на Мирдани, опалявшую ненавидящим взглядом хозяйку “Врат”.

– Что, уже? Так быстро? – поинтересовался Конан. – А я думал, что Радбуш – сильный мужчина...

– Заткнись, животное! – рявкнула Стейна. – Этот колдун что-то пронюхал. Видел бы ты его!..

Стейна перевела дух и рассказала следующее. Как только Радбуш вошел в ее комнату, он стал как-то странно крутить головой, точно охотничья собака, почувствовавшая запах зверя. Потом, очевидно, решив, что померещилось или будучи не в силах распознать нечто, насторожившее его, он сел рядом со Стейной, обнял, стал говорить ласковые слова. Все шло как обычно, только Радбуш был словно слегка пьян – путался, замолкал иногда, уставившись в стену, будто тщась поймать неясную мысль, отвечал невпопад... И вдруг с криком: “Вот оно что!” вскочил, и, напрочь забыв про Стейну, почти бегом покинул комнату. Стейна побежала за ним, но Радбуш уже успел выскочить на улицу, почему-то оставив часть телохранителей у входа, которые не выпустили Стейну, не смотря на ее увещевания и проклятия.

– Он что-то почувствовал, но только что? – недоумевала Стейна.

– А Сет его знает, мага проклятого! Надо, пожалуй, приготовиться к драке. Мирдани, подойди сюда! Да не бойся ты, дуреха!

Девушка подошла к нему, глядя исподлобья, точно дикий зверек – настороженно и опасливо. Конан отстегнул от пояса ножны с магическим кинжалом и протянул его Мирдани.

– Держи. Это тебе на всякий случай. Стейна, переодень ее, как свою девочку, так будет безопаснее.

Мирдани замахала руками, не в силах даже слова сказать от негодования, но Стейна молча открыла небольшой сундучок, стоявший у стены, покопавшись в нем, вынула яркие шальвары и коротенькую рубашку, едва доходившую до пупка, и сунула все это дочери шейха.

– Переодевайся!

– Не буду! – Мирдани топнула ногой и попыталась вырвать из рук Стейны ненавистное одеяние, но тут хозяйка отвесила ей такую пощечину, от которой девушка повалилась навзничь и неожиданно расплакалась.

– Не реви и одевайся, – приказала Стейна, но уже немного мягче – в женском сердце затеплилась жалость к запуганной, измученной страхом и лишениями девушке.

Дверь без стука распахнулась, и бледная служанка дрожащим голосом доложила:

– К нам ворвались гвардейцы! Они все переворачивают, обыскивают каждую комнату, выволакивают посетителей в коридор!.. Ужас, что творится!

– Стейна, сделай так, чтобы Мирдани исчезла! – сказал Конан, и хозяйка, рывком подняв

девушку на ноги, увлекла ее за собой из комнаты.

– Удачи тебе! – шепнула она напоследок, а Мирдани только виновато посмотрела на варвара.

Шум в доме нарастил. Слышался женский визг, возмущенные голоса посетителей, короткие приказы десятников, треск ломаемой мебели и звон битого стекла.

– Ну, что, будем прорываться! – сказал сам себе Конан и обнажил меч. Выскочив в коридор, он увидел в противоположном его конце нескольких военных в форме имперской гвардии, которые его тут же заметили и с криками кинулись к северянину.

– Сюда, ребятки! Я тут! – крикнул Конан, добавив к этим словам несколько крепких киммерийских фраз, касавшихся мужских достоинств и происхождения нападавших.

Громко лязгнули клинки, и Конан, легко парировав несколько направленных ему в грудь и голову ударов, схватил одного воина за шиворот и, используя его в качестве щита, начал продвигаться вперед в большой зал, который следовал сразу за входом в дом. Это ему удалось, а труп гвардейца, убитого своими же товарищами, пришлось швырнуть под ноги очередным желающим получить двадцать пять тысяч золотых.

В зале было столько военных и городских стражников, что Конан понял – настолько легко, как из дворца Турлей-Хана, из “Врат Стального Дворца” ему выбраться не удастся.

– Ну, кто тут самый жадный?! – отчаянно заорал киммериец и, вскинув клинок, начал со свистом вращать его над головой.

– Взять его! Живым! – крикнул кто-то из десятников.

– Или мертвым! – подхватил еще один офицер, у которого жажда золота пересилила осторожность, и он, обнажив саблю, со зверским оскалом кинулся на Конана, за что немедля поплатился: сабля с отрубленной кистью отлетела в угол, а турецкий воин завыл от жуткой боли и упал, зажимая левой рукой обрубок, из которого хлестала ярко-алая струя крови.

“Ну, вот, ковры Стейне я все-таки испачкал, – огорченно подумал Конан, одновременно отбивая обрушившиеся на него со всех сторон удары. – Надеюсь, она купит себе новых за деньги, которые получены от Дагарнуса...”

Вокруг него валялось уже с десяток трупов, как вдруг раздался громкий и отчетливый приказ, пришедший из-за спин осаждавших киммерийца гвардейцев. Голос показался Конану знакомым.

– Всем стоять и не двигаться! Назад, я сказал! Дайте мне пройти!

Конан увидел, как не успевших вовремя расступиться гвардейцев расталкивает в разные стороны какая-то невидимая сила, исходящая от темной фигуры Радбуша, идущего в центре бешено вращающегося вокруг него вихря холодно голубоватого пламени.

– Надеюсь, ты не простудился после купания? – невозмутимо осведомился Конан. Радбуш молча приближался и, остановившись в нескольких шагах, произнес глухим твердым голосом:

– Не прошло и суток, друг любезный, а я тебя уже нашел!

Резким движением ладони Радбуш разрубил огненный вихрь и, оттолкнув его, направил на Конана. Светящийся кокон развернулся, точно полотнище, и, достигнув Конана, свернулся, плотно заключив в себе киммерийца. Конан попытался поднять меч, желая хоть как-то отразить удар мага, но почувствовал, что рука перестала слушаться его, сама собой плотно прижалась к телу, а меч, выскользнув из ладони, со стуком упал на пол. Северянин не мог даже пошевелиться, однако, видел, слышал и понимал происходящее по-прежнему.

“Вот теперь-то я точно влип, – признался себе Конан. – Да так, что не придумаю, как

выпутаться..."

— А знаешь, что тебя выдало? — прозвучал насмешливый голос Радбуша. — Та самая магическая игрушка, которую ты таскал с собой. Кстати, не подскажешь ли, где она? Мне было бы любопытно взглянуть на вещь, которая смогла противостоять моей магии прошлой ночью... Впрочем, я могу найти ее и сам.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СОКРОВИЩЕ ДЖАВИДОВ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Эй, ты! Долго будешь в потолок смотреть? Запомни, у меня с тобой разговор короткий будет — получишь двадцать плетей и останешься без вечерней похлебки, — голос старшего надсмотрщика Мораддина звучал, как всегда, спокойно и глохо, но это делало угрозу более весомой, нежели грубые окрики его подчиненных, сопровождаемые пинками и зуботычками.

— Я устал и хочу пить, — угрюмо сказал Конан, но, перехватив колючий взгляд серо-стальных глаз, почувствовал себя несколько неуютно — как будто холодок пробежал внутри. Страха перед Мораддином Конан не испытывал, но на память невольно пришли боязливые разговоры узников между собой по ночам, когда их всех сгоняли в большую, пропахшую потом и нечистотами пещеру.

Конан знал, что сам Мораддин никогда не ударил ни одного узника, никто не видел его в ярости или кричащим, но боялись его на медных рудниках Кезанкии все. Внешний вид начальника стражи, казалось, не должен был внушать никакого страха или почтения — роста ниже среднего, коренастый, с округлым бледным лицом и близоруко прищуренными глазами. Доверие внушал и мягко очерченный подбородок, обрамленный жиденькой бородкой. Благоприятное впечатление на людей, не знающих Мораддина близко, производили его манеры — никаких резких движений, тихая вежливость, спокойная речь, а также совершенно нехарактерные для бывшего военного, а подходящие скорее всего провинциальному чиновнику гладко зачесанные назад темные волосы с двумя залысинами. Но, несмотря на все это, не каждый отваживался заговорить с ним первым, а уж о том, чтобы косо посмотреть или сказать что-то скверное о «господине старшем надсмотрщике» даже за глаза, никто и подумать не смел. Поговаривали, будто тихоня Мораддин отличался удивительной по своей изощренности жестокостью (которая, правда, выплескивалась из него крайне редко), но тогда искренней жалости достоин был тот несчастный, на чью изливалась глубоко скрытая, но не знающая пределов ярость.

До того, как попасть на одну из самых ответственных должностей в далеких от столицы, и потому почти не контролируемых властями рудниках, Мораддин служил в тайной гвардии царя Илдиза, называемой между собой знавшими об ее существовании людьми “Хэрд”, что в переводе с одного из туранских наречий было названием местного насекомого, которое, отличаясь неуемной прожорливостью и всеядностью, уничтожало все, попадавшееся на его пути: будь то дерево, постройка, раненное или больное животное, а зачастую просто падаль. Вдобавок ко всему, хэрды были исключительно ядовиты, их укусы являлись безусловно смертельны для человека, и самое прочное здание, изъеденное ими, обречено было в скором времени рухнуть и превратиться в труху.

Прослужив там около пятнадцати лет, Мораддин смог получить солидную должность, но внезапно, при каких-то загадочно-зловещих обстоятельствах, был разжалован и отправлен на рудники в качестве старшего надсмотрщика. О странном происшествии, послужившем причиной отставки, ходило множество слухов, одни других мрачнее, но подлинные события так и остались неизвестны никому, кроме непосредственных участников. Один из них поплатился жизнью: его жуткий, обезображеный до неузнаваемости труп(точнее, останки, в которых сохранилось мало чего человеческого), был найден в одном из подземелий дворца царя Илдиза. Высказывались робкие догадки, что несчастный погиб от рук Мораддина — тем

более нашлись свидетели их неоднократных ссор, а следы увечий, от которых наступила смерть истязаемого, очень походили на изощренные кхитайские наказания, о которых Мораддин любил рассказывать во время редких и внезапных приступов разговорчивости...

— Ты разве не слышишь меня? — все тем же ровным, бесстрастным голосом спросил Мораддин.

— Почему же нет, слышу, только вот... не хочется мне слушать это, — подражая ему, ответил Конан. Некоторые из работавших неподалеку кандалников опустили свои кирки и, не смея посмотреть в сторону Конана и Мораддина, осторожно прислушались. Кто-то еле слышно прошептал:

— Жить надоело... недоумку!

На памяти немногих каторжников, проведших на рудниках несколько лет (как правило, дольше десяти-двенадцати в медных копях никто не выдерживал) были некоторые строптивцы, осмелившиеся поспорить с Мораддином. Особенно долго помнили одного, тоже, кстати, северянина, по прозвищу Серый Пес, позволившего себе однажды ослушаться приказа Мораддина и сказать ему дерзость. Тогда главный надсмотрщик просто молча развернулся и ушел, но наутро Серый Пес не вышел в забой, а днем один из узников наткнулся на его труп: несчастный был задушен цепью собственных ножных кандалов, а из сломанной шеи, сзади, торчали острые обломки позвонков. И вот теперь новый безумец претендовал на подобную участь...

— А ну-ка встать! — тихо приказал Мораддин.

— Не хочу, — коротко ответил Конан.

— Я настаиваю, — почти ласково проговорил турец; такая интонация была характерна для опытных и честных свое благородное ремесло палачей.

— Наплевать!

— Мне кажется, что ты излишне много говоришь, — вздохнул Мораддин. — Придется тебя наказать, — он даже чуть развел руками, словно сожалея о столь жестоком, но, увы, необходимом и справедливом решении.

Теперь уже все кандалники, слышавшие их разговор, оставили свои занятия, с легким ужасом наблюдая за Конаном, точно за помешанным, собиравшимся выйти в окно вместо двери в полной уверенности, что поступает правильно.

Конан и сам чувствовал, что совершенно не следует пререкаться с этим человеком, но ничего не мог поделать со своей вечной привычкой поддразнивать судьбу. Ну что стоило киммерийцу просто встать и продолжить лениво помахивать иззубренной киркой, делая вид, что честно трудится на благо царя Илдиза?.. Только теперь уже поздно было становиться послушным рабом.

Мораддин спокойно нагнулся и, взявшись правой рукой за цепь, соединяющую наручные кандалы варвара, коротким резким движением рванул вверх. Конан ответил таким же движением, но направленным вниз, и заодно попытался оттолкнуть туранца. Не удалось. Запоздалое сожаление о содеянной глупости пришло к Конану в момент, когда он ударился всей своей тяжестью о неровную стену штольни, противоположную той, у которой сидел. Каторжники стояли, открыв рты, не понимая, как невысокий и кажущийся не особо сильным человечек сумел отшвырнуть эдакого здоровяка, который был тяжелее Мораддина, по меньшей мере, в два раза, и выше на три головы. Ударившись о камень, Конан сильно прикусил язык, и из уголка его рта вытекла тонкая струйка крови. Оттерев ее ладонью, он зверем посмотрел на Мораддина, стоявшего неподалеку, скрестив на груди руки и

смотревшего на киммерийца с почти отцовской жалостью.

— Встретился бы ты мне, дохляк, в поле да с мечом, уж я бы поразвлекся... — прохрипел Конан, превозмогая боль в ушибленной спине.

— Я думаю, и тогда бы ты не добился успеха, юноша, — безразлично произнес Мораддин. — Иди работай.

С этими словами надсмотрщик развернулся и неторопливо пошел прочь, оставив киммерийца беситься в глухой ярости. Едва фигура туранца скрылась в темноте коридора, по штолибе пронесся единственный вздох облегчения, а некоторые старожилы подземелья посмотрели на Конана так, будто он уже был трупом.

* * *

...На медных рудниках в Кезанкийских горах Конан находился почти десять дней, хотя ему казалось, что это время растянулось на год, если не больше. Предшествовали водворению в копи несколько суток, проведенных в подземельях дворца придворного мага — Радбуш, изловив наконец Конана, не пожелал отдавать его пятитысячнику или эмиру, которые тут же снесли бы киммерийцу голову, а предпочел сам дознаться до причин подвигших северянина на безумную авантюру с нападением на дворец Турлей-Хана и похищением новой наложницы. И, безусловно, Радбуш жаждал вызнать у необычного пленника, отчего магический огненный шар сотворенный магом не попал в цель. Конан, быстро уяснив, что откровенная ложь будет немедленно разоблачена, сказал допрашивавшему его чародею правду, по возможности стараясь не говорить лишнего. По словам киммерийца выходило, будто он лишь выполнял просьбу шейха Джагула аль-Баргэми и ничего более. О том, что кинжал обладает волшебными свойствами, он и знать не знал, и вообще во все эти штучки он не верит, а работал исключительно ради денег... Одним словом, Конан довольно успешно разыграл из себя туповатого наемника, однако, обмануть проницательного и дотошного султанапурского мага до конца не удалось, что было даже и хорошо — любопытство, голодавшее Радбуша, сохранило киммерийцу голову. Решив, что в непонятной истории следует подольше покопаться (ощущение, будто Конан что-то не договаривает, не оставляло Радбуша), маг отправил варвара на рудники. И в столице глаза мозолить не будет, и не исчезнет, точно ветер в поле — маг предполагал, что для северного молодца преград не существует, и он способен сбежать откуда угодно. Но ведь рудники прекрасно охраняются, а преодолеть расстояние от копей до ближайшего оазиса без еды и питья — дело невозможное даже для киммерийца.

Конан не представлял себе, что случилось с Мирдани, какова судьба денег, оставшихся у Стейны, и с некоторым сожалением вспоминал свое соглашение с Дагарнусом, который теперь, наверняка, будет искать нового сорвиголову, согласного добыть вожделенный кувшин. О стигийской драгоценности, кстати, киммериец даже не упоминал в разговорах с Радбушем. Последний смотрел на Конана больше с удивлением, чем с неприязнью, а то, что варвар говорил правду, не пытаясь вилять, наверняка убедило Радбуша в его полезности в дальнейшем. Ну, а пока пускай на рудниках посидит да подумает...

Конан и вправду думал, но совсем не о том, о чем хотелось Радбушу. Все мысли

киммерийца сосредоточились на побеге. От своих товарищих по несчастью варвар знал, что все известные им попытки покинуть копи оканчивались, как правило, одинаково: сбежавшего ловили и казнили. Или труп его находили в пустыне некоторое время спустя. Естественно, Конан старался придумать что-нибудь поудачнее, нежели подкуп или убийство стражи или поиск заброшенного штреека, ведущего на волю. А чаще всего делалось следующее: каторжники притворялись мертвыми и выбрасывались в специальную шахту, где, как почему-то верили все, находился проход наружу. Все эти способы были заранее обречены на провал. Наиболее выгодным Конану казалось подготовить запас еды и питья на несколько дней, ночью пробраться к одному из старых коридоров, где, как варвар уже успел проведать, был заваленный выход, устраниТЬ стражу и оказаться на воле, а там уж – как повезет. Кое-что у киммерийца уже было готово – он припрятал свою миску, сказав, что она разбилась, и, получив вторую, склеил обе хлебом, размоченным в похлебке, выдолбил отверстие на стыке, и слепил, опять же из хлеба, локона собственных волос, а также кусочка ткани затычку. Получилось некое подобие фляги, куда поместился бы запас воды на пару дней. Кроме того, у Конана было припрятано несколько хлебных корок да пара луковиц. Что делать с кандалами, варвар пока не придумал, но, как обычно, рассчитывал на случай, который всегда приходит на помощь в безвыходных ситуациях. Несколько раз киммериец пытался разогнуть толстые кольца цепей, но, то ли силы у него поубавились от тяжелой работы да скучной пищи, то ли кузнец знал свое дело и постарался на славу.

Но, несмотря на то, что план побега был трудно осуществим, Конан не терял надежды и вел себя так, будто в каторжных копях оказался случайно и долго задерживаться не собирается. Многие узники тоже считали, что дни его на каторге сочтены, но совсем по другой причине. Все знали, что Мораддин никогда ничего не забывает.

* * *

Глухой звук гонга, возвещавшего об окончании бесконечного рабочего дня, разнесся по лабиринту подземных ходов, источивших гору. Засвистели бичи надсмотрщиков, прекратились продолжавшиеся, казалось, целую вечность удары железа о камень. Серая безликая масса узников потянулась в коридор, ведущий в широкий зал, где они ели и спали. Там стояли несколько грязных котлов, от которых пахло каким-то прокисшим варевом, да две бочки с несвежей водой.

Конан встал в колонну, выстроившуюся к котлам. Стоявшие вдоль нее стражники, похлопывая бичами, следили, чтобы никто не лез первым, не устраивал давку и не схватил больше, чем положено.

Едва киммериец протянул плошку, которую ему одолжил уже проглотивший свой жалкий ужин каторжник, раздатчику, который был таким же рабом, но добился своей легкой работы всем известным, но презираемым способом. Вдруг Конана окликнули. Северянин обернулся и увидел Мораддина, стоявшего неподалеку и глядевшего на него в упор своими ничего не выражавшими серыми глазами.

– Пошли, – коротко приказал он.

– Готов... – сказал кто-то шепотом за спиной киммерийца, но Конан и ухом не повел, а

лишь глянул исподлобья на Мораддина и буркнул:

— Я еще не поел.

— Не беспокойся, я тебя... накормлю, — невозмутимо ответил старший надсмотрщик. — Оставь свою миску иди за мной.

Мораддин развернулся и медленно пошел к выходу из пещеры, в сторону, где находилось помещение для стражи. Надсмотрщики также жили на рудниках, разве что с большими удобствами. Конан пожал плечами, вернул миску и пошел вслед за Мораддином. В какой-то момент у варвара возникло желание прихлопнуть главного стража, точно мууху, но следом топали двое охранников, и Конан послушно шел туда, куда его вели. В самом дальнем конце коридора Мораддин открыл неприметную дверцу, вошел в помещение и, пропустив Конана, знаком велел страже удалиться. Окинув беглым взглядом небольшую комнату, Конан первым делом увидел недурно накрытый стол, затем оглядел стены, где на потертых коврах висело самое разнообразное оружие, да в таком количестве, что его запросто хватило бы, для вооружения всех узников на рудниках. А они, дурачки, горбатятся и не знают таком богатстве!..

Вдруг прямо в лицо киммерийцу метнулось со птичьим свистом что-то белое, маленькое и крылатое. Звякнув кандалами, Конан отпрянул и отмахнулся рукой, коснувшись горячего мохнатого тельца. Непонятное существо шарахнулось, заверещало и, облетев северянина, вцепилось в плечо Мораддина. Тот поднял руку и прикрыл ей животное.

— Садись, ешь, — сказал он северянину, но тот продолжал подозрительно смотреть на высывающиеся из-под ладони Мораддина розовые перепончатые крылья. Таких тварей он еще никогда не видел, и решил было, что здесь попахивает магией. Заметив взгляд Конана, Мораддин усмехнулся и тихо произнес:

— Это всего-навсего летучая мышь. Я думал, что ты уже привык к ним и не боишься.

— А чего она белая? — угрюмо спросил Конан. — Они всегда черные... Или коричневые...

— Уродилась такая, — пожал плечами Мораддин, показывая, что не намерен больше говорить на эту тему. Между тем странный зверек выбрался из-под своего укрытия и уселся на плече хозяина, уставившись на незнакомца малюсенькими красными глазками. Конан, не заставив Мораддина повторять дважды, сел за стол, громыхнув кандалами, и, более не обращая внимание на него, с наслаждением принялся за еду.

Старший надсмотрщик неторопливо ходил по комнате, поглаживая летучую мышь-альбиноса, и с усмешкой поглядывал на уплетавшего за обе щеки варвара запеченное баранье жаркое с рисом. Когда еда кончилась, Конан, рыгнув, сказал:

— Запить бы...

Мораддин молча поставил на стол кувшин с вином и три кружки. Наполнив две из них, он подвинул одну Конану, а другую взял сам.

— Кому третья? — поинтересовался киммериец, со стуком поставив на стол пустую кружку. Он не понимал, зачем его привели сюда, накормили, напоили... Может быть, перед смертью? Принято у них так, что ли?..

— Ему вот, — мрачно пошутил Мораддин, кивнув головой на белого зверька. — Увиديшь...

— Мне спать пора — завтра работать, — сказал Конан.

— Ну, работать ты, может, и не будешь, — многозначительно произнес Мораддин, — а выспаться еще успеешь.

“Ну, точно, никак в последний раз покушать пришло... Интересно, он мне тоже шею сломает? Надорвется!..” — Конан осторожно поглядел по сторонам, ища возможные пути к

бегству и подходящее оружие, которое можно было быстро схватить со стены.

Внезапно летучая мышь сорвалась с плеча Мораддина, покружила по комнате, причем Конан пару раз инстинктивно пригнул голову, когда она пролетала над ним, и прицепилась, повиснув вниз головой и закрывшись крыльями, на гарде меча внушительного размера, прикрепленного над выложенным камнем очагом. “Молодец, мышка! Именно этим я и воспользуюсь, если что...” – усмехнулся про себя Конан.

Некоторое время в комнате царило молчание. Мораддин, неслышно ступая по ковру, ходил из угла в угол, заложив руки за спину, а Конан, не теряя попусту времени, наливал себе кружку за кружкой. Наконец, Мораддин заговорил первым:

– Дагарнус передает тебе свое почтение.

Конан медленно опустил поднесенную к губам кружку и, кашлянув, проговорил:

– А кто это?

– Сто тысяч, которые тебе обещаны, ждут, – Мораддин остановился, и, прищурившись, пристально поглядел на киммерийца. Тот сидел, отстранено уставившись в кружку с вином, мучительно соображая, что теперь делать и как отвечать. А старший надсмотрщик продолжал.

– Ты покинешь копи сегодня. Я знаю, что ты сможешь пройти по подземным ходам той твари, которую у нас называют...

– Равахом, – кивнул головой Конан. – Видел уж...

– Значит, все-таки видел?.. – в голосе Мораддина послышалось торжество. – Ну, что ж, теперь можно поговорить начистоту.

Вдруг из-под пола, прямо под ногами Конана, послышалось легкое поскребывание, а затем троекратный стук.

– А вот, собственно, и тот, для кого предназначена третья кружка, – сказал Мораддин. – Привстань-ка!

Конан встал, лязгнув кандалами, и, отодвинув табурет, стал с интересом наблюдать за каменной плитой на полу, которая медленно приподнялась и отодвинулась в сторону. Из темноты показалась подозрительно знакомая низенькая фигурка, закутанная в темно-серый плащ, капюшон которого закрывал лицо пришлеца. Впрочем, Конан догадался уже, как могла выглядеть физиономия карлика.

– Джавид! – Конан сказал это так, словно увидел невероятно противное насекомое.

Карлик откинулся на киммерийца маленькими темными глазками, пылавшими жгучей злобой. Он долго смотрел на него, а затем возмущенно прошамкал:

– А, это ты, человечье отродье! Убийца!

– Кажется, я свел вас не для того, чтобы вы начали грызню, едва встретившись, – тихо сказал Мораддин, посматривая то на Конана, непроизвольно шарившего по поясу, в поисках оружия, то на джавида, дрожавшего от справедливого гнева.

Конан со стуком отодвинул стул подальше от стола и сел на него, всем своим видом показывая, что и гость, и хозяин ему глубоко противны, и он сидит тут лишь потому, что некуда уйти.

– Садитесь, почтенный Ниорг, – Мораддин даже слегка поклонился, протягивая руку карлику и помогая ему взобраться на высокий стул у очага.

– Может, объяснишь, наконец, какого Нергала я тут прохлаждаюсь? – угрюмо проворчал Конан.

– Объясню, отчего же нет, – спокойно ответил Мораддин. – Ведь твое имя – Конан из

Киммерии, не так ли?

— Ну...

— Я думаю, что мое ты знаешь, а нашего гостя тебе, судя по всему, представлять не обязательно. Вы, я вижу, успели познакомиться раньше.

Мораддин закончил расхаживать по комнате, и, присев на табурет рядом с Конаном, вынул из-за пояса ключ и начал размыкать замки кандалов на руках киммерийца.

— Давно бы так... — проговорил тот, глядя на покрытые ссадинами и синяками запястья. — Ну, а дальше-то что?

Мораддин нагнулся и, царапнув ключом по тяжелым колодкам на ногах киммерийца, снял оковы и отпихнул их носком сапога.

— Дальше? — буркнул он. — Дальше ты пойдешь с ним.

Старший надзиратель кивнул на сидевшего поодаль Ниорга. Джавид посматривал на Конана со злобой, но молчал, сжимая в мохнатых руках кружку с вином.

— Может, ты все-таки объяснишь... — начал было киммериец, но наткнулся на ледяной взгляд Мораддина. Тот встал, мягкой походкой направился к стене, некоторое время стоял, рассматривая свой внушительный арсенал и, наконец, выбрав длинный прямой меч в простых кожаных ножнах с бронзовыми накладками, снял его и подал Конану.

— По-моему, ты мог бы и сам догадаться, в чем причина твоего освобождения, — пробурчал Мораддин. — Посланнику Кофа это обошлось очень недешево...

“Везде одно и то же, — почему-то с привычным разочарованием подумал Конан. — Если я когда-нибудь увижу честного тюремщика, то, клянусь Кромом, это случится очень нескоро. А, скорее всего, вообще никогда...”

— Ниорг — мой друг, — продолжил Мораддин. — Он выведет тебя к обитаемым землям, а именно — к оазису, который располагается неподалеку. Вы пройдете по пустым подземельям раваха, и путь будет не очень долг... А я вас немного провожу.

— А никто не пронюхает, что я... — Конан пошевелил двумя пальцами, изображая идущего человека, и присвистнул.

— Да нет, — пожал плечами Мораддин. — Все подумают, что ты сейчас кормишь крыс в старом отвале. Уж больно крепко мы с тобой поссорились сегодня. И потом, все прекрасно знают, что перебежавший дорогу бывшему капитану тайной гвардии Аграпура... — надсмотрщик сделал и дураку понятный жест, ткнув большим пальцем в пол пещеры. — Твоего исчезновения никто не заметит. А заметят — промолчат, поскольку не привыкли много говорить.

Мораддин повернулся к Ниоргу, вопросительно посмотрев на него, и старый джавид, неразборчиво бурча себе под нос, сполз с высоковатого для него табурета, не без натуги сдвинул каменную плиту, закрывавшую проход в подземелье, и скрылся под полом. Мораддин подтолкнул Конана в спину, и киммериец, не раздумывая, нырнул в узкую темную дыру, стараясь не соскользнуть по наклонному ходу. Старший надсмотрщик двинулся за ними, предварительно прикрыв люк и оставив в нем лишь небольшую щелку, в которую просачивался неровный свет факелов.

В руках у Ниорга неведомо откуда оказался небольшой светильник. Приглядевшись, Конан различил, что это была хрустальная сфера с пылающим в ней маленьким, но очень ярким огоньком. Судя по тому, что Ниорг держал его прямо в ладони, пламя было холодным.

“Оказывается, они своей магией не только чудовищ создают, но и всякие другие штуковины... полезные...”

В ярком, режущем глаза при прямом взгляде на источник, свете киммериец увидел широкий проход со знакомыми, характерно округлыми, блестящими стенами, постепенно опускавшийся вглубь земли и в отдалении забирающий вправо. Тоннель один к одному походил на норы, оставленные гигантскими червями под оазисом аль-Баргэми – Конан подумал, что некогда огромные равахи обитали под пустыней и Кезанкийскими горами в великом множестве. Жутковатое было времечко, надо заметить!.. Впрочем, от проложенных каторжниками на рудниках штолен тоннель не слишком отличался, разве что был шире, а стены поражали своей гладкостью.

Ниорг шел быстро и державшийся чуть позади Конан с любопытством рассматривал его низенькую коренастую фигурку и вислоухую голову, с которой был откинут капюшон. Без сомнения, джавиды состояли в близком родстве с гномами, но встречавшийся с подгорными карликами киммериец счел, что настоящие гномы пришли бы в ярость при любом упоминании о родстве с этими мохнатыми и уродцами. За плечом Конана слышалось чуть учащенное дыхание Мораддина, замыкавшего небольшой отряд, все глубже уходивший в мрак подгорных лабиринтов. Киммериец собрался было обратиться к Мораддину с вопросом, но, обернувшись и наткнувшись на ледяной взгляд старшего надсмотрщика и колючие красные глазки ощерившей пасть белой летучей мышки, выглядывавшей из капюшона Мораддина, счел за лучшее не вступать с ним в разговор. Однако, любопытство было сильнее, и Конан, тронув джавида за плечо, чуть слышно спросил:

– Ниорг, а джавиды... м-м-м... вы... кто?

– Ты действительно хочешь это знать, человек? – спросил Ниорг, не поворачивая головы, и его последнее слово прозвучало так, будто было оскорблением.

– Расскажи, Ниорг. Ему это будет полезно, – сказал Мораддин с легкой ехидцей в голосе.

Ниорг некоторое время покашливал, пыхтел, шлепал губами, видимо, собираясь с духом и думая, с чего лучше начать. Конан с интересом наблюдал за ним, и когда джавид, наконец, заговорил, увлекшийся необычной и эмоциональной мимикой нелюдя северянин поначалу даже не понял смысла его слов.

– Трудно мне начать эту печальную повесть... Но веришь ты или нет, варвар, облик наш, что так омерзителен тебе, да, впрочем, и мне тоже, есть кара роду моему за жадность и тщеславие...

Ниорг помолчал и, тяжело вздохнув, продолжил:

– Родился я гномом; отец мой был старейшиной весьма многочисленного и очень древнего рода. Безмерно было богатство наше; с малых лет своих я ни в чем не имел нужды, и все прихоти мои беспрекословно выполнялись. По этой ли причине или какой другой, но чем богаче становился род, тем сильнее хотелось мне, чтобы все сокровища принадлежали только мне одному. Но не меня одного мучила жажда золота. Стала она причиной бедствий рода нашего и смерти отца моего, Нирафа.

Так это было: извечный враг народа нашего Тергунт – великий маг, падший затем по злобе и гордыне своей – решил покончить с отцом моим и ему это удалось. В сокровищнице Тергунта находилась великая драгоценность рода гномов... – Конан увидел, как при этих словах глаза Ниорга вспыхнули, но тут же потухли, а голос его неожиданно громко разнесся по подземелью, – В давние времена Тергунт, этот поганый служитель Сета, подло выкрад сосуд белого золота, откованный Первым из Гномов, и названный им Нейглам, сам по себе стоивший всего, что есть под небом. Но Великий Длиннобородый Отец Всех Гномов, Нираф, скрыл... скрыл в сосуде нечто, исполняющее желание... Только одно..... – Ниорг замолк,

задохнувшись в бессильной ярости. – Подлый ублюдок Тергунт проведал о магическом свойстве сосуда, что передавался бесчисленное число поколений из рук в руки, от отца к сыну, – последние слова Ниорг произнес почти шепотом. – Укрывшись в своей крепости, маг открыл сосуд. По злой воле Тергунта на многие мили вокруг реки пересохли, леса и поля обратились в прах... Некогда цветущая страна во мгновение ока обратился в пустыню – он надеялся завладеть всеми богатствами края, в котором жил. Но собственная злоба погубила его: Тергунт был человеком, всего лишь человеком, и должен был есть и пить. Хотел бы я видеть проклятого мага, когда он понял, от чего умрет, – Ниорг как-то странно забулькал, и Конан понял, что джавид смеется – ни единый из людей, будь он стократно магом, не может стать хозяином изначальной силы гномов.

Мораддин и Конан остановились, ожидая, когда Ниорг успокоится и сможет продолжать.

– Бросив Нейглам, который больше ничем ему не мог помочь Тергунт отправился пешком через созданную им самим пустыню. Костей его так и не нашли... Или нашли... Стервятники.

Прошло очень много лет – а гномы, как известно, живут много дольше людей – и в год, когда я должен был по обычаю принимать власть из рук отца, сокровище нашлось...

А случилось это так. Некий Дуалкам, нерадивый раб, да проклянут его имя все боги, брошен был один в пустыне хозяином своим за леность и воровство на смерть от голода и жажды. В краю том не водились даже хищные звери... О, если бы лев разорвал, его, избавив от мучений... Но боги отвернулись от такого ничтожества, и даже Владыка Мертвых не принял его на Серых Равнинах... Злая воля Нергала вывела Дуалкама к древним развалинам посреди пустыни. Дурная слава ходила о том месте. Предания гласили о цитадели некого могущественного мага, возвышавшейся некогда там – люди оставили память о Тергунте. Но всего лишь груду камней да высохший источник нашел умиравший от жажды и голода Дуалкам, приползший в проклятое место. Он надеялся найти воду. Ее там не было, но Дуалкам заметил кувшин, лежавший на песке у пересохшего фонтана. Жадно схватил он его, отчаянно надеясь, что внутри окажется хоть немного воды, которой могло бы хватить, чтобы напиться и размочить горсть чечевичных зерен, случайно оказавшихся в кармане его изорванного халата. Кувшин оказался пуст, но едва Дуалкам открыл его, как в мгновение ока на месте развалин появилось озерцо, наполненное чечевичной похлебкой, а источник ожила. Так исполнилось величайшее желание Дуалкама: более всего на свете он хотел пить и есть. Осознав, что это чудо было сотворено некоей силой, находящемся в сосуде, он попытался заставить Нейглам исполнить еще что-нибудь. Несколько дней, пока не обмелело озерцо с чечевицей, Дуалкам возился с волшебным кувшином, но ничего не смог добиться. И, наконец, понял, что у него была возможность исполнить только одно желание. Ну почему он тогда не наложил на себя руки, осознав, как глупо использовал силу Нейглама?!. Быть может, от самоубийства человека удержала мысль, что кто-то другой сумеет заставить кувшин выполнить его единственное желание... А желание это могло быть навязано самим Дуалкамом... Догадка погнала бывшего раба на поиски хоть какого-нибудь живого и разумного существа. Набив карманы размоченной чечевицей и наполнив кувшин водой, он отправился в путь.

– Уж я бы не похлебки пожелал... – заметил варвар, усмехнувшись, и ярко представил себе, что можно было бы заказать гномской посудине. Только как все это увязать в одно-единственное пожелание?..

Ниорг метнул в Конана злобный взгляд и прошипел:

— Дуалкам тоже так думал. Будь проклят день, когда этот мерзавец появился на пороге дома моего отца. Бывший раб поведал ему о кувшине и попросил половину, того, что отец сможет получить, открыв сосуд, если решится на это. Он все продумал, и полагал, что гном даже перед лицом смерти не сумеет отказаться от золота и драгоценных камней. Но не мог Дуалкам предвидеть, что Нираф, узрев в руках неизвестного инородца древнее сокровище народа гномов откажется делиться со своим случайным благодетелем. Нираф не желал торговаться с человеком за вещь, принадлежащую гномам по праву, изначальному праву, и попросту отобрал у Дуалкана сосуд. Дуалкана изгнали с позором. Проклиная весь наш род, он пообещал, однако, вернуться и отомстить... А кувшин остался в сокровищнице отца, и в этот год Нираф передал мне, старшему сыну, свою корону и удалился от дел. На сей раз таинство посвящения происходило, как заведено было от века... Прошло двадцать лет. Царствование мое, освященное силой, заключенной в Нейгламе, ничто не омрачало. До поры...

Тут Ниорг замолк, приостановился и повернулся к Мораддину.

— Послушай, мы зашли уже достаточно далеко, — прошепелявил джавид, глядя на туранца. — Тебе лучше вернуться. Я доведу этого варвара куда ты указал.

— Хорошо. До свидания, почтенный.

Конан с изумлением увидел, что Мораддин поклонился карлику, а, уже собираясь уходить, бросил через плечо:

— Надеюсь, что тебя, Конан, варвар из Киммерии, я больше не увижу...

Маленький белый, крылатый зверек выглянул из капюшона Мораддина, зыркнув на Конана красными глазками, и снова спрятался в складках ткани.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ниорг стоял, неподвижно уставившись в сторону, куда уже довольно давно ушел Мораддин. Главный стражник незаметно растворился во мраке, царившем в бывшем жилище раваха. Конан с удивлением отметил про себя, что у Мораддина не было с собой никакого светильника. «Он что, в темноте видит, как кошка, или зажжет такой же фонарь что и Ниорг?» – подумал Конан, заметив, что светильник в руках джавида тускнеет и начинает слегка мерцать.

– Ниорг! – окликнул джавида киммериец.

Тот вдруг дернулся, как будто звук его имени, негромко произнесенного Конаном, пробудил карлика от глубокого сна. И тотчас странный источник света в его руке засиял с новой силой.

Ниорг посмотрел на Конана так, будто видел его впервые, а затем, встрепенувшись, заговорил:

– Да... Прошло двадцать самых счастливых лет жизни моей. Отец знал, что Дуалкам вернется, обязательно вернется. Этот человек...

– Слушай! – осторожно прервал его Конан. – Зачем ты мне про это рассказываешь?

Маленькие глазки Ниорга хитро покосились на киммерийца. Пауза была недолгой, и ответ джавида несколько озадачил варвара.

– Мне кажется, что ты рано или поздно столкнешься с вещью, называемой нами Нейгламом. Когда ты коснешься кувшина, вспомни о маленьком народе, на который свалилось столько несчастий...

Ниорг умолк, а Конан, поразмыслив, задал еще один вопрос:

– Почему этот сосуд считают стигийским, а про вашу магию думают, будто она – наследие Сета?

– В самом деле? – насмешливо прошамкал старый джавид. – Эти твои слова доказывают, что ты, Конан, уже слышал о Нейгламе, а, быть может, даже видел его... Но это не важно. Клянусь тебе памятью Изначального, Отца Гномов – мы никогда не имели отношения к черному колдовству, а плавить белое золото умеют не одни стигийцы. Точнее, они переняли это искусство у нас, гномов. Наш народ владеет собственной магией, чуждой людям. А теперь позволь мне досказать свою историю.

Конан поморщился, так как слушать заунывно-велеречивое шамканье джавида ему порядком надоело. Но он вспомнил, что гномы очень трепетно относятся к истории своего рода, и неуважение к ней является тяжким оскорблением. А уж о злопамятности и мстительности низкорослого народца он знал не по наслышке. Поэтому он лишь угрюмо проворчал:

– Досказывай...

Ниорг откашлялся, немного погrimасничал и продолжил:

– Так вот. Дуалкам, однажды открывший Нейглам и так жестоко наказанный за ничтожность желаний своих, все эти годы провел в учениках одного мага. Если бы мы тогда знали о его замыслах, то сумели бы подготовиться к встрече. – Джавид жестко усмехнулся и Конан подумал, что не пожелал бы оказаться на месте Дуалкана. – А в один далеко не прекрасный для нашего рода день Дуалкам привел своего сына к вратам гномьего царства. Щенок мало отличался от папаши. Тот сумел воспитать его так, что этот жалкий выродок

только и умел, что ненавидеть всех и вся, а тем паче нас, гномов.

Не стану вдаваться в подробности того, как двое негодяев с помощью магии, вероломства и подкупа сумели овладеть кувшином...

Ниорг замолчал, несколько раз глубоко, тяжело вздохнул и тихим, скорбным голосом произнес:

– Сила, вложенная в Нейглам, обратилась против нас. Проклятие, наложенное на род моего отца тяготеет над нами по сей день вот уже тридцать с лишним лет. Ты знаешь, что означает слово «джавид»?

– Ну? – буркнул Конан.

– «Джавид» – «проклятый»... Сын Дуалкама не стал губить нас, ибо жестокость его не знала границ! Он изменил облик гномов и сделал нашу многочисленную семью изгоями народа гномов. Мы потеряли все – богатства, пусть и небольшое, но свое, подгорное королевство... И потеряли надежду на будущее. Этот паршивый пес знал, что лучше умереть, чем жить презираемым, гонимым всеми изгоями.

– Что же вы так скисли-то? – с удивлением спросил киммериец. – Добыть кувшинчик – и порядок! Теперь-то мне понятно, отчего вы осмелились напасть на оазис шейха Джагула. Ведь выкупом за его дочку должен был быть ваш... этот... Нейглам, что ли?

– Больно много ты знаешь, как я погляжу! – Ниорг покосился на Конана с недоверием. – Только не все так просто, как кажется. Как ты, варвар думаешь, знающий маг, представляя себе мощь, сосредоточенную в кувшине, не захочет ли им обладать? На счастье, Турлей-Хан почитает Нейглам заурядным, пусть и очень дорогим украшением... Вот то-то же!

Конан тихонько рассмеялся, хлопнув себя ладонью по бедру. Перехватив удивленный взгляд джавида, он пояснил сквозь смех:

– А я-то, дурак, голову ломал, чего столько народу за вашей погремушкой гоняются! Воображаю, какую армию сможет создать тот же кофийский король Страбонус!

– Не понял? – Ниорг поднял кустистые седые брови. – Что ты знаешь?!

– Веселенькая история! Ты хоть знаешь, почему сейчас ведешь меня на свободу, а?

– Мораддин попросил... – угрюмо ответствовал Ниорг после недолгого молчания, словно не очень хотел признаваться. – Если бы не он, то гнить тебе на каторге – кстати, за какой грех тебя туда упекли? – или же от родичей моих кинжал в бок получил бы ночью. Думаешь, забыли джавиды тот проклятый день, когда Нергал занес тебя в крепость Баргэми?

– Они погибли в честном бою, – отмахнулся Конан. – А что ты скажешь, если узнаешь, что Мораддина твоего подкупил посланник короля Страбонуса, нанявший меня не столь давно? Догадываешься, для чего?

Ниорг остановился, губы его гневно тряслись, а глаза смотрели так яростно и зло, что если бы джавиды умели испепелять взглядом, от Конана осталась бы кучка угольков.

– Ты останешься в этом подземелье навеки! – прошипел Ниорг, брызгая слюной, и начал медленно отступать в темноту. Светящийся шарик в его руке постепенно гас.

– Эй, погоди! Да стой ты! – поднял руку Конан. – Ты думаешь, я буду работать на полудурка Страбонуса и его ублюдочного мага? Да сдались они мне!.. К тому же, ты скоро получишь свой золотой горшок от Турлей-Хана...

– Не получу! – гулко отозвался из полумрака Ниорг, все еще продолжая отходить от киммерийца. – Он обманул! Вернее, девицу старого шейха у него похитил какой-то негодяй, и Турлей-Хан отказывается платить нам за нее выкуп.

– История... – почесал в затылке Конан, едва не рассмеявшись, хоть веселиться повода

не было. Теперь у Ниорга имелись все основания бросить киммерийца на произвол судьбы в бесконечной путанице подземелья, в которой мог разобраться один лишь гном. Или джавид.

— Ладно, — сказал Конан, звонко ударив ладонью о ладонь. Решение варвар принял, как всегда, немедленно и не раздумывая. — Достану я тебе кувшин.

Некоторое стояла полнейшая тишина, нарушающая лишь сопением Ниорга. Огненный шарик в его ладони продолжал неровно мерцать, а потом вдруг вспыхнул с такой силой, что Конан зажмурился.

— А не обманешь? — прохрипел джавид.

— С какой стати? — жестко произнес Конан. — Я сказал.

Ниорг еще немного помолчал, а потом подошел к киммерийцу, заглянув ему в глаза.

— Знаешь старую сторожевую башню в пустыне, на полпути от Баргэми к Султанапуре? Конан кивнул.

— Отлично. Там есть вход в подземелье. В течении одной полной луны в башне тебя будут ждать. Если вернешься кувшин — мы простим тебе смерть сородичей и, кроме того, не забудь — сила Нейглама сможет выполнить и твою просьбу. Но только одну.

«Ого!.. Да все деньги кофийского посланника не идут ни в какое сравнение с такой возможностью, — молнией мелькнула мысль в голове Конана. — Плевать мне на Дагарнуса, Турлей-Хана и Мирдани скопом! Теперь главное — достать кувшин. И тогда...»

Киммериец невольно потер руки, и глянул на Ниорга, в глазах которого засветилась надежда.

— Веди к выходу, — бросил Конан.

Дальнейший путь проходил почти в полном молчании, и варвар с удивлением обнаружил, что Ниорг ведет его к оазису шейха Джрафира. Старый карлик прекрасно знал, что северянин может получить от подданных молодого шейха и лошадь, и пищу, да и деньгами разжиться. Миновав череду темных широких коридоров, Конан, ведомый джавидом, оказался в памятной пещере, где начальник стражи Баргэми Самил нашел свое последнее пристанище. Его разлагавшийся труп Конан обошел с отвращением. Затем Ниорг вывел киммерийца в тоннель, выходящий непосредственно в оазис, и указал рукой в темноту.

— Иди туда. Отсчитай отсюда восемьдесят шагов, и по правую руку найдешь проход наверх, — потом джавид отрывисто поклонился и бросил напоследок:

— Ты дал слово.

— Нет нужды напоминать, — мрачно ответил киммериец. — Но и ты тоже обещал кое-что...

Конан повернулся на каблуках и начал отсчитывать восемьдесят шагов, стараясь держаться стены справа...

* * *

Да, это место было Конану знакомо. Не зря старый Ниорг говорил, что приведет туда, где встрече с киммерийцем будут рады. Полубвалившаяся кладка один к одному походила на стену, которой некогда жители аль-Баргэми отгородили подземелья под дворцом шейха от уводящих в пустыню и под Кезанкийские горы ходов раваха... Недалеко должны быть

кладовые с сокровищами рода аль-Баргэми, но сейчас Конана не заботили золото или самоцветы – скорее бы покинуть мрачные коридоры, проложенные червем пустыни, да выйти наверх, туда, где светит солнце и живут люди...

Киммериец остановился возле того самого наклонного прохода, по которому много дней назад джавиды пробрались в дворцовый сад, и ненадолго задумался, глядя вверх. Взобраться по довольно широкой и не столь уж крутой норе, прорытой карликами, было делом нетрудным, но, когда Конан бывал здесь в последний раз, наверху находились ожидающие его люди, да и выйти на поверхность можно было сквозь отверстие, сейчас наверняка заваленное, причем накрепко.

– Воображаю, какой поднимется переполох, когда и если мне удастся выбраться, – сам себе сказал киммериец, заглядывая в выводящую наверх нору и пытаясь пристроить подаренный Мораддином меч за спиной. – Ну вперед, что ли...

Подтянувшись, он перевалился за край прохода, начинавшегося на высоте человеческого роста, и стал карабкаться, изредка изрыгая проклятия – пальцы соскальзывали с камней и под ногами осыпался песок. О том, что вся работа может оказаться тщетной и на пути вдруг встанет неодолимая преграда, Конан старался не думать. Пару раз он не сумел удержаться и сполз на несколько локтей, но с истинно киммерийским упорством, не обращая внимания на падающие сверху камни и сыпавшуюся в глаза песчаную пыль, продолжал ползти, пока, наконец, не уперся головой во что-то твердое. Судя по всему, это и был завал на месте выхода из норы.

“На ощупь вроде бы дерево, – Конан провел пальцами по шершавой и занозистой преграде, – так и есть, доски! Только бы сверху камней не наложили!”

Он уперся спиной и ногами в стену прохода, надеясь, что сыпучая почва выдержит, и, поднатужившись, попробовал оттолкнуть деревянную крышку плечами. Никакого результата. Лишь доски чуть затрещали.

– Так... – сжал зубы, рыкнул киммериец. – Ну, мы еще поборемся...

Чуть отодвинувшись от наклонной стены, он нашарил рукоять меча, осторожно вынул его из ножен, стараясь случайно не порезаться в темноте, а пальцами левой руки начал ощупывать деревянную преграду, пока не почувствовал, что нашел щель в плотно пригнанных досках. Осторожно вставив в нее острие клинка, Конан что есть силы вогнал меч в узенький зазор больше чем наполовину, и, еще раз устроившись потверже, насколько это было возможно, принялся расшатывать доски.

Еще немного поработав мечом, Конан расширил отверстие настолько, что в образовавшийся узкий – с палец – зазор хлынул солнечный свет. И тотчас до слуха киммерийца донеслись приглушенные встревоженные крики – стража или гулявшие в саду женщины гарема почувствовали неладное.

– Теперь подождем, – буркнул Конан, не переставая, однако, подрезать толстенные доски клинком. – Если заметили, значит свобода близка...

Только он собрался срезать лезвием меча одну из наиболее толстых щепок, и уже примеривался нанести по едва державшемуся куску расщепленной древесины короткий, но сильный удар, способный разбить центральную перекладину люка, как тяжеленная крышка отлетела в сторону. Конан оказался ближе к смерти, а не к свободе. Жизнь киммерийцу спас случай – будучи ослепленным бьющим в глаза утренним солнцем, он не заметил целивших в него лучников, и, когда тяжелая, со стальным наконечником стрела ударила по гарде меча в волоске от пальцев, он потерял равновесие, шатающийся под ногой камень выскользнул, с

шуршанием покатившись вниз, а сам киммериец кубарем скатился локтей на десять, успев заметить, что несколько стрел с окрашенным синей краской оперением с глухим стуком вонзились в землю вырытого карликами хода, там, где мгновение назад находился он сам – с такого расстояния мощные луки зуагиров пробивали любой панцирь, а уж обычный человек мигом отправился бы в царство Нергала.

– Именем шейха Джрафира!! – заорал Конан, ибо имя наследника старика Джагула должно было произвести впечатление на не в меру ретивых стражников крепости аль-Баргэми. – Именем шейха Джрафира, не стрелять! Вы, отродья Сета, окажетесь на колу, если другу шейха будет нанесена хоть одна царапина! А ну, помогите вылезти, негодяи!

В круге света наверху показался силуэт чьей-то головы в белом тюрбане. Человек осторожно заглянул вниз и Конан расслышал его недоверчивый голос:

– Кто здесь? Нет веры пришедшему из проклятых подземелий, пусть даже он и упомянул имя нашего владыки!

– Мое имя Конан, я родом из Киммерии, – надсаживаясь, заорал северянин. – Я был в Баргэми двадцать дней назад, когда на крепость напали джавиды! Джрафир знает меня. Вы что, забыли, кто спас его отца от песчаного раваха?!

Наверху случилась некоторая заминка, и Конан решил было, что ждать придется долго – пока сообразят, пока пошлют за шейхом… Но не успел он пробормотать и пяток самых изощренных словечек, касавшихся ума, физических достоинств и родословной тупоумных зуагиров, как вдруг сверху полетела добротная, с увязанными через каждые полтора локтя узлами, веревка, и Конан понял, что в оазисе его имя пока не успели позабыть.

– Добро пожаловать, господин! – высокий смуглый зуагир (надо полагать, занявший место бедняги Самила) склонился перед Конаном, едва тот выбрался на поверхность. Киммериец быстро огляделся и удивленно хмыкнул. Что ни говори, а Джрафир за последнее время сделал многое, для того, чтобы обезопасить свой дворец: кусты жасмина, закрывавшие раньше часть сада, куда вел ход джавидов, были беспощадно вырублены, сама дыра в земле закрывалась тяжеленным, со стальной оковкой по краям, люком. Мелькнула мысль, что если бы пришлось и дальше прорубать себе проход наверх мечом, то он провозился до самого заката. А в саду сейчас находилось столько стражи, что хватило бы на охрану дворца самого эмира султанапурского. И у многих луки и копья были направлены на Конана.

Зуагир с павлиньим пером на тюрбане вопросительно смотрел на варвара, и тот, решив, что восточная вежливость сейчас явно неуместна, прямо перешел к делу:

– Мне нужен сиятельный шейх Джрафир аль-Баргэми. Быстро отведи меня к нему!

– О почтеннейший! Твой слуга Райдид аль-Асар готов служить и исполнить любое твое желание, – Конан понял, что Райдидом кличут как раз этого смуглого красавца, взгавлявшего насупленных и сердитых стражей, и уже начал морщиться, предвидя длинную, изысканную, но пустую речь. А Райдид, сложив ладони на груди, продолжал, ничуть не обращая внимания на скривившегося гостя из подземелья:

– Мы счастливы почтить могучего победителя раваха и спасителя…

– Короче! – рявкнул Конан. – Где шейх?

Стражник запнулся, выдавил кислую улыбку (ну что с дикаря возьмешь?!), но величавого тона не изменил, сказав:

– Мое сердце тонет в источнике сожаления, о воитель, но мудрого шейха нет в крепости Баргэми. Вчера на восходе он уехал, а куда – то мне неведомо. Шейх Джрафир взял с собой лишь шестерых лучших воинов и ускакал в пустыню, на восход…

— Так.... — только и сказал Конан. Он-то надеялся получить от Джифира помощь — если уж не золотом, то хотя бы конем. А теперь даже о верблюде, видимо, мечтать не придется. Изволь до Султанапура пешком добираться! Эти скунцы-кочевники, небось, и самого тощего мула пожалеют. Однако, следующие слова Райдида развеяли мрачные мысли киммерийца:

— Почтенный! — начал стражник. — Шейх Джифир предупредил нас, что, если ты появишься с добрыми вестями или даже дурными, то люди рода аль-Баргэми должны выполнить все твои просьбы. Но мы не ждали, что ты придешь... — Райдид выразительно глянул в сторону черневшего провала. — ...придешь оттуда. У меня приказ — убивать каждого, кто попытается прийти в наш оазис из подземелий. Там живут одни враги...

Конан прищурился, внимательно посмотрел на стражника, и усмехнулся.

— Все просьбы, говоришь? Хм...

— Что пожелаешь, почтенный! — поклонился Райдид. По лицу зуагира было видно, что его терзает желание задать Конану множество вопросов, но врожденная вежливость восточных кочевников не позволила спрашивать гостя первым, до поры, пока он сам не начнет рассказывать.

— Бассейн, много еды, вина и свежую лошадь, — решительно заявил киммериец, подумав, что пользоваться гостеприимством Джифира и его людей можно с полной бесцеремонностью. — И еще новую одежду!

— Будет исполнено, господин, — снова поклонился Райдид, во взгляде которого тонко смешивались удивление и некоторая брезгливость. Одевания Конана и впрямь больше подошли бы беглому рабу, а о том, что он таковым ныне и являлся, киммериец предпочел умолчать... Пускай и короткое, пребывание на медных каторжных копях превратили некогда добротную одежду варвара в ветхие лохмотья, к тому же донельзя грязные и попахивающие характерным ароматом общей пещеры...

...Конан блаженствовал, развалившись в роскошном мраморном бассейне. Что не говори, но его расположение к семейству аль-Баргэми возросло до всех мыслимых пределов. Поглотив отличный обед, сдобренный не менее прекрасными винами, киммериец расслабленно лежал в нагретой солнцем, прозрачной, как горный хрусталь, воде, и уж подумывал было остаться в оазисе на денек-другой — отдохнуть как следует после многодневного, изматывающего труда на проклятых рудниках. Но все последние события подталкивали Конана к действиям: он понимал, что донельзя странная история, в которую он волей-неволей оказался впутанным, должна быть доведена до конца, и именно им самим. Конан никак не мог увязать воедино все детали — понятно, что странный водоворот закрутился вокруг кувшина джавидов, и за таинственной вещицей сейчас охотятся по меньшей мере две стороны: посланник из Кофа, подгорные карлики, жаждущие вернуть себе истинный облик и вместе с джавидами он сам, Конан. Этим можно объяснить похищение Мирдани и те огромные деньги, что обещал заплатить Дагарнус человеку, что доставит ему кувшин джавидов. Становится ясно, отчего сосуд нужен королю Страбонусу — Сила, заключенная в древнем сокровище джавидов, может сделать его непобедимым...

Но вот вопрос: султанапурскому магу наверняка известно, что именно хранится в сокровищнице ничего не подозревающего пятитысячника, и тогда почему Радбуш доныне не прибрал кувшинчик к рукам? И потом, Джифир, как сын шейха Джагула, тоже может быть осведомлен о вещи, которая даст ему все, что он только пожелает. Может быть, и нынешний шейх аль-Баргэми был бы не прочь завладеть Нейгламом? Ну и конечно же, нельзя списывать со счетов Мораддина. Конан терялся в догадках, отчего бывший капитан личного хэрда царя

Илдиза питает такую симпатию к джавидам – вряд ли обычный человек, да еще такой честолюбивый и некогда занимавший очень влиятельный пост, к тому же отличный боец, так запросто, по доброте душевной, подружиться с уродливыми карликами, пускай и бывшими когда-то самыми настоящими гномами...

– Гномами??!

Конан выкрикнул это слово так громко, что прохаживавшиеся возле бассейна с видом раздетых в парчу и шелка вельмож, павлины, с удивленно-испуганными криками шарахнулись к близлежащим кустам белых роз и затаились, посматривая на вскочившего, расплескивая вокруг тысячи брызг, человека. Киммериец хлопнул себя по затылку, отбросил со лба темные мокрые волосы и, прокричав: “Головой, дурень, думать надо, а не тем, чем на седло садишься!!”, снова рухнул в воду, окунувшись с головой. Прогуливавшийся неподалеку (якобы для порядка) здоровенный стражник вздохнул, украдкой постучав себя пальцем по лбу. И как только шейх подобных дикарей у себя привечает?

“О Кром и все великие боги, как же я сразу не догадался!” – смятенно подумал киммериец. Сейчас Конан был убежден, что не ошибается. Когда-то давно он встречался с подгорными гномами и, надо сказать, что их общение не принесло ни ему самому, ни маленьким рудознатцам ничего хорошего. Впрочем, вспоминать историю про то, как он хотел завладеть сокровищами гномов, Конан не собирался – дела прошлые и прочно подзабыты – но вот внешность истинных представителей гномьего племени он помнил преотлично... И теперь знал, на кого похож Мораддин, этот бывший гордый гвардец аграпурского монарха, а ныне – жалкий старший надсмотрщик на забытых всеми богами каторжных копях, принадлежащих царю Турана. Все сходится! Невысокий рост Мораддина, невероятная для такого коротышки сила, потрясающее владение оружием и истинно гномья вежливость и любезность... Ну да, и люди встречаются, наделенные такими качествами. Но есть у гномов одна отличительная и малоизвестная непосвященным примета: ложа ногтей у подгорного племени не розовые, как у людей, а светло-коричневые, да большой палец на руке не в пример людскому сильнее и длиннее. Конан заметил темные ногти на руках Мораддина еще в его пещерке на каторжных копях, когда старший надсмотрщик подавал вначале кружку с вином, а потом меч. Только тогда Конан не придал этому значения.

Ошибки быть не может. А если вспомнить, как Ниорг отоспал Мораддина обратно, почитай на полпути к оазису и тот пошел в полнейшей темноте к своим рудникам, да так уверенно, словно над головой солнце светило... Гномы видят в темноте не хуже кошек. Добавить к тому почтительность, с которой Мораддин обращался к Ниоргу, едва только в ноги ему не падая... Да и для человека у Мораддина слишком уж небольшой рост при ладно сложенной, коренастой и мощной фигуре; борода опять же, а туранцы ее обычно бреют... Впрочем, уж больно много в этом странном начальнике охраны рудника и человеческого – надо полагать, что гном он только наполовину, либо по отцу, либо по матери. Что ж, и такое бывало...

“Да-а-а... – Конан отрешенно глядел на стоящий у бортика бассейна кувшин с вином. – Если правда, что Мораддин в прямом родстве с гномами, то загадок только прибавилось. Кто ответит, как Дагарнус мог связаться с Мораддinem и выкупить мою свободу? Или, может быть, они работают вместе? А что скорее, джавиды через Мораддина хотят выйти на Дагарнуса и вызнать, в чьих руках находится этот проклятый кувшин. А если джавиды знают, что я единственный, кто сумеет вывести их к сокровищу, способному изменить судьбу маленького народца? Очень уж все запутано... Ладно, надо ехать в Султанапур и плевать на

усталость! У Стейны отосплюсь, да заодно узнаю, как там Мирдани... Сет все это пожри! А в тот проклятый день я просто хотел попросить у зуагиров воды!..”

И все-таки Конана не оставляло странное ощущение, что за всеми событиями минувших двадцати дней стоит некая фигура, до сей поры ему неизвестная. И это, конечно же, не Ниорг, не Дагарнус и прыщавый Турлей-Хан. Инстинкт варвара подсказывал киммерийцу, что золотой кувшинчик джавидов очень и очень интересует кого-то еще, пока что искусно скрывавшегося в тени.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Конан, как и рассчитывал, добрался до Султанапура глубокой ночью. Городские ворота были закрыты, но возле стен горело несколько костров – пришедший из Замбулы караван не успел к заходу солнца – ворота Султанапура закрывались на ночь, и купцы, даже не разбивая шатров, коротали ночь прямо под стенами, терпеливо ожидая рассвета. Киммериец знал наверняка, что городская стража не успела забыть грандиозной облавы на человека, покусившегося на персону эмира и собственность Турлей-Хана, и, конечно же, его приметы еще помнят – с такой разительно отличающейся от облика жителей Турана внешностью трудно будет остаться незамеченным. А до безопасного убежища – дома Стейны – идти придется через весь город. Попадать же в руки пятитысячника или снова оказаться на рудниках у Конана не было никакого желания.

Оазис Баргэми он покинул после полудня, вытребовав у Райдида отличного коня, запас еды и питья, а так же новый меховой плащ. Вспоминая выражение лица казначея, в очередной раз по настоятельной просьбе варвара разорившего сокровищницу шейха, Конан с ухмылкой подумал, что обязательно вернется туда еще раз, просто так, и даже просить ничего не будет... Стоит снова посмотреть на трясущиеся руки хранителя сокровищ и его выполненное оскорблённого достоинства лицо. Старик выдал киммерийцу десять империалов с таким видом, будто ему пришлось расстаться с половиной несметных богатств шейха. А вот куда уехал сам Джрафир, которому Конан хотел сообщить хорошие новости про Мирдани, так и осталось неизвестным. Киммериец передал через начальника стражи, что сестра сиятельного шейха в безопасности и, возможно, скоро вернется в отчий дом. Впрочем, сам киммериец не был уверен в своих словах – не исключено, что Стейна не сумела спрятать Мирдани от гнева Радбуша и пятитысячника...

Конан подъехал к караванщикам, едва посмотревших в его сторону – под стенами Султанапура опасаться разбойников не приходилось – и, выискив человека в самых богатых одеждах, приблизился к нему. Толстый пожилой замбулец поначалу неохотно заговорил с подозрительным типом, но Конан, ничуть не смущаясь, представился ни больше, ни меньше, как личным телохранителем Турлей-Хана, которого хозяин отправил с важным поручением в один из близлежащих оазисов.

К утру, когда прекрасное тонкое вино многолетней выдержки, прихваченное варваром из подвалов крепости Баргэми закончилось, торговец из Замбулы счел Конана отличным парнем, а байки киммерийца о «службе» в гвардии Турлей-Хана выслушивал с серьезностью – надо полагать, купец смекнул, что недурно иметь такого знакомца в Султанапуре.

С восходом солнца раздался оглушительный рев труб – сигнальщики на башнях у городских ворот оповещали людей, что проход в Султанапур для торгового люда открыт. Караванщики поднимали верблюдов, гасили костры, собирали поклажу, а замбульский купец, которому принадлежал весь караван, подъехал к человеку, собиравшему подать за въезд в город и налог на ввозимые товары. Показав ему подорожные и уладив денежные дела, толстяк махнул рукой своим, и цепь верблюдов и мулов потянулась в город.

Конан рассчитал правильно – натянув на лицо капюшон, он поехал рядом с мулом купца, а городская стража приняла его за одного из караванщиков или личного охранника толстого, пожилого торговца. Еще раз возблагодарив всех богов, за то, что стражники во всех городах мира одинаково тупы, нелюбопытны и поленятся лишний раз проверить все как

следует, Конан проехал в город, и, тепло попрощавшись с купцом, довольным столь удачным знакомством, направился к Верхнему Городу.

— Эй! — вдруг раздался позади голос замбульца, и Конан, обернувшись, увидел озабоченное лицо толстяка. — Скажи, как тебя найти, если мне понадобится аудиенция у какого-нибудь вельможи? Мы же договорились, что ты мне поможешь, если появится надобность!

Конан, мгновение подумав, фыркнул и, любезно улыбнувшись торговцу, ответил:

— У охраны дворца Турлей-Хана спроси, как найти Конана. Тебя тут же отведут ко мне или прямо к Турлей-Хану.

Торговец заговорщики подмигнул киммерийцу, кивнул и, пнув мула пятками, направился за своими верблюдами, которых погонщики уже направили к торговой площади, а Конан, все еще посмеиваясь над своей шуткой, пустил лошадь рысью. Без всяких приключений он добрался до Верхнего Города, благополучно миновал патрули и, оказавшись в посольском квартале, быстро разыскал дом Стейны, который, внешне ничем не выделяясь меж строгих зданий, имел к солидной дипломатической службе весьма косвенное отношение...

Спешившись у крыльца, он привязал поводья к коновязи, и требовательно постучался в оказавшиеся запертыми двери. Через некоторое время створки приоткрылись. В узенькой щелке показалась заспанная физиономия охранника.

— Тебе чего? Мы уже закрыты, — пробасил он и собрался было захлопнуть дверь, но Конан придержал ее носком сапога.

— Мне нужна хозяйка, — сказал он властным тоном.

— Сказано же тебе — закрыто! Вечером приходи. Мы работаем, сам понимаешь, не с утра! — вышибала пытался затворить дверь, но киммериец всем телом налег на створку, толкнув ее бедром и правым плечом, а его левый кулак нанес молниеносный сокрушительный удар под ребра охраннику «Врат Ста Удовольствий». Тот, коротко крякнув, отлетел вглубь коридора, к лестнице, ведущей наверх и, скрючившись на полу, молча страдал, не в силах сделать вдоха. Конан спокойно вошел, прикрыл дверь, перешагнул через грузное тело вышибалы, и стал подниматься к общему залу, памятному по его неудачной схватке с султанапурскими гвардейцами и придворным магом эмира.

Где-то наверху хлопнула дверь, и Конан тихонько захихикал, услышав:

— Великая Иштар! Что за похотливые кобели! Какому сыну Нергала приспичило на рассвете?! Что, до вечера не потерпеть?! Так на то есть простые уличные потаскухи!

На верхней площадке возникла лицо Стейны, запахнутой в просторное одеяние, которое лишь с натяжкой можно было назвать халатом. Голова хозяйки была замотана пушистым полотенцем, кожа лица блестела и лоснилась, щедро умащенная целебными маслами, а голос старой знакомой киммерийца гремел, подобно боевым трубам.

— Дорогая! — широко улыбнулся Конан. — Если ты так встречаешь всех своих гостей, то скоро разоришься.

Возникла продолжительная пауза. Стейна внимательно разглядывала стоящего на несколько ступеней ниже Конана, который, вдобавок, не оборачиваясь, отвесил пинка очухавшемуся охраннику, пытавшемуся сзади дать сдачи своему обидчику.

— Я ожидала тебя со дня на день! — пробасила наконец женщина. — Пошли, что ли? — она кивнула головой, приглашая Конана следовать в дом. Не ожидавший столь равнодушного приема киммериец пожал плечами и, погрозив кулаком смотревшему на него волком

вышибале, двинулся за Стейной к ее комнате. Миновав общий зал, он не без удовольствия отметил, что далеко не все следы учиненного им побоища устраниены – кое-где на мебели виднелись глубокие царапины, оставленные оружием, но ковры Стейна все же успела заменить на новые. Вот интересно, сколько теперь осталось от тех пятидесяти тысяч, что дал Дагарнус?

– Морду за такие дела бить надо! – заявила Стейна, перехватив любопытный взгляд Конана. – Ведь просила по-человечески, не портить ковры, так нет же!..

Оказавшись в своих покоях, хозяйка, ничуть не стесняясь, сбросила прозрачную накидку и устало рухнула на кровать.

– Следуй моему примеру, – сказала она варвару. – Я до сих пор обижена на тебя, и теперь требую возмещения. Если хочешь вина – возьмешь сам. Все объяснения потом.

– Нигде мне покоя нет! – проворчал Конан, расстегивая пояс с подаренным Мораддином мечом. – Будет сейчас тебе... возмещение...

* * *

– Ну, что ж, я вознагражден за десять дней каторги... – изрек Конан. Он лежал на спине, закрыв глаза, и поглаживал по щеке Стейну, положившую голову ему на грудь. Наконец-то варвар чувствовал себя отдохнувшим, и только легкая приятная усталость разлилась по телу. Не хотелось даже протянуть руку за стоявшим на резном столике бокалом вина.

– А я даже рада, что ты попортил ковры, – прошептала Стейна, потерпевшись, как кошка, щекой о гладкую кожу на широкой груди киммерийца. – Иначе мне с тебя не пришлось бы требовать награду.

Конан с хрустом потянулся и лениво проронил:

– А я и бесплатно могу, чего уж там... – голос его вдруг изменился и стал серьезным. Он осторожно убрал руку Стейны, ласкавшую его густую черную гриву, – Ладно. Поговорим о делах. Где зуагирка?

– Мирдани? – уточнила Стейна.

– Да.

– В тот же вечер, когда тебя... м-м... схватили, за ней приехали от Радбуша, и увезли к нему во дворец. Насколько я знаю, с ней там неплохо обращаются.

– Представляю... – вздохнул Конан, – Ты совсем не смогла ее спрятать?

– Радбуш, потом, когда тебя уже увезли, ходил по всему дому, будто принюхиваясь. Я подумала, что он ищет какую-то вещь. Так и оказалось...

– Кинжал? – перебил Конан, – Можно было догадаться не давать его Мирдани! Эти проклятые маги чуют волшебные игрушки за лигу. Тьфу!..

Он встал, и, подойдя к столику с фруктами взял самый большой персик, перебросил его Стейне, а сам занялся огромным яблоком. Некоторое время слышался лишь сочный хруст, а затем Стейна, отерев губы шелковым платочком с тонкой вышивкой, стоявший, скорее всего не меньше полуимпериала, небрежно бросила его на пол, и, подняв глаза на Конана, продолжила:

– Я знала, что Дагарнус собирается выкупить тебя с каторги. Дело связано с вашим

общим интересом.

— А почему ему нужен именно я? — тихо, словно сам себе задавая вопрос, пробормотал Конан, и, глянув на Стейну своими пронзительно-синими глазами, добавил уже громче, — Что, кофиец не мог попросить тебя найти подходящего человека для этого дела? Думаю, в Султанапуре немало пройдох, способных выкрасть у тушицы-Турлея ту штуковину.

Стейна хмыкнула и покачала головой.

— Спросишь у него сам. Сегодня я пошлю за Дагарнусом. Он не сомневался, что сбежав с копей, ты вернешься именно ко мне. Кофийцу пришлось выложить немало золота какому-то негодяю там, на рудниках. Не помню его имя... То ли Мораддин, то ли Морадан...

— Он не негодяй, — проворчал Конан, — хотя, кто он такой, я имею смутное представление. Но человек он, по-моему, неплохой. Или не совсем человек... А, может быть, и совсем не человек...

— То есть? — у Стейны округлились глаза, — Ну-ка, ну-ка, рассказывай, он что, демон?

Повествование о приключениях после неожиданного нападения турецкой гвардии во главе с Радбушем на заведение Стейны заняло у Конана довольно много времени. Своей старой подруге киммериец доверял безоглядно, и поведал все, начиная от долгих допросов в темнице мага, и заканчивая разговором со старым джавидом и неожиданной догадкой о происхождении Мораддина. Стейна слушала спокойно, не перемежая рассказ Конана обычными для женщин «ахами» и «охами», лишь изредка цокала языком да головой покачивала.

— Ну, так, — сказала она, когда киммериец закончил, — ты хоть понимаешь во что ввязался сам и впутал меня, а?!

— Да вроде... — мрачно отозвался Конан, — и представляю, каковы ставки.

Стейна откинулась на подушки, закатив глаза, и возвизала, — О великая Иштар, за что ты наказываешь на старости лет свою верную ученицу, посылая мне наказание в виде тупого разбойника-варвара! — хозяйка схватилась за голову, а затем снова уставилась на Конана. Тот уловил страх в ее глазах. — Ты, медведь киммерийский, понимаешь, что все, кто посвящен в тайны, связанные с высшей магией, да еще и не человеческой, долго не живут?! Я еще не достаточно насладилась жизнью, чтобы меня прирезали шпионы Страбонуса, вислоухие карлики или этот твой головорез Мораддин! Мильй мой, запомни навсегда, что каждый, знающий о вещи, способной даровать если не господство над всем миром, то по меньшей мере любой трон, или любую корону, ходит по краю пропасти, дно которой — Серые Равнины!

— Брось, — отмахнулся Конан, — я заберу кувшин у Турлей-Хана, отдам джавидам, а от Дагарнуса мы сумеем отвязаться. Джавиды спрячут сокровище надежно. Оно не принесет вреда никому.

— Вот как? — Стейна задумалась, — А что ты там говорил о желании, которое выполнит заключенная в сосуде изначальная сила гномов?..

Конан расхохотался, и, подсев к подруге, обнял и поцеловал ее.

— Детка, магия никогда не приносila добра нам, людям. Опасно связываться с ней вообще, а уж с магией гномов и подавно! Этот народ так же чужд нам, как, например, демоны. Его сила — мало подвластна роду людей. Так что давай попробуем задурить голову Дагарнусу, вытянуть из него побольше золота, да столько, что твоя старость пройдет безбедно. А Нейглам оставим Ниоргу и его народцу. Теперь я хочу еще раз навестить дворец Турлей-Хана, забрать кувшинчик, и спокойно заняться делами, ради которых я и направлялся

в Султанапур из Немедии.

Стейна посмотрела на него, как на безумца, намеревавшегося либо вычерпать Вилайетское море ковшом, либо объявиившего себя наместником Митры на земле.

— Я всегда считала, что с головой у тебя не все ладно, но чтобы настолько!.. И, кроме того, кувшин, о котором ты толковал, сейчас вовсе не у Турлей-Хана.

— Чего?! — поднял брови Конан. — Что ты сказала?

— Что слышал! — грубо ответила Стейна, и, встав с постели, набросила на плечи свое невесомое одеяние. — Кувшин у Радбуша. Я знаю это достоверно.

— Но откуда?! — изумился киммериец. Чуток подумав, он поморщился, догадавшись, почему Стейна настолько осведомлена в делах придворного мага султанапурского эмира. — Он тебе сам сказал?

— Хвастался! — бросила Стейна презрительно. — Полагаю, Радбуш так и не сумел приручить твою дикую зуагирку и ищет утешения у меня. Третьего дня явился по мою душу...

— По душу? — хохотнув, перебил Конан.

— Заткнись, болван, и слушай, что мамочка говорит! — рявкнула Стейна и даже слегка стукнула кулаком по столику. — И оставь при себе свои варварские шуточки!

Хозяйка прошлась по комнате, чтобы немного успокоиться, и киммериец подумал, что сейчас она похожа на флагманский корабль, идущий на врага. Наконец, Стейна развернулась к Конану и продолжила:

— Радбуш рассказал, что нашел в сокровищнице Турлея некую вещицу, содержащую в себе магии больше, чем вся Стигия со своими колдунами и богами вместе взятыми. Он так и светился от счастья... Заплатил в тот вечер вчетверо больше обычного, кстати. Ну, да это тебя не касается... Все мне выложил, полный вечер трещал, ровно канарейка! Я его таким никогда не видела. Рассказал, будто выкупил у Турлей-Хана золотой кувшин, а тот, дурачина, почитал волшебную вещь никчемной, пусть и дорогой, безделушкой. Намеки делал, когда язык от вина развязался, что эта штука позволит ему вскоре в Аграпуре обосноваться, да не простым магом, а кое-кем посерьезнее. А после того, что я сейчас узнала, даже женского ума хватит понять, что Радбуш мог задумать. Догадываешься?

Конан сидел с открытым ртом — настолько серьезного оборота событий он не ждал. Значит, теперь сокровище джавидов во дворце мага, и не стоит забывать, что он не последний по силе и дарованию. Дело здорово осложнялось. Впрочем, оставалась небольшая надежда успеть добыть Нейглам прежде, чем Радбуш пожелает им воспользоваться. Магу будет необходимо время на подготовку. И потом, надо помнить, что Мирдани сейчас живет в серале колдуна, и если попытаться с нею встретиться и уговорить помочь...

— Дагарнус знает? — коротко спросил Конан, и Стейна отрицательно покачала головой.

— Я ему не говорила. Кажется, кофиец по-прежнему убежден, что гномий сосуд у Турлея. А знаешь, почему Дагарнус добивался твоего освобождения?

— Ну? Впрочем, понимаю. Господину посланнику не хочется посвящать в тайну новых людей. Чем меньше народу в Султанапуре знает о причине появления здесь Дагарнуса, тем лучше. Так?

— Наверно, — вздохнула Стейна. — Если б ты знал, как я устала от этого всего!.. Шпионы, магия, гномы... киммерийцы какие-то. Уф! Но ты прав, голубок — я сдуру сболтнула Дагарнусу о некоторых твоих прежних похождениях, и теперь он уверен, что ты —

единственный, кому он может довериться. Не забудь, он считает тебя еще и верным слугой покойного шейха Джагула, посвященным в эту историю изначально...

— Точно! — Конан заходил по комнате взад-вперед, взъерошивая обеими руками волосы.

«Тогда Дагарнус немного рассказал мне о Нейгламе, — вспоминал киммериец, — но полностью раскрываться не стал. Уверял, будто сосуд может использовать лишь ученый маг. И про силу, скрытую в Нейгламе особо не распространялся. А когда кувшинчик окажется у него, кофийский посланник найдет способ заткнуть рот варвару-наемнику — от золота, которого у короля Страбонуса немеряно, до яда или наемного убийцы. Что ж, посмотрим, кто кого перехитрит — шпион из Кофа или варвар из Киммерии!»

— Так мне посыпать за Дагарнусом? — осторожно спросила Стейна, искоса поглядывая на Конана. Он решительно кивнул и начал быстро одеваться.

Стейна, позвав одну из девушек, немедля приказала ей под любым предлогом и как можно быстрее привести в дом кофийца, днем обычно находившегося в здании Посольской Канцелярии Кофа, а сама, исчезнув на краткое время в боковой комнатке, привела себя в надлежащий вид.

— Эй, Конан! — вдруг послышался ее бас из-за ширмы. — А у меня для тебя есть подарочек, моя прелесть! Иди-ка сюда.

Она перед зеркалом, пряча что-то за спиной, и, как заметил варвар, эта вещь была довольно увесистой. Конан не был расположен к игре в загадки и спросил прямо:

— Что это?

— Фу, какой ты неблагодарный! — фыркнула Стейна, скривив губки. — Между прочим, я сохранила... вещь... специально для тебя. Держи и будь счастлив, что я по-прежнему остаюсь твоим другом, несмотря на урон, причиненный этой проклятой штуковиной!

Она протянула Конану его собственный меч, тот, что много лет сопровождал варвара во многих приключениях и выпал из руки в миг, когда Радбуш сковал его тело своими чарами.

— Стейна!.. — только и смог выговорить Конан, бережно принимая оружие из ее рук. — Детка, дай я тебя расцелую!

— Целуйся со своим... м-м... ковыряльником! — осклабилась Стейна, довольная тем, что доставила удовольствие Конану возвращением воистину дорогой для киммерийца вещи. — Со мной еще нацелуешься, если не надоест.

— Это вряд ли! — весело воскликнул Конан и, выхватив клинок из ножен, проделал пару замысловатых финтов, да так лихо, что Стейна взвизгнула и испуганно отскочила в угол.

— Зеркало, дурень, расколотишь! И вообще, пошел вон! Не мешай мне одеваться!

— Да пожалуйста! — бросил через плечо Конан, и, продолжая рубить перед собой воображаемых врагов, вернулся в спальню. Некоторое время он оглядывал комнату, точно примериваясь к креслам, маленьким табуреткам, вазам и прочим хрупким предметам; вдруг прыгнул, как играющий тигр, на кровать, подхватил с покрывала подушку, и, подбросив ее в воздух, разрубил пополам. В мальчишеском азарте он совершенно позабыл, что подушки обыкновенно набивают перьями или пухом, и, когда Стейна вошла в комнату, то перед ней представал растерянный киммериец с обнаженным мечом в руке, окруженный вихрем белоснежного пуха, медленно оседавшего на его волосы, плечи, на ковры и мебель.

Стейна оценила открывшуюся ей картину одним коротким словом, от которого даже видавшему виды Конану стало как-то неуютно.

— Да брось ты! — смущенно проговорил он, слезая с кровати. — Это я от радости. Такой подарок!

— Я впишу на твой счет и стоимость этой подушки, — сварливо пробасила Стейна, не в силах более сдерживать смех. — Ты и так мне задолжал.

— Ну, ты же знаешь, как я отдаю долги. И с какими процентами!..

Скрипнула дверь, на пороге возникла девица, посланная хозяйкой за Дагарнусом. Она вернулась быстро — Канцелярия кофийского посланника в Султанапуре располагалась всего через улицу от «Врат Студовольствий». Отмахиваясь от круживших в воздухе пушинок и удивленно рассматривая гостя Стейны, прятавшего в ножны меч, девушка нерешительно шагнула к хозяйке и, слегка поклонившись, зашептала ей на ухо.

— Можешь идти, — сухо сказала Стейна, и, когда дверь за служанкой закрылась, серьезно посмотрела на Конана.

— Что-то случилось? — спросил он, видя тревогу на ее лице.

— Странные дела, — тихо произнесла женщина. — Дагарнус-то придет, и скоро. Но есть новость, уж не знаю, хорошая или плохая. Утром кто-то пытался убить Турлей-Хана, когда он выезжал из своего дома, направляясь ко дворцу эмира на доклад. Рано утром... Ты же явился сразу после восхода, и ворота в город открыли незадолго до покушения на пятитысячника. Твоя работа?

Конан приподнял бровь и улыбнулся углом рта:

— А ты как думаешь, подружка?

— От тебя можно ждать чего угодно! — заявила Стейна, резко развернувшись и села на край кровати, раздраженно отмахнувшись от летавшей у лица, подобно назойливой мухе, пушинки. — Так что скажешь?

— Нет, я к покушению отношения не имел. Но такое чувство, будто посягательство на жизнь нашего прыщавого вояки связано с... Ну, ты понимаешь.

Стейна с размаху саданула ладонью по перине, и пух, густо усыпавший постель, снова взвился в воздух. Конан подозрительно посмотрел на ее ставшее злым и некрасивым лицо. Наконец, она сказала:

— Это только начало. Сердцем чувствуя, надо ждать большой беды.

* * *

Дагарнус даже не вбежал, а, скорее влетел в покой Стейны. По его раскрасневшейся, взволнованной физиономии Конан определил, что кофийский посланник ждал этой встречи долго и с большим нетерпением. Едва успев захлопнуть за собой дверь, Дагарнус уставился на киммерийца и, прежде чем тот успел раскрыть рот для приветствия, выпалил:

— Наконец-то! Наш уговор по-прежнему в силе, как я понимаю?

Конан выдержал многозначительную паузу, намеренно желая чуточку поиграть терпением шпиона Страбонуса, и, встав с кресла да заложив руки за спину, медленно прошелся по комнате, из которой служанки уже успели вымысти большую часть гусиного пуха.

— В силе, — с серьезным видом подтвердил он. — Кстати, я хочу поблагодарить тебя. На рудниках было очень неуютно...

— Ерунда! — отмахнулся Дагарнус. — Подкупить этого тушицу Мораддина было делом

простейшим! Если знаешь – несколько лет назад он потерял все состояние и должность при дворе Илдиза, и сейчас нищ, как последний наемник, пропивший жалование в кабаке! Он с удовольствием согласился сделать так, чтобы ты получил свободу, а на копьях считали, будто ты умер, – на лице нобиля появилась кислая мина и, вздохнув, он добавил, как бы невзначай, – тысяча империалов, однако...

– Можешь это вычесть из моей награды, – сказал Конан, поморщившись. – Надеюсь, мои сто... э-э-э... девяносто девять тысяч ждут – не дождутся побывать в руках нового хозяина?

– Конечно, – кивнул кофиец и хитро улыбнулся. – Точно так же золотому кувшинчику не терпится отправиться в Хоршемиш, к его величеству Страбонусу и господину Тсота-Ланти. Итак, когда ты примешься за дело? Желательно быстрее...

Конан снова примолк, дотянулся до кувшина с вином, раздумывая, рассказать ли Дагарнусу о том, что Нейглам сменил хозяина, затем налил только себе, и, осушив кубок одним глотком, проворчал:

– Хоть сегодня. Только... За время моего отсутствия положение немного изменилось.

Дагарнус насторожился и сжал кулаки, предполагая, что варвар сейчас снова начнет торговаться и просить побольше. Но Конан лишь хотел осторожно выведать у кофийца некоторые детали, которых сам он не понимал.

– Турлей-Хана убить хотели, – тихо сказал киммериец. – Случайно не знаешь, кто и почему?

– Слышал об этом... – буркнул Дагарнус. – Весь город с утра только и говорит о покушении. Прошу поверить, что я не имею ни малейшего представления о причинах, вызвавших это, равно и о личности нападавшего. Возможно, дворцовые интриги или что-то наподобие... Сам понимаешь, мне смерть пятитысячника не на руку.

– Кстати, – Конан внимательно посмотрел на посланника, так и сверля его взглядом. – Скажи-ка, любезный, если Страбонус через тебя так просто выкладывает наемнику сто пятьдесят тысяч золотом, то отчего ты не мог попросту выкупить кувшин у Турлей-Хана, а?

Дагарнус разочарованно взглянул на варвара, словно желая сказать: “Что ж, никто и не сомневался в твоем скудоумии, киммерийский громила”, но ответил вежливо:

– Дело в том, что моего государя не очень... уважают в Туране. Попытка купить, даже за огромные деньги, казалось бы, ничего не значащую вещицу может вызвать подозрения у пятитысячника, и он, несомненно, оповестит эмира и его мага. А Радбуш вполне способен учゅть магическую мощь, упрятанную в кувшин, и тогда – прощай все надежды...

Конан погладил себя ладонью по шее сзади, размышляя, и задал новый вопрос:

– Насколько я знаю, Тсота-Ланти, прямо скажем, не образец доброты и праведности. Не пойму, сожри меня Нергал, отчего кофийский маг дал тебе кинжал, наполненный белой магией? Как я считаю, светлые силы никогда не используют оружие темных и наоборот. А кинжалчик-то определенно... ну... не черный.

– Кинжал я использовал без приказа Тсота-Ланти, – нехотя пробормотал Дагарнус. – Дело в том, что Раэн Танасульский вложил в него силу, способную противостоять любой, – он выделил голосом последнее слово, – любой магии. Даже нечеловеческой.

– Понятно, – кивнул киммериец, подумав про себя: “Так, значит, скотина, ты знаешь, что магия гномов-джавидов никак не относится к стигийскому черному волшебству, а просто чужда людям! А пугал Стигиец и Сетом! Ну, теперь держись у меня!..”

– Кувшин уже у Радбуша и я знаю это достоверно, – не задумываясь, выложил Конан свою последнюю карту и наглым голосом добавил, желая добить побледневшего Дагарнуса

окончательно: – Еще пятьдесят тысяч золотом сверху. За дополнительную опасность. И сохранение полнейшей тайны, – и сам изумился последовавшим словам почтенного мэтра. Если быть точным, то лицо Дагарнуса вначале вытянулось, затем сменило сразу три цвета – с багрового на белый, а потом зеленый – и достойный посланник, не справившись со своими чувствами, в кратких, но донельзя цветистых и вычурных выражениях изложил все, что думает о султанапурском маге, кавалерийском пятитысячнике и всяко разных киммерийцах, которые способны меньше чем за день пустить по миру как короля Страбонуса, так и всех его подданных. Высказавшись, Дагарнус потребовал объяснений.

Конан с невинным видом сообщил кофийцу все, что рассказала Стейна, не раскрывая, понятно, источник, откуда были почерпнуты эти сведения, и развел руками, как бы говоря, что теперь ни один нормальный и здравомыслящий человек не возьмется за столь опасное дело. Только представьте: обмануть бдительность стражи, проникнуть в сокровищницу мага (*МАГА*, прошу заметить!), преодолев множество преград (*МАГИЧЕСКИХ*, опять же!), выкрасть оттуда вещь, не привлекая внимания Радбуша... Сами понимаете, мэтр, такой подвиг достоин дополнительного и массированного вознаграждения...

– Ну хорошо, – стиснув зубы, прошипел Дагарнус. – Еще пятьдесят. Итого – сто сорок девять. Деньги доставить сюда?

– Ага, – простодушно кивнул Конан. – Первую половину можно прямо сейчас. А остальное утром. Когда кувшинчик будет стоять на этом столике.

– Скотина... – едва слышно произнес кофиец, и, не дожидаясь ответа Конана, вскочил, бросив через плечо. – Будет тебе половина! – и исчез за дверью, хлопнув ею так громко, что с потолка полетели белые крошки краски.

“Ну вот, – ядовито усмехаясь, подумал Конан. – Семьдесят пять тысяч еще до заката будут лежать здесь, а наутро посмотрим, чья возьмет! Только дожить бы до утра...”

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Из дома Стейны Конан вышел незадолго до заката, как раз в то время, когда во “Врата Счастья” начали стекаться гости.

Хозяйка, как и всегда, устроила все в лучшем виде. Конь киммерийца был отведен на конюшню, где уже давно стояла белая кобылка, принадлежавшая некогда Турлей-Хану. Животина на этот раз отнеслась к Конану спокойнее, видимо, подзабыв тот жуткий день, когда похититель перекрашивал ее грязью из зловонной лужи. Сам киммериец был одет в темную замшевую куртку и такие же штаны, меховой плащ сменила более скромная черная накидка с широким капюшоном – в запасе у Стейны было множество разнообразных одеяний на все случаи жизни. Кто знает, не придется ли в один прекрасный день хозяйке процветающего дома терпимости спасаться бегством из города? Всякое может случиться, особенно если поведешься с киммерийцами...

Конану после ухода Дагарнуса не пришлось ничего объяснять подруге – Стейна, по своему обыкновению, подслушивала и не пропустила ни единого слова из их беседы. Она возмущенно добавила, что столь наглого, поистине, варварского грабежа среди бела дня в жизни не видела. Подумать только – так разорить посольскую казну!

– Можешь брать с Дагарнуса поменьше за услуги, – предложил ей Конан в ответ на это. – А сейчас, милая моя, скажи, не бывала ли ты в доме Радбуша?

Выяснилось, что Стейна несколько раз заезжала к магу по его личному приглашению, и однажды Радбуш в приступе безудержной доброты, подобные которому посещали мага после особенно бурно проведенной ночи, показал ей весь свой дворец, за исключением подземелий и кабинета, где маг занимался своим ремеслом. Она прекрасно помнила расположение коридоров, верхних комнат и даже нарисовала Конану корявый, но достаточно подробный и понятный план. К сожалению, Радбуш не повел тогда Стейну в сокровищницу, и где она располагается, хозяйка “Врат” представления не имела.

– Безумная затея, – спокойно сказала Стейна Конану, ведя его в обход общего зала и комнат для гостей к задней двери, выходящей в соседний переулок. – Если ты не вернешься, я буду скучать по тебе... Сам знаешь, как связываться с Радбушем, хотя человек он не такой уж и плохой... Просто очень впечатлительный и... одержимый какой-то. Кстати, за денежки свои можешь не переживать – я их у Дагарнуса за тебя получу. И оставлю себе на память...

– Не сомневаюсь, – ответил Конан. – Только, во имя Крома, не потрать их на ковры, – он толкнул дверь и чмокнул Стейну в щечку. – Счастливо, красавица. Жди ночью или к утру, да на всякий случай предупреди своих вышибал, иначе они все зубы потеряют. Некрасиво будет...

Сейчас киммериец шествовал, закутанный в темный плащ, в складках которого прятался меч, по улицам Верхнего города, освещенным закатным солнцем. Он надеялся, что ничем не выделяется среди других горожан, вышедших на вечернюю прогулку, разве что своим высоким ростом. Конану показалось, что стражи на городских улицах несколько больше, чем обычно, но он решил, что это связано с загадочным и неудачным покушением на Турлей-Хана сегодня утром, о котором толком ничего не было известно. Даже Стейне, чей дом был одним из главных центров городских сплетен и новостей. Говорили лишь, будто неизвестный выпустил в пятитысячника арбалетную стрелу, но промахнулся, а строй телохранителей, мигом сомкнувшись вокруг господина, не позволил ему закончить свое дело. Неудачливый

убийца скрылся и никаких вестей о его поимке пока не было...

Конан не желал утруждать себя бессмысленными раздумьями о причинах, подтолкнувших кого-то стрелять в прыщавого вельможу, но в голове упорно вертелась мысль, что в этой истории прослеживается четкая связь с сокровищем джавидов. Только при чем тут Турлей? Нейглам же ныне у Радбуша...

“Узнаю знакомые места! – оглядываясь, думал киммериец. – Эта улица ведет к дворцу Турлей-Хана, а за ним еще через два квартала должен быть дом Радбуша. Пока совсем не стемнело, следовало бы хорошенъко осмотреть все подходы к нему и разузнать пути к отступлению.”

Конан прибавил шагу, желая добраться до цели как можно быстрее, а когда позади раздался конский топот, не стал обращать внимания на нагонявшую его кавалькаду всадников. Лишь гулко разносившийся по улицам зычный голос глашатая, ехавшего впереди, заставил варвара обернуться и прижаться к стене дома.

– Дорогу сиятельному Турлей-Хану! – надрывался передний всадник. – Дорогу!!

И точно – в окружении не менее тридцати телохранителей и гвардейских офицеров, обнаживших сабли, ехал сам пятитысячник. Конан разглядел его голову, увенчанную сейчас не тюрбаном, а островерхим стальным шлемом, и презрительно хмыкнул: “У страха глаза велики! Эко ж его утром напугали, бедолагу!”

Дальнейшие события стали разворачиваться столь стремительно, что Конан не успел толком разобраться во всем происходящем. Когда всадники проскали мимо стоящего у стены северянина, строго оглядывая прохожих, окна и крыши домов в поисках злоумышленников, чуткий слух киммерийца различил среди ударов копыт о каменную мостовую, тихий, донельзя знакомый звук. Щелчок арбалетной тетивы. И тотчас один из всадников молча, вскинув руки, вылетел из седла. Короткий стальной арбалетный болт угодил Турлей-Хану в горло справа, пониже кадыка.

Пятитысячник тяжело рухнул на булыжники мостовой, а одна из лошадей, что скакали позади, не успела остановиться и отвернуть, так что тело – Конан не сомневался, уже мертвое – попало ей под копыта. А дальше началась паника.

Крики телохранителей, свист стрел, направленных на крышу дома справа, конский топот и ржание, испуганный гомон благонамеренных горожан, женский визг... Все слилось в единый вопль ужаса и смятения, и Конан, осознав, что нужно немедленно уносить ноги, рванул вниз по улице, пока охрана Турлей-Хана, парализованная суматохой, не додумалась хватать или рубить каждого, оказавшегося поблизости. Мельком киммериец углядел смутный силуэт, метнувшийся по крыше дома, с которой был произведен смертельный для пятитысячника выстрел, но присматриваться было некогда. Позади уже гремели подковы конной стражи, рассыпавшейся по улицам, и наверняка получившей, наконец, чей-то вразумительный приказ перекрыть весь квартал. Натужно и отчаянно заревел боевой рог, объявлявший тревогу – еще немного, и здесь будет чуть не вся стража города.

Конан вихрем влетел в узенький темный проулок, пробежал его до конца, свернул к проезду, уводящему от дворца Турлей-Хана к стене Верхнего города и, лишь достигнув ее, позволил себе перейти на обычный спокойный шаг. Отправившись вдоль стены в обход опасного места, киммериец продолжал оглядываться и при виде любых подозрительных конников или же спешно подтягивавшихся у центру Верхнего Султанапура патрулей старался скрыться в тени домов. У него и мысли не возникло перенести посещение дома Радбуша на другой вечер. Непредвиденная смерть Турлей-Хана была даже на руку Конану – это может

отвлечь большую часть стражи на облаву в городе, а надзор за другими зданиями и их охрана наверняка ослабнет. Но в то же время, опасность возрастала – в случае поимки киммерийца безусловно опознают и, кто бы не был убийцей пятитысячника, подозрение непременно падет на Конана. Впрочем, ходить под виселичной петлей или топором палача и полагаться только на хитрую лису-удачу да верный меч было любимым занятием варвара...

* * *

“Невероятно, но замышлявший убийство пятитысячника не отступился после утренней неудачи и повторил попытку на закате, – думал Конан, шагая по окраинным улицам к дворцу Радбуша. – Надо было очень невзлюбить Турлей-Хана, чтобы осмелиться снова в него стрелять в тот же день, когда телохранители смотрели во все глаза, и готовы были уничтожить каждого, кто попробовал бы отнять жизнь у их господина. Или же убийца рассудил так: два покушения за один день никто ожидать не будет, и поэтому охрана не станет следить чересчур пристально за всем вокруг... Кром, кто ответит – кому потребовалось убивать Турлея так поспешно и безрассудно? Ох, не похоже на дворцовые интриги, совсем не похоже!”

Впрочем, кто бы это не совершил, Конан признавал, что покушение было проведено безукоризненно – никто из охраны ничего не успел понять, а Турлей-Хан безжизненным мешком уже падал с седла испуганной лошади. Наверняка теперь по тревоге подняли не только городскую стражу, но и личную гвардию эмира, а вдобавок к ним – стоявшую в казармах возле гавани кавалерию, которой некогда командовал пятитысячник. И вся эта орда, громыхая оружием и размахивая факелами, носилась по начинающим затихать улицам города, распространяя панику и недоумение среди перепуганных горожан ну ничегошеньки не понимавших в происходившем. Кое-где вошедшие в азарт погони вояки уже хватали показавшихся подозрительными людьми, тут же устраивая допрос с пристрастием и выясняя, что схваченный делает на улице в час, когда добропорядочным гражданам полагается сидеть по домам и наслаждаться заслуженным отдыхом. Киммериец сам дважды едва не нарвался на подобные засады – в первый раз он увидел рыскающих по улицам стражников чуть раньше, чем они заметили его, и успел метнуться в глухую тень кипарисов, ограждавших богатый дом, а в другой пришлось прыгать через забор и прятаться аж в саду аквилонского посольства, выжидая, пока стражники уберутся прочь. Конан совершенно не хотел рисковать и объясняться со стражей о причине поздней прогулки, наличии оружия и необычной для туранца внешности – безусловно подозрительной и внушающей недоверие. К тому же, чем Сет не шутит, попадется какой-нибудь ретивый придурок, который узнает его...

Он прошел еще несколько кварталов, все больше убеждаясь в том, что сами стражники да и военные патрули явно не имеют представления о том, кого ловят, но изо всех сил стараются навести побольше шума, видимо, пытаясь заставить человека (или людей) напавших на Турлей-Хана, покинуть свое убежище и удариться в панику. В наведении страха на мирных жителей султанапурские власти преуспевали – то и дело в домах с шумом распахивались окна и встревоженные горожане окликали соседей, интересуясь, что происходит. Слухи, один страшнее другого, расползались по городу юркими змейками едва

ли не быстрее продвигавшихся по улицам отрядов, и вскоре Конан с интересом услышал от позднего прохожего, бегущего вдоль стен домов и дико озирающегося, совершенно достоверную новость: на город движутся опять объединившиеся гирканийские кочевники. Они уже на побережье и вот-вот начнут штурм ворот... А с ними идут пираты с Вилайета, и зуагиры, и... Дальше северянин дослушать не успел, потому что в конце улицы загромыхали копыта и показался патруль, числом не меньше двух десятков человек. Горожанин тут же порскнул куда-то, как крыса, а Конан поспешил скрыться за углом.

Следуя указаниям Стейны, киммериец нашел обиталище придворного мага довольно быстро – приземистое, расползшееся во все стороны, точно осьминог, здание находилось неподалеку от дворца эмира. Вполне возможно оно было связано с покоями султанапурского наместника тайным подземным ходом – и такую возможность следовало учитывать. Ворота в стене, отделявшей дворец Радбуша от улицы, были почему-то приоткрыты, охрана возле створок отсутствовала. Конан быстро оглядел пустынную пока еще улицу и проскочил в щель, оказавшись во внутреннем дворе.

Впереди темнело двухэтажное строение. Ни в одном из узких длинных окон не было видно света. Странная, неестественная тишина повисла над домом. Конан пересек двор, подошел к массивной двери из редкого черного дерева с бронзовыми украшениями и с удивлением отметил, что она открыта. Он увидел, что кованый железный брус, служивший засовом на внутренней стороне двери был “с мясом” вырван из удерживающих его скоб и одним концом уткнулся в пол, не позволяя двери захлопнуться. Киммериец осторожно вытянул меч из ножен и его кончиком слегка толкнул дверь, оставаясь по-прежнему снаружи. Оторванный засов проскряжал по полу, дверь неохотно распахнулась и Конан заглянул внутрь.

За дверью начинался довольно длинный коридор, уводящий вглубь дома, и при свете одиноко чадящего факела на стене Конан увидел, что сразу за порогом вповалку лежат не менее пяти человек. Темные ручейки только начавшей подсыхать крови собирались кое-где в лужицы, а некоторые тянулись дальше по коридору.

“Ну, знаете ли! Что, в конце концов, происходит в этом проклятом городе? – варвар осмотрел трупы, обнаружив, что часть стражей была убита саблями, а двое заколоты кинжалами. – И такое – в доме мага самого эмира! Да как это прикажете понимать? Какие игры ведут высшие сановники Султанапура? И, что характерно, проигрывают...”

Перешагнув через мертвых охранников и прихватив факел, Конан, настороженно прислушиваясь, медленно двинулся по коридору. Вскоре он выявил, куда вели кровавые следы от порога – двое раненых стражей пытались отползти и, наверное, позвать на помощь, но неизвестные нападавшие догнали их и прикончили. Интересно, что стало с прочими обитателями дома? Почему Радбуш не защитил своих людей? И где, собственно, он сам?

Коридор выходил в просторный зал с несколькими дверями и лестницей, ведущей на второй этаж. На ступеньках неподвижно лежал человек, и, наклонившись над ним, северянин понял, что этот, в отличие от стражи у дверей, не зарублен и не заколот. Человек – судя по одежде, слуга либо помощник Радбуша – был задушен тонкой стальной нитью. Глубокий ровный порез на шее не кровоточил, и варвар разглядел, что стальная струна подобно острейшему лезвию перерезала несчастному горло и сломала хрящи на горле.

“Ничего не понимаю, – честно признался себе Конан. – Кто-то целенаправленно изводит всех представителей власти в городе? Сначала Турлей-Хан, теперь это сорище мертвецов у Радбуша... Великие боги, да как же можно перебить столько народу в центре

города, рядом с дворцом эмира, и не поднять переполох? У меня так ни разу не получалось... Следует поучиться."

Во дворце стояла странная тишина. Варвару почему-то вспомнилось, как десять – или двенадцать? – лет назад он стоял над грудой тлеющих развалин, что когда-то назывались фортом Венариум, вырезанным в одну ночь спустившимися с гор киммерийцами. Тогда обломки аквилонской монеты окруживали такое же зловещее молчание...

Конан поднялся по лестнице на один пролет, но там не нашлось ничего указывающего на неизвестных, учинивших во дворце форменный разгром, походивший на последствия нашествия огромной армии. Лишь к деревянным панелям на стене был пригвожден стрелами охранник. Стрелы, впрочем, никакими особенностями не отличались – самые обыкновенные, с тремя перьями пустынного ястреба, подкрашенными синей краской. Такие связками продаются на городском базаре... Судя по всему, верхние этажи нападавших мало интересовали – пристрелив выскочившего навстречу стражника, они не пошли дальше, а, надо полагать, просто перекрыли выходы – высокие фаянсовые вазы, украшавшие площадку на лестнице, остались целы, а в случае драки их бы непременно разбили. И вот вопрос: куда делись налетчики? Ведь штурм дворца происходил совсем недавно, наверняка во время покушения на Турлей-Хана или даже позже. Трупы остыть не успели! Что ж, надо идти вниз, к сокровищнице...

Те несколько дней, что варвар провел пленником мага в камере, находившейся в нижних помещениях, не забылись, и дорогу туда киммериец помнил, однако тогда Конана доставили в дом с другого входа... Сейчас оставалось лишь отыскать лестницу, ведущую к подземным помещениям, и Конан снова спустился в зал первого этажа и по очереди проверил все двери. За одной оказался пустующий темный зал, за другой – библиотека, чьи стеллажи были до верха набиты пергаментными свитками и толстыми книгами в роскошных переплетах. Следующая дверь упорно не открывалась, и Конан решил не тратить время на ее взлом. Открыв очередные створки, варвар попал в длинную и узкую галерею, большую часть которой занимал массивный стол, загроможденный множеством серебряных и медных предметов, о назначении которых киммериец мог только догадываться. Судя по тому, что на столе имелся также оправленный в золото хрустальный шар для гадания, Конан предположил, что именно здесь Радбуш занимался своей магией. Часть стеклянных магических приспособлений была перебита, над осколками поднимался едко пахнущий дымок, а из трещин колб, ванночек и трубок вытекли струйки разноцветных жидкостей, образовав на полу радужные разводы. Быстро осмотрев помещение, Конан решил было, что других выходов отсюда нет, но, приглядевшись, заметил чей-то сапог, торчавший, как ему сперва показалось, прямо из стены. Ну конечно, очередной мертвый охранник с метательным ножом, наискось вошедшим в горло, застрял в потайной двери, и его тело не дало тяжелой створке закрыться. За дверью обнаружилась узкая винтовая лестница, уходившая вниз, в темноту.

Наполовину прогоревший факел сыпал искрами, плохо освещая путь. Конан спускался по лестнице, то и дело натыкаясь на трупы – охранники Радбуша сражались до последнего, шаг за шагом отступая вниз. Он насчитал еще около десятка мертвцев (убитых самым разнообразным оружием, вплоть до метательных звездочек) и почти сотню ступеней, когда лестница закончилась в сводчатом коридоре, тускло освещенном несколькими уцелевшими лампами с масляными фитилями внутри. Коридор киммериец узнал с первого взгляда – его бывшая камера выходила в похожий, если не в этот же самый.

“Но что же тут произошло? – недоумевал Конан, тихо ступая по каменным плитам коридора и время от времени заглядывая в камеры и укромные закутки – не уцелел ли кто-нибудь из защитников дома. – Такое впечатление, что нападавшие ворвались, зарубили растерявшихся от неожиданности стражников у входной двери чем-то вроде легких сабель, а затем начали действовать по обстоятельствам – душили, метали ножи, некоторых подкарауливали за углом... Оставшиеся в живых разбежались или попытались уйти в подвал, чтобы оттуда выбраться из дворца. А может они рассчитывали найти здесь какую-то помощь? Судя по всему, ни то, ни другое оборонявшимся не удалось... Но где же Радбуш? Или на дворец напали в его отсутствие?»

Не представляя, что и делать, варвар плонул на осторожность и негромко прокричал:
– Радбуш! Мирдани! Есть тут кто?

Эхо гулко отдалось в коридоре и стихло. Похоже, что в этом большом пустом доме, полном залов, переходов, потайных лестниц и комнат он был единственным живым существом, если не считать рычащих где-то в подземельях зверей, которых Радбуш, надо полагать, использовал для своих магических и ученых изысканий.

Впереди мелькнул свет, гораздо более яркий, нежели тот, что давали фонарики на стенах, и Конан прижался к холодному камню, торопливо опустив свой факел. Но свет не приближался и не удалялся, и, выглянув из-за угла, киммериец увидел источник странного сияния – проем меж стеной и чуть приоткрытой маленькой железной дверью. До нее было не более десяти шагов, и Конан осторожно заглянул в комнату за дверью, но поначалу не смог ничего разглядеть. Яркий свет лился из лежавшего на полу полупрозрачного шара, и ослепленный киммериец откатил его в сторону, набросив сверху темную тряпку, попавшую под руку. Режущее глаз сияние ослабло, варвар увидел стоящие вдоль стен огромные сундуки, окованные полосами стали, а затем – простертное под бесформенной грудой тряпок мертвое тело, из-под которого натекла большая и тускло мерцающая в приглушенном свете шара темная кровавая лужа.

Конан осторожно перевернул на спину лежавшего ничком на полу человека и, узнав его, от неожиданности отступил, негромко выругавшись. У его ног покоилось бездыханное тело личного мага султанапурского эмира Радбуша, убитого одним ударом кинжала в живот. На лице мага застыло удивленно-недоумевающее выражение застигнутого врасплох человека...

Нож Конан тоже узнал. Это был его собственный кинжал, подарок шейха Джагула аль-Баргэми. Оружие аквилонского мага, жившего в древности.

“Просто замечательно! Теперь представим, что еще до того, как я сюда пришел, в это мертвое царство заявились бы стража и эмирский судья для выяснения обстоятельств смерти почтенного мага. На кого в первую очередь падает подозрение? Конечно, на уважаемого мэтра Дагарнуса, и десяток свидетелей охотно подтверждают, что он постоянно таскал с собой этот кинжал! Не-ет, здесь действует кто-то очень умный и хитрый. А кинжал я все-таки заберу, пригодится. Радбуш не последний маг на этом свете.”

Конан наклонился, выдернул всаженный по самую рукоять клинок, и тут сзади прозвучал тихий и вежливый голос:

– Объясни, зачем тебе это понадобилось?

Конан развернулся, вскидывая меч, но успел остановить руку, уже готовую нанести удар. Убивать неожиданного визитера он не собирался. В дверях стоял старший надсмотрщик Кезанкийских медных рудников Мораддин, а из складок его капюшона выглядывала маленькая летучая мышь. Белый зверек скалил мелкие и острые как иголки зубы, сердито

шипя. Мораддин покачивался с носков на пятки, бесстрастно осматривая сокровищницу, и терпеливо ожидая ответа на свой вопрос.

— Я его не убивал, — мрачно сказал Конан. — Когда я пришел, Радбуш уже был мертв... А ты откуда здесь взялся?

— И я должен тебе верить? — Мораддин, не обратив внимания на вопрос варвара, саркастически поднял бровь. — Может, ты скажешь, что и стражу дворца перебил не ты?

— Соображаешь, что говоришь? — огрызнулся киммериец, усилием воли подавив острое желание придушить настырного коротышку и поскорее смыться отсюда. Инстинкт да и обычная логика подсказывали ему, что дому Радбуша недолго стоять пустым. — Я, знаешь ли, пусть и недурно владею мечом, но положить пятьдесят человек, не поставив на уши всю Туранскую империю, не в состоянии...

Старший надсмотрщик беззвучной скользящей походкой вошел в комнату, тщательно осмотрел тело бывшего султанапурского мага, покачал головой и сожалением признал:

— Пожалуй, я был не прав. Тебе бы пришлось согнуться в три погибели, чтобы ударить его в самый низ живота... Да и метнув кинжал, ты бы не смог сюда попасть — клинок вошел бы под другим углом. Хорошо, допустим, что убил Радбуша не ты. Тогда кто?

— А я откуда знаю? Те же, что устроили взбучку стражникам.

— Логично. Сколько их было? — задумчиво спросил то ли у Конана, то ли у самого себя Мораддин.

— Почем я знаю? Может, сотня. А может, человек пять или шесть. Очень хороших бойцов, если они смогли справится с ним... — Конан кивнул на труп мага. — Он хотел здесь спрятаться, или же у Радбуша в этом подземелье хранилось нечто, способное одолеть нападавших...

— Наверное, — Мораддин покачал головой, видимо, в ответ на собственные мысли, затем быстро обошел сундуки, пытаясь поднять крышки, но ни одна не шелохнулась. — Интересно, они нашли то, что искали? Мне почему-то кажется, что нашли...

— А я думаю, что если мы будем здесь торчать, то никому не докажем, что не имеем к этому делу никакого отношения, — перебил Конан. — Мне-то все равно, я уже покойник, причем дважды... А вот у тебя будет полно неприятностей. И кстати, как ты здесь оказался?

— Через дверь и по лестнице, — без тени улыбки ответил Мораддин. — Но, похоже, я пришел чуть раньше тебя и чуть позже них... Просто дольше искал вход. А насчет того, откуда и почему я здесь взялся... Мышка нашептала.

Он щекотал пальцем пушистую грудку крылатого зверька, и тот с готовностью подтвердил слова хозяина тихим писком. Поняв, что поиски ни к чему не приведут, Мораддин задумчиво произнес:

— Его здесь нет. Они его забрали.

— Кого — его? — уточнил Конан.

— Кувшин, конечно, — терпеливо пояснил Мораддин. — Только не говори мне, будто ты пришел сюда не за Нейгламом, а для философской беседы с почтенным Радбушем.

— Ну да, за Нейгламом, — признал Конан. — А... А тебе-то он зачем?

Не отвечая, Мораддин покинул сокровищницу, вышел в коридор и направился к лестнице. Конан, озадаченно посмотрев ему вслед, пробормотал: “Во дает старина Ниорг — послал за своим сокровищем и меня, и его! Если у одного не получится, то другой уж точно пробьется!” и отправился следом. Варвар догнал Мораддина уже на середине лестницы — старший надсмотрщик, судя по всему, очень торопился.

– Не сомневаюсь, тебя послал Ниорг, – быстро сказал ему киммериец вдогонку.

– И что же? – тихо произнес Мораддин, обернувшись.

– Да то! И я пришел к Радбушу по его просьбе.

– Дальше? – голос Мораддина был по-прежнему бесстрашен.

– Если у нас одна цель, то почему бы не добиваться ее вместе?

Конан смотрел своими синими глазами на низкорослого полугнома, и тот, после краткого раздумья, вздохнул и протянул ему руку.

– Ты не лукавишь, – сказал Мораддин. – Я умею это чувствовать.

И вдруг, сдержанно и тихо рассмеявшись, он добавил:

– М-да, хорошая компания у нас подобралась – бывший капитан хэрда и северный дикарь!.. Ладно, пошли.

Конан невольно поморщился – рукопожатие Мораддина оказалось уж больно крепким для такого коротышки. Да, сила гномьего племени в нем жива... Что ж, лучше такой союзник, чем никакого.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Первым опасность почуял Мораддин. Со стороны длинной сводчатой галереи, шедшей вдоль всего первого этажа дома Радбуша, доносились неясные шорохи и лязг железа. Конан, шедший вслед за своим бывшим надсмотрщиком, решил было, что в той стороне находятся уцелевшие после разгрома дворца люди или кто-то из раненых пытается выползти во двор, а затем на улицу, но Мораддин, подняв ладонь, остановил киммерийца, прислушался, а потом едва слышно прошептал:

— Шесть человек. Все вооружены и, как я понимаю, никто из них не ранен...

Конан не успел подивиться, откуда его спутник знает такие подробности, потому что Мораддин, схватив варвара за запястье, быстро потянул за собой к коридору, уводящему в западную часть дворца. Киммерийцу пришлось последовать за ним, но для порядка он нагнулся и прошипел:

— Куда тащишь? Выход в другой стороне!

— Помолчи, пожалуйста, — пробурчал Мораддин. — Всем сердцем чувствую, что через главные двери нам уже не выйти. Где шестеро — там и шестьдесят. Я тут видел еще парочку выходов...

Они прошли еще с десяток шагов, миновав коридор и оказавшись возле лестницы наверх. Тому, что на нижних ступенях лежали двое мертвцев, уже никто не удивился. Тут Конан резко остановился, вспомнив кое-что важное.

— Э, постой! Где здесь женская половина?

Мораддин запнулся от неожиданности о край ковра, а потом несколько удивленно взглянул на варвара снизу вверх.

— Тебе не кажется, что это несколько не вовремя? — спросил он. — Неужто так не терпится?

— Заткнись, — рыкнул Конан. — Я не о том! В доме была женщина, которую похитили из семьи, и я должен вернуть ее.

Мораддин вздохнул, оглянулся и, после некоторого раздумья, указал на лестницу, ведущую ко второму этажу.

— По моему, там, — он потянул носом воздух и сказал уже увереннее, — точно, наверху. Попахивает благовониями и ароматическими маслами... Идем?

Конан рванулся вверх по лестнице, перепрыгивая через две-три ступени. Когда он оказался на верхней площадке, то увидел массивную дверь, выложенную плитками самоцветных камней и, само собой разумеется, труп стражника. Этот был убит особенно необычно и изощренно — из пустой, вытекшей глазницы торчала длинная металлическая игла. Киммериец уже собирался толкнуть дверь, предварительно сняв с ручек саблю нездачливого стража, положенную на них сверху так, чтобы створки было невозможно открыть изнутри, когда сзади послышался голос Мораддина.

— Удивляюсь, какими искусствами были нападавшие, — он кивнул в сторону мертвого охранника. — Метательные иглы с ядом употребляются лишь в одной провинции Кхитая, и обращению с ними надо учиться долго... А ему прямо в глаз попали. Что стоишь, давай полюбопытствуем, как там внутри, — Мораддин тихонько толкнул дверь ногой, и, решительно отстранив Конана, юркнул в узкий коридор первым. Не привыкший идти в арьергарде киммериец мигом догнал Мораддина и, хмыкнув, буркнулся:

— Так кому тут не терпится?

— Я думаю, ему, — спокойно сказал Мораддин, указывая в стенную нишу. Там, забившись в самый дальний угол, сидел человек, судя по напряженному, шумному дыханию, живехонький, и, может быть, даже здоровый. — А не терпится ему очень быстро и коротко рассказать нам о произошедшем...

Могучая рука киммерийца выволокла из щели человека, по ближайшему рассмотрению оказавшегося пожилым евнухом в темных длинных одеяниях. Стариашка трясясь от ужаса, взирая на двух вооруженных людей так, словно они были демонами Нергала, явившимися забрать его живьем в царство теней.

— Ты кто? — рявкнул Конан и тут же получил от Мораддина локтем под ребра. Вспомнив, что поблизости уже вовсю разгуливает городская стража, варвар понизил голос, и, тряхнув евнуха за воротник, повторил:

— Ты кто такой?

— Я Габир ад-Дин, — пропищал толстяк, с нескрываемым страхом поднявший глаза на Конана. — Я служу евнухом в серале...

— Служил, — бессердечно поправил Конан. — Ты знаешь, что произошло во дворце?

Старик, пытаясь унять дрожь в голосе, пару раз шумно выдохнул, а затем тихонько сказал:

— Я не видел, как они напали. Стражу перебили очень быстро, а потом ворвались сюда...

— Кто — они? — снова потряс евнуха за шиворот киммериец. — Как выглядели?

— Они походили на людей, живущих на востоке. По-моему, на кхитайцев... Человек восемь, может быть, больше. И с ними один — явно их хозяин — этот, скорее всего, турец. Пришли, напугали женщин, едва не убили меня... — старец бормотал все тише, и Конану приходилось подбадривать его речь легкими пинками. Евнух был напуган так, что боялся даже слово лишнее о неведомых налетчиках обронить. — А новая жена господина Радбуша обрадовалась, заплакала и ушла вместе с ними...

— Что? — снова повысил голос Конан, почувствовав подозрительное. — Ее имя? Имя новой жены?

— Мирдани... — выдохнул евнух. — Она из племени зуагиров...

— Кром! — схватился за голову киммериец. — Да что, в конце концов, происходит? Ты уверен, что напавшие на дом люди были кхитайцами?

— Да, — едва не плача, простонал старик. — Они говорили между собой на своем языке, а я знаю достаточно слов по-кхитайски, чтобы опознать это наречие... У господина несколько жен из Кхитая...

Конан, ошеломленный, замолчал, пытаясь увязать воедино убийства Радбуша и Турлей-Хана, уничтожение почти всех слуг и охранников придворного мага, неизвестно откуда свалившихся кхитайцев, которым обрадовалась Мирдани и заодно появление Мораддина... Если бы последний не дернул киммерийца за рукав, то у Конана от усиленной работы мысли повалил бы из ушей дым.

— С нами, мне кажется, хотят побеседовать, — быстро проговорил Мораддин, указывая в сторону площадки наверху лестницы. — Не думаю, что эти люди просто желают осведомиться о нашем здоровье...

Евнух Габир, вззигнув коротко и обреченно, вырвался из ослабевших на мгновение рук Конана, и со всех ног кинулся дальше по коридору в полумрак, а сам киммериец выхватил меч, заметив появившиеся силуэты людей. Явно военных или стражников.

— Беда в том, что в гареме лишь один выход, — огорченно заметил Мораддин, оценивающим взглядом меря приближавшихся туранцев. — Как это не досадно, но придется прорываться с боем. Вот и посмотрим, на что ты способен, Конан из Киммерии... Ну, а первые слова в споре скажу я.

Потомок гномов левой рукой запихнул выползшую на плечо мышку поглубже в капюшон, правой порылся под одеждой, и варвар не успел разглядеть, как неожиданно вывернулась ладонь Мораддина, из которой с высоким визгом вылетели сразу несколько метательных звездочек.

По мнению Конана, стражников было четверо. Так оно и оказалось, когда северянин, переступая через трупы, мельком пересчитал их. Он лишь уважительно пробурчал что-то под нос, заметив в горле у каждого по четырехконечной серебряной звезде, размером с монету. Мораддин одним движением руки сумел уложить всех четверых так, что ни один даже не пикнул.

“Недурного попутчика мне послали боги! — мелькнуло в голове у Конана. — Если бы я на каторге знал, с кем связываюсь, видит Митра, был бы поосторожнее!”

— Если хочешь, я тебя потом научу, — спокойно сказал Мораддин, вытаскивая свое невесомое, но смертельное оружие из ран, и снова пряча где-то в складках одежды. — Так, насколько я понял из твоей беседы с этим... почтенным старцем, женщины, которую ты искал, здесь нет?

— Похоже, что нет, — мрачно отозвался Конан. — А вот загадок прибавилось. При чем тут кхитайцы?

— Их работа, — со знанием дела подтвердил Мораддин. — Уж я подобного насмотрелся еще в хэрде царя Илдиза. И ничего удивительного в том, что десяток великолепно обученных убийц без шума и привлечения лишнего внимания смогли взять дворец в самом центре города. Нас самих такому учили... Давай выбираться отсюда, а?

— Сложновато будет, — заметил киммериец, прислушиваясь к грохоту сапог на первом этаже здания. — Сейчас в дом сбежалось столько вояк, что прорываться придется с трудом.

— Прикрывай меня со спины, — бросил Мораддин и, не дожидаясь возражений несколько ошеломленного таким требованием варвара, шагнул к лестничной площадке. — Внизу — по коридору налево. И причем очень быстро!

Они свалились на головы ничего не понимавших и бесцельно слонявшихся по коридорам дворца гвардейцам, словно лавина камней с горы. Троих военных, скорее всего, вызванных властями города для оцепления и охраны дома Радбуша, Мораддин прикончил мгновенно, едва достигнув нижней ступени — его длинный и странно узкий меч не успел даже коснуться стали их сабель, как сами кавалеристы (между прочим, прекрасно владевшие сабельным и мечным боем) оказались повержены. Но когда первый испуг прошел, и в зале разнеслись боевые кличи и стоны раненых, Конану и Мораддину пришлось несладко.

...Это потом киммериец узнал, что городская стража во время облавы по Верхнему городу обнаружила убитых телохранителей мага у взломанных дверей дворца, и офицер патруля, быстро отослав гонцов к тысячунику и эмиру, моментально получил подкрепление в виде пяти десятков конных военных и двух дюжин городских стражников. Они оцепили дом, рассыпались по всем помещениям, обыскивая комнаты и коридоры, надеясь, что погубившие Радбуша злодеи еще в доме. Позже к семи с лишним десяткам вооруженных людей добавились еще и телохранители главного судьи султанапурской провинции, которого эмир Хайберди-Шах поднял ночью с постели и поручил немедля обследовать дом дабы установить

причину невиданного доселе в этом городе преступления...

* * *

Опешившие поначалу гвардейцы довольно скоро разобрались, что напали на них лишь два неизвестно откуда выскочивших человека. Разумеется, никто не стал утруждать себя вопросом – а имеют ли эти двое вообще какое-либо отношение к событиям во дворце? – и Конан понял, что в любом случае именно он с Мораддином будут считаться виновниками произошедшего побоища.

Моментально выяснилось, что любая попытка прикрывать Мораддина являлась изначально безнадежным делом – невозможно прикрывать человека, находящегося в трех или четырех местах одновременно. Киммериец успел услышать, как снова свистнули, рассекая воздух, метательные звездочки, увидел стражников, валявшихся на пол, а потом ему стало не до коротышки-полугнома. Видимо, гвардейцам до смерти надоели неизвестные, устраивающие покушение за покушением и уходящие из-под самого носа. Теперь они задались целью зарубить каждого, хоть самую малость смахивающего на преступника.

...Уже через мгновение вокруг Конана образовалась круговерть из кричащих людей, стремительно взлетающих кривых сабель, и быстротечно растущий завал из тел убитых и раненых врагов. Вообще-то, в общей свалке есть и хорошая сторона – чем больше противников, рвущихся вперед, и желающих показать собственное геройство, тем чаще они мешают сами себе, помогая обороняющимся. Северянин уже не раз попадал в подобные переделки, и прекрасно знал, что главное в таком бою – успевать следить за тем, что выделяют лезущие через головы друг друга нападающие, и не позволять слишком близко подбираться к себе – всегда может найтись какой-нибудь удачливый идиот, перед смертью поцарапавший тебя своим оружием...

Легкие туранские сабли так и не сумели пробить брешь в защите, сплетенной тяжелым и длинным мечом северянина. Когда первая волна нападавших отхлынула и туранцы, сообразив, что так просто, с насоку, огромного и сильнущего варвара не возьмешь, Конан мельком взглянул, как дела у Мораддина. Судя по валявшимся на полу поверженным гвардейцам, старший надсмотрщикправлялся со своей задачей очень прилично. Его летучая мышка, кстати, тоже принимала участие в сражении – ничуть не испугавшись множества людей и горящих факелов, она выбралась из капюшона Мораддина, взлетела и вцепилась в физиономию одного из нападавших. Судя по раздавшимся воплям, когти и зубы у маленького крылатого негодяя были довольно острые...

Киммериец поиском взглядом коридор, о котором говорил Мораддин, и с некоторым удивлением обнаружил, что стоит шагах в пяти от входа в него. Правда, эти пять шагов следовало еще преодолеть, ибо отступившие было стражники, то ли набравшись смелости, то ли получив подкрепление, явно собирались повторить атаку.

– Эй! – рявкнул Конан, привлекая внимание Мораддина. – Пошли!

В два длинных прыжка, киммериец добрался до открытой двери, заодно свернув по дороге шею одному из особо ретивых гвардейцев, а спустя мгновение за варваром в темный коридор вылетел Мораддин. Они быстро захлопнули дверь, тотчас задрожавшую под ударами

многочисленных обутых в подкованные сапоги ног, задвинули не слишком надежного вида засовы и бросились по проходу

— Долго она не продержится, — на бегу сказал Конан, оглядываясь на тонкие деревянные створки. — А драка вышла неплохая, не находишь?

— Да, — коротко согласился Мораддин. — Но меня больше интересует, сколько людей может находиться во дворе...

Такое соображение Конану в голову как-то не приходило, но менять направление было поздно — обогнув поворот коридора, они выскочили прямо во двор. К счастью, выход располагался на приличном расстоянии от главных дверей дома и никто из стражников, заполнивших пространство перед дворцом, не ожидал, что отсюда появится враг. Каравул, конечно, здесь поставили, но расправиться с тремя не слишком бдительными охранниками оказалось делом недолгим... Один из стражников упал, схватившись за распоротое звездочкой Мораддина горло, второго Конан попросту приложил об угол окованной тяжелой двери, а третьему одновременно досталось тяжелым кулаком киммерийца в челюсть и пяткой Мораддина под коленку. Несчастный рухнул навзничь, с размаху ударившись затылком о каменные плиты двора, и его мозги брызнули во все стороны, испачкав черные шаровары Мораддина.

Возле дома Радбуша тоже имелся сад, пусть и не столь густой, как у дворца пятитысячника, но вполне обширный, чтобы скрыть двух человек. Судя по разнесшемуся вскоре грохоту и радостному вою, дверь в коридоре наконец выбили, и все уцелевшие после короткого, но кровопролитного боя в зальчике возле входа в сераль воины выссыпали во двор, немедленно устроив суматошную неразбериху, суть которой сводилась к одному жизненно важному вопросу — куда смылись негодяи, учинившие только что настоящий разгром в рядах султанапурской гвардии?

Негодяи же сидели в кустах, прислушиваясь к каждому шороху, и шепотом обсуждали, как бы скорее и незаметнее покинуть негостеприимный дворец. Конан заявлял, что в царящей сейчас суматохе двоих беглецов никто не заметит, а потому надо попросту подобраться к воротам, и в подходящий момент рвануть наружу. Мораддин спокойно и вполне рассудительно заметил на слова варвара, что “подходящего момента” может и не случиться, а кроме того, выбравшись на улицу, вполне можно оказаться в обществе многочисленных патрулирующих, и вооруженной оравы стражей порядка, что носятся по городу, выискивая покусившегося на жизнь Турлей-Хана. По мнению старшего надсмотрщика, следовало пока посидеть тихо и посмотреть, как станут развиваться события. Не исключено, что придется вернуться во дворец и спрятаться в комнатах... Ведь, как известно, лучшее убежище — место, осмотренное врагом.

— Ноги моей в этом проклятом доме не будет! — прошипел в ответ Конан, чуть громче, чем следовало. Возмездие за несдержанность наступило немедленно.

— Там кто-то есть! Я слышал голоса! — крикнул кто-то из стражников, с треском вламываясь в кусты. — Факел мне!

Мораддин сокрушенно вздохнул, запустил в чрезмерно ретивого туранца своей звездочкой, попал, после чего быстро сообщил Конану, что больше метательных орудий не осталось, и теперь, хочешь не хочешь, а придется уходить через ворота. И все из-за пагубной привычки некоторых северян орать по любому поводу, вместо того, чтобы говорить, как нормальные люди... Киммериец пропустил слова Мораддина мимо ушей, ибо его внимание привлекло нечто более интересное, нежели брюзжание бывшего начальника или рвущиеся

сквозь заросли стражники и гвардейцы. Лошади. Около десятка коней, оседланных и готовых в любой момент сорваться с места. Правда, под охраной, но какое это имеет значение?

— Мораддин, ты верхом ездить умеешь? — спросил Конан, потому что не очень представлял, как невысокий полугном, чья голова едва выглядывает над спиной лошади, сможет забраться в седло без посторонней помощи.

— Умею, — во всегда спокойном голосе Мораддина мелькнуло что-то, похожее на раздражение.

— Тогда — вперед, — и киммериец, не дожидаясь согласия спутника, под прикрытием кустов двинулся в сторону, где пофыркивали и звенели уздечками, настороженно прядая ушами, лошади. Конан уже почти добрался до цели, когда гвардеец, стороживший лошадей, заподозрил неладное, окликнул напарника, и, подняв факел повыше, подошел к темным кустам барбариса.

— Я — дальнего, ты — этого, — шикнул над ухом киммерийца Мораддин, стремительно бросаясь вперед. Конан мельком подумал, что, даже пробираясь через довольно густое переплетение ветвей, коротышка производит шума не больше, чем крадущаяся кошка.

Все было проделано тихо и относительно незаметно. Прежде, чем военные и городские стражники во дворе и на улице сообразили, что происходит нечто подозрительное, двое верховых вылетели из ворот дома Радбуша и галопом понеслись по ночному городу в направлении посольского квартала.

* * *

Их обоих спас опыт Мораддина, прекрасно знавшего еще по своей службе в Аграпуре порядки в турецкой гвардии и секретной службе. Несомненно, два всадника без форменной одежды, скачущие неизвестно куда по городу, в котором после убийства дворцового мага и пятитысячника эмир ввел своим указом осадное положение и поднял на ноги все находившиеся в его распоряжении военные части, не могли не привлечь пристального внимания. На одних перекрестках Мораддин во весь голос орал, что послан эмиром по специальному поручению и выкрикивал принятые в секретной службе тайные пароли, на других попросту сметал своим разгоряченным конем вставших поперек дороги нездачливых охранников... Позже Мораддин рассказывал Конану, что в секретной службе и тайной гвардии царя Илдиза приняты некоторые слова из древнего наречия туранцев (и в нынешние времена полностью забытые), что способны открыть любую дверь и остановить каждого нападающего, который посвящен в тайны секретных служб Аграпура. Сейчас знания Мораддина, полученные во время службы в хэрде Илдиза, как нельзя более пригодились.

— Куда едем? — выкрикнул Мораддин, поворачиваясь к Конану. Только что позади остался еще один пост стражи, расступившейся перед волшебными словами бывшего гвардейца царя. — У тебя есть надежное убежище?

— Есть! — гаркнул Конан. — Гони за мной!

— Если оно в городе, то коней стоит оставить за пару кварталов до твоего укрытия, — услышал киммериец голос Мораддина. — Потом придется идти пешком. Нас могут найти по

лошадям, больно уж они приметные... Видел гвардейское тавро на левой ноге, почти у хвоста?

“Ай да молодец, – с долей уважения подумал Конан. – Туго бы пришлось, будь я без него... А откуда он здесь взялся – дело десятое!..”

Увидев знакомые дома и зингарское знамя на одном из них, киммериец натянул поводья, едва не подняв лошадь на дыбы, заставил ее остановиться, спрыгнул на землю, и, кивнув своему неожиданному союзнику, предлагая сделать то же самое. Еще пара улиц – и должен показаться дом Стейны.

– Пошли! – варвар махнул рукой, и пружинистой походкой зашагал вверх по улице, не забывая посматривать по сторонам. В посольском квартале патрулей было значительно меньше, нежели вокруг домов городской знати и вельмож, но нарываться на очередные неприятности не хотелось.

– Подожди-ка, пожалуйста, – сказал Мораддин. – Сейчас отправлю лошадей в другую сторону, чтобы не навели на след, и пойдем.

– Это как? – заинтересовался киммериец, обернувшись. – Напугаешь?

– Наподобие, – буркнул полугном, и, прикрыв глаза, сложил ладони возле рта лодочкой, быстро что-то прошептав, а затем дунув в сторону взмыленных и тяжело дышащих лошадей. Те подняли головы, огляделись, а затем, к удивлению Конана, легкой рысью уверенно отправились в сторону, откуда только что прискакали.

– Магия? – настороженно спросил варвар.

– Да какая там магия! – отмахнулся Мораддин. – Так, умение от предков. Лошадки вернутся к хозяевам. Я много кем побывал за свою жизнь, но становится конокрадом не хочу. Не в наших это традициях...

– Ну-ну, – только и сказал киммериец. Интересно, “наши традиции” – это чьи? Гномы, что ли? Конан помнил встреченного однажды гнома, именем Алвари – маленького рыжего негодяя, который был куда менее разборчив в средствах достижения цели. Впрочем, у подгорного народа много разных племен, и среди них встречаются свято чтящие законы, запрещающие брать то, что принадлежит другим, также часто, как подлецы, воры и прохвости... Варвару отчаянно не терпелось расспросить Мораддина о его происхождении, но времени пока для этого не было. А в родстве его с бородатыми рудознатцами киммериец уже не сомневался – пусть и ростом повыше, да и человеческого в Мораддине много, но внешность и некоторые типичные гномы повадки выдают.

Они двинулись по улице, мимо купеческих и посольских домов. По мнению Конана, уже давно перевалило за полночь, и, соответственно, во “Вратах Ста Удовольствий” сейчас самое веселье, даже несмотря на последние события в городе. Разве что военных да офицеров городской стражи поменьше, а то и совсем нет. Ну и отлично – не придется пробираться в дом будто ворам. Но все одно надо будет идти не через парадную дверь...

– Видишь? – киммериец указал пальцем на роскошное здание вдалеке с двумя вычурными красными лампами у входа. – Нам туда.

– Забавно, – чуть улыбнулся Мораддин. – Надежное убежище, говоришь? У тебя там что, друзья?

– Подруга, – уклончиво сказал Конан. Он не сомневался, что Стейна примет их обоих, но варвар хорошо и ясно представлял, в какие слова хозяйка “Врат” облечет вполне справедливое недовольство новым и опасным постояльцем.

– Именем эмира! Вы, двое – стоять! – голос прогремел из темного проулка, в котором

скрывался наряд стражи. Оттуда им прекрасно была видна вся улица и каждый прохожий, а сами стражники оставались в тени, почти невидимые и незаметные. Мораддин, не раздумывая ни единого мгновения, повернулся и шагнул навстречу вышедшему из темноты офицеру, а Конан, недобро ощерясь, уже положил ладонь на рукоять скрытого под плащом кинжала.

— Кураб дазах, — видимо, эти слова Мораддина были одним из тайных паролей, потому что лицо десятника, за спиной которого маячили еще четверо вооруженных турецких, недоуменно вытянулось. Сделав паузу, полугном чуть поклонился офицеру, и сказал:

— Мое имя... Сах-ад-Дин, капитан хэрда Аграпура, — он ткнул рукой в стоявшего рядом Конана, добавив, — этот человек со мной. У нас свободный проход через посты.

Десятник помолчал, оглядывая подозрительных субъектов, а потом медленно и тяжело произнес:

— Пароль изменен шесть дней назад. Капитан хэрда его величества не может не знать об этом... Говори правду, недомерок, кто ты такой и почему используешь чужое имя?

Офицер едва заметным движением руки дал понять своим, что задержаны необычные и вызывающие сомнения люди. Стражники, выступив из полумрака переулка и обнажив оружие, встали по сторонам, закрывая Конану и Мораддину путь к отступлению.

Киммериец еще раз убедился в незаменимости нового напарника. Собственно, пока Конан выхватывал меч из ножен за спиной, Мораддин голыми руками уложил двоих стражников, а с ними и офицера. Первый беззвучно отлетел к стене купеческого дома, пораженный молниеносным ударом под ребра справа, второго Мораддин завалил на землю в прыжке, попросту сломав ему шею доселе невиданным киммерийцем приемом — локоть полугнома ударили турцу в левый угол нижней челюсти, а вторая его рука в этот же момент коснулась правого виска стражника, в результате чего голова неестественно вывернулась и послышался короткий, но ясно различимый хруст позвонков. Мигом позже подошла сапога бывшего гвардейца Илдиза соприкоснулась с физиономией десятника. Конан искренне удивился, увидев, как офицер падает на мостовую, прижав обе руки к глазнице, из которой хлынула кровь вперемешку с содержимым глазного яблока.

— Эти твои, — донесся до варвара голос Мораддина, но Конану указания совершенно не требовались. Остолбеневшие при виде мгновенной гибели командира солдаты были не в силах даже поднять саблю, не то что оказать киммерийцу достойное сопротивление. Его меч беззвучно мелькнул в воздухе, задев двух оставшихся стражей в самые уязвимые места на шее, и те, захлебываясь своей кровью, рухнули на плиты, коими была вымощена улица.

— Какая досада, что изменили пароль, — с искренним сожалением в голосе сказал Мораддин, мрачно оглядывая поле боя. — Если бы все осталось как прежде, они ушли бы живыми...

Конан нагнулся над телом десятника, которое уже не подавало признаков жизни и, внимательно изучив в свете уличного фонаря странную рану на его лице, в недоумении повернулся к полугному.

— Слушай, а как это... Сапогом?

— Неужели никогда не видел? — изумился Мораддин, и выставил вперед правую ногу. — Посмотри на носок.

— Круто, — выдохнул киммериец, выпрямившись после внимательного осмотра необычной обуви своего спутника. Из подошвы мягкого сапога Мораддина выглядывало меньше чем на ноготь острие темной стальной иглы. А когда тот по особенному стукнул

каблуком о камень, игла вдруг выскоцила почти на ладонь вперед и тут же вновь исчезла.

— К тому же внутри иголки имеется узкий канал с ядом, — как бы невзначай заметил коротышка. — Давай оттащим их вон к тому сарайчику.

Предложение было совершенно верным — не следовало оставлять следы своей бурной деятельности всего в двух шагах от возможного убежища. Дом Стейны после поимки Конана Радбушем и так оставался под подозрением. Убедившись, что поблизости кроме них, никого нет, варвар вместе с Мораддином мигом перетащили все пять трупов в переулок к огороженному невысоким и редким заборчиком сараю, и забросали их сеном, которого нашлось достаточно для воздвижения турецким воинам небольшого и недолговечного надгробного памятника в виде округлого стожка.

Из главного входа в заведение Стейны высунулся вышибала, не так давно побитый Конаном, и киммериец, сочтя за лучшее не попадаться лишний раз на глаза, увлек Мораддина в узенький проход меж домами, где находился задний вход для кухарок и продавцов продуктов. Неожиданно для Конана дверь оказалась запертой.

— Как негостеприимно, — хмыкнул он, дергая за ручку. — А я ведь предупреждал, что приду.

— Вскрыть? — поинтересовался Мораддин, оценивающим взглядом озирая замок. — Мне это не сложно.

— Да ну... — отмахнулся Конан. — У нас в Киммерии делают вот как...

Одного пинка оказалось достаточно, чтобы язычок замка выскоцил из гнезда, а его пружина, сломавшись, с визгом улетела в коридор.

— Хорошая страна Киммерия, — вздохнул Мораддин. — Только теперь замок чинить придется.

— Брось! — поморщился Конан, затаскивая спутника в полутемный коридор. — Сейчас наверх, на второй этаж. Познакомлю тебя с хозяюшкой.

Мораддин покорно прошел за варваром по узкой лесенке, затем по скрытому от гостей проходу для прислуки и, наконец, бесшабашная парочка оказалась возле покоев Стейны. Конан приложил ухо к двери, после недолгого раздумья решил, что хозяйка сейчас не занята и помешать обслуживанию какого-нибудь важного и степенного гостя они никак не смогут. Толкнув створки, варвар вошел в роскошные апартаменты “старой и больной женщины”.

— Привет! — воскликнул он, узрев хозяйку, разлегшуюся на кровати и листавшую бумаги, видимо, деловые. — Вот и мы!

Стейна, оторвавшись от кипы векселей и счетов, взорвалась на улыбающегося во весь рот варвара, затем перевела взгляд на низкорослого незнакомца, и, наконец, поднялась с ложа.

— Ну? — коротко спросила она. — Добыл?

— Не-а, — развел руками Конан. — Не вышло. Меня опередили, а твой самый лучший клиент, боюсь, больше прийти не сможет.

Стейна помолчала, не спрашивая разъяснений и снова смерила глазами старшего надсмотрщика. Конан еще раз оценил ее проницательность, услышав:

— Это вы э-э... Морадан?

— С вашего позволения, Мораддин, — любезно поклонился тот. — Нельзя ли у вас переночевать? Если это необходимо, то я оплачу все услуги...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Стейна, уперев кулаки в бока, бесцеремонно разглядывала Мораддина. Бывший капитан хэрда даже смутился; наверняка при дворе царя Илдиза ему пришлось повидать всякого, и было довольно странно видеть как лицо его залилось пунцовой краской, а взгляд переместился с дородного стана хозяйки «Врат» на пол. Мораддин внимательно изучал замысловатые узоры на ковре, устилавшем комнату Стейны и, если бы Конан не подтолкнул его, то начальник охраны медных копей так и остался бы стоять, уподобясь статуе из драгоценного красного мрамора.

— Оплатить услуги? — чуть насмешливо переспросила хозяйка. — Значит, они тебе нужны? — она улыбнулась одной из своих самых обольстительных улыбочек, коими потчевала высокопоставленных гостей, и Конан подумал, что храбрый Мораддин сейчас рассыплется в пыль, хотя после недавнего потрясающего прорыва из дворца Радбуша, горы трупов и моря крови, киммериец никак не ожидал от него такого юношеского смущения.

— Ну, ладно, ребятки, — сказала Стейна, решив, что достаточно помучила неожиданного гостя. — Вы тут отдыхайте, ешьте-пейте, а мне работать пора — у нас сегодня полно посетителей, и девочкам нужен мой надзор. Пока, детки!

В дверях она обернулась, собираясь сказать что-нибудь эдакое напоследок, и вдруг уши Конана и Мораддина пронзил оглушительный визг:

— А!!! Мышь!!! Мама!!!

Мораддин посмотрел на свое плечо и увидел, что белый зверек выполз из капюшона и смотрит, не мигая, круглыми красными глазками на женщину, словно удивляясь, неужели такое безобидное, крохотное создание способно вызвать панический ужас.

— Не бойтесь, она не кусается, — спокойно сказал Мораддин, прикрывая мышь ладонью. Но та не пожелала прятаться, когда вокруг происходит столько интересного, выбралась из-под его руки и, распустив крылья, взлетела к потолку.

— Убери!!! Выкинь немедленно эту гадость!!! — верещала Стейна, отмахиваясь руками, хотя мышь кружила достаточно высоко, чтобы задеть ее.

— Спрячь животину, а? — попросил Конан. — Побереги мои уши, если свои не жаль.

Усмехнувшись, Мораддин издал почти неслышный свист, летучая мышь тут же спланировала на ладонь хозяина и обиженно встряхнулась — испортили такую забаву! Мораддин сунул ее под плащ, где мышка долго еще возилась, возмущенно попискивая.

— Хе, послушная, — хмыкнул Конан.

— Два придурка! — бросила Стейна и вышла, громко хлопнув дверью.

Некоторое время Конан и Мораддин неподвижно стояли, глядя на дверь и вдыхая легкий аромат духов, оставшийся в комнате. Наконец, киммериец медленно проговорил:

— Нет, ну какая женщина!.. А, Мораддин?

— Да, — коротко ответил тот и отошел к столику с фруктами и вином.

— А разве тебе не понравилась? — Конан расплылся в благодушной улыбке и удивленно поднял брови. — Это ты зря. Ну, как может не понравиться Стейна?

— Да хороша, хороша. Трусиха, как и все бабы, — раздраженно проворчал Мораддин, прислушиваясь к доносящимся из находившегося поблизости зала звукам фриольной музыки, пьяным голосам гостей и женскому повизгиванию. — Тут что, кроме фруктов ничем не кормят? Если уж мне предстоит бурная ночь после не менее бурного дня, тот хотелось бы

поесть основательно...

Конан, давно освоившийся в доме Стейны и почитавшийся прислугой едва ли не хозяином, с деловым видом дернул шелковый шнур, где-то вдалеке отозвался колокольчик и почти сразу же в комнату постучались.

— Еды. И хорошей. И побольше. — отрывисто приказал Конан служанке, которая, получив приказ от этого страшного, загадочного человека, дравшегося не так давно с целой армией прямо в заведении госпожи Стейны, мгновенно скрылась, успев при этом бросить любопытный взгляд на очередного незнакомца, сидевшего в покоях госпожи. От наблюдательных женских глаз не ускользнуло испачканное брызгами крови одеяние лысоватого коротышки, и девушка убежала на кухню с мыслями, что госпожа питает непонятное пристрастие ко всяkim головорезам, и добром эта нехорошая тяга не кончится...

Конан, стянув с себя сапоги и с грохотом бросив их в угол, рухнул на постель и уставился на Мораддина, сидевшего у столика с видом бедного родственника, явившегося в зажиточный дом одолжить меру муки.

— Слушай, Мораддин, — решительно начал Конан. — Давно хотел спросить тебя, кто ты такой? На рудниках много всякого говорили, хотелось бы и правду послушать.

— Зачем тебе это? — тихо спросил Мораддин, глядя Конану в глаза.

— Хочется, — невозмутимо ответил Конан. — Честно скажу, таких как ты, я вообще не встречал, а попадалось много разных... интересных людей. И нелюдей.

После последних слов киммерийца Мораддин отвел взгляд.

— Ты гном?

Мораддин помолчал, потом тяжело вздохнул и еле слышно проговорил:

— Ну, хорошо. Я расскажу, кто я такой. Надеюсь, у тебя хватит ума держать язык за зубами.

— Можешь не беспокоиться. Не в моих привычках трепаться на каждом углу о чужих тайнах.

Мораддин повернул кресло так, чтобы сидеть лицом к слушателю, забрался на сидение с ногами, не удосужившись сбросить сапоги, и, огладив короткую бородку, заговорил по начало так тихо, что Конану пришлось напрягать слух.

— Я... не совсем гном. Мой отец принадлежал к этому народу.

— Ну, и дальше? — Конан заинтересованно взглянул на него и, поерзав на широком ложе устроился поудобнее, запихнув под голову несколько подушек. Мораддин, словно преодолевая самого себя, медленно продолжил рассказ, оказавшийся неожиданным для киммерийца:

— Около тридцати лет назад в предгорной бритунской деревне жила одинокая и нелюдимая девушка, рано потерявшая родителей. Звали ее Валона. Односельчане не любили ее, считая ведьмой — Валона унаследовала от матери знания о целебных травах, минералах, любовь ко всякой живности...

Возле ее дома, стоявшего у самого леса, жили дикие лесные звери, ничуть не боясь ее. Валона, закончив домашние дела, подолгу бродила по лесам, собирая травы и коренья, и иногда осмеливалась даже подниматься на склоны гор, за которыми лежала Гиперборея.

И вот однажды, возвращаясь после долгой прогулки в горах с ворохом целебных трав в переднике, Валона услышала отдаленный звук рога и лай собак. Она подумала, что благородные дворяне охотятся на оленя. Испугавшись, бедная девушка спряталась в одной пещерке, где обычно ночевала, если уходила из дома на несколько дней. Она сидела

и разбирала свои травки, как вдруг услышала шорох и хриплые стоны. Осторожно выглянув наружу, Валона увидела, как по камням, спотыкаясь и припадая на ногу, бежал человек очень невысокого роста, с длинной всклокоченной бородой и кудрявыми волосами до плеч. Он заметил ее, остановился, ошело оглянулся и прохрипел:

— Помоги!..

Он припал на колени, подполз к пещере и рухнул ничком. Совсем рядом послышался надрывный лай собак, конский топот и крики охотников. Не долго думая, девушка втащила незнакомца внутрь пещеры, выхватила из пучка трав какой-то пахучий корешок, быстро изломала его и разбросала куски у входа в пещеру. Забившись в дальний угол, Валона, замирая от ужаса, слышала, как заскулили и зафыркали собаки, отпугнутые запахом корешка, всадники, потоптавшись у подножия скалы и, видимо, не рассмотрев вход в пещеру, поскакали прочь. Долго еще девушка сидела неподвижно, прижимая к себе голову раненого, и не осмеливалась выглянуть наружу. Из оцепенения ее вывел слабый голос незнакомца.

— Спасибо тебе, дитя. Ты спасла меня от позорной смерти. Чем я могу отблагодарить тебя?

— Правдивыми речами, — отвечала Валона. — Кто ты и почему за тобой охотились благородные нобили?

— Я все расскажу тебе, только дай мне воды и помоги перевязать рану, — он протянул руку к бедру, и Валона, тихо вскрикнув, увидела глубокую рваную рану, нанесенную зубами огромной собаки, с которыми нобили охотились на крупную дичь. Девушка подхватила глиняный кувшин (в пещере у нее было немного кухонной утвари) и побежала к роднику, пробивавшемуся из скалы неподалеку.

Когда незнакомец был напоен, и рана его была смазана целебным бальзамом, а Валона, устроившись возле костерка, на котором побулькивал в горшочке травяной отвар, молча ждала, низкорослый человек заговорил:

— Ты спрашивала, кто я? Ты не испугаешься, если я скажу правду?

— Нет, — кротко ответила Валона, глядя в костер.

— Я — гном. И гнались за мной ради потехи... — голос незнакомца дрогнул, Валона подняла глаза и, встретив взгляд голубых глаз гнома, быстро опустила ресницы.

— Как зовут тебя, спасительница? — с улыбкой спросил он, видя ее непонятное смущение.

— Валона. А твое имя?

— Меня прозывают Гроином, сыном Фарина.

Отвар был готов, Валона сняла горшочек с огня и, налив в кружку, подошла к гному. Он принял из ее рук целебное варево и, понюхав его, удивленно посмотрел на девушку.

— Что-то не так? — испуганно прошептала она.

— Ты откуда знаешь тайные рецепты нашего племени? — в притворном гневе сдвинув брови, строго спросил Гроин.

— От матери... — чуть слышно проговорила девушка.

Гроин неожиданно рассмеялся и, выпив до дна, откинулся на ложе.

— Ну, рассказывай, кто была твоя мать? Да не бойся ты, глупенькая!

Валона тоже робко засмеялась и ее страх перед чужаком из племени, о котором она слышала мало чего хорошего, рассеялся, как дым. Она принялась рассказывать про себя, доверяя свою трудную, печальную жизнь внимательному слушателю, который не пытался перебить ее или посмеяться, как делали это те немногие, кого она хотела считать своими друзьями. Опомнилась она, когда начало темнеть.

— Мне пора, — со вздохом сказала Валона. — Завтра я приду к тебе и принесу еды. Только... — она замялась, но, собравшись с духом, проговорила: — только не уходи никуда, пожалуйста. Охотники могут вернуться да и...

— Тебе понравилось со мной беседовать, — улыбнувшись, договорил за нее гном.

Девушка ничего не ответила и скрылась в сгущающихся сумерках.

В последующие дни Валона, невзирая на большое расстояние от деревни до пещеры, где укрылся Гроин, носила ему пищу и целебные снадобья. По счастью, ее умения хватило на то, чтобы рана не загноилась, да и сам гном, обнаружив в девушке послушную и смышленую ученицу, рассказал ей про некоторые лечебные травы, о которых мог знать только гном, и научил некоторым простым заклинаниям — останавливать кровь, заговаривать гнойники, снимать горячку. Гроин быстро выздоравливал, намного быстрее, чем любой человек, ибо известно, что подгорное племя славится своей крепостью и завидным здоровьем. Когда Гроин снова смог ходить, они вместе бродили в окрестностях пещеры, и Валона зачарованно слушала его рассказы о жизни под землей, о непередаваемой красоте драгоценных камней, о гордом перезвоне молотов в тайных подгорных кузнях, о том, как льется золотой расплав в витые формы... Каждый вечер он провожал девушку до границы леса и долго смотрел ей вслед, а она не в силах была оглянуться.

И, наконец, настал тот день, когда Гроин, взяв девушку за руки, осторожно попросил ее остаться, и она не смогла отказать ему... — Мораддин замолчал, глядя перед собой. Конан не стал торопить его и ждал, когда он продолжит свою историю, которая, несмотря на всю ее трогательность и необычность, начинала слегка надоедать ему, причем не столько сюжет, сколько манера изложения, не подходящая для безжалостного воина, каким видел его совсем недавно. Осушив залпом бокал вина, Мораддин снова заговорил:

— Наступила осень, лес точно занялся пожаром, и как-то, пасмурным дождливым днем, Гроин сказал Валоне, что собирается покинуть свое убежище. Тоска по пещерам предков стала невыносима, и он должен вернуться к своим. Девушка горько заплакала, ибо трепетно полюбила на удивление красивого для своего рода гнома...

Он ушел в родные горы и не вернулся... А через девять месяцев на свет появился мальчик. Валоне пришлось бежать в Турен, потому, что соплеменники неведомо как узнав о том, кто являлся отцом ребенка сожгли ее хижину и пригрозили смертью, ей и сыну. Уже в Турене Валона дала ребенку имя. Так родился Мораддин сын Гроина сына Фарина...

На прощание Гроин подарил Валоне несколько крупных алмазов дивной гномской огранки и женщина с маленьким ребенком на руках не бедствовала, поселившись на окраине Аграпура.

— Здорово! — покачал головой Конан, — Красиво поешь! А потом что было? Никогда бы не подумал, что Илдиз поставит начальником своей тайной гвардии... э-э... низкорожденного, да еще и полугнома.

Мораддин вздохнул и довольно коротко рассказал киммерийцу о своей судьбе после переезда его матери в Турен. Еще будучи ребенком Мораддин подружился со стариком кхитайцем, жившим по соседству. Старик был очень одинок. В чужой стране у него не было ни близких ни друзей и в жизни была лишь одна радость — посещения маленького Мораддина. Как оказалось, старика изгнали из его далекой страны за нечаянное убийство высокородного вельможи. Старец рассказывал Мораддину что на родине он был великим мастером боевого искусства джунг-фу и вовсе не хотел смерти владетельного князя из Камбуджи — все вышло случайно... А потом старик принялся обучать Мораддина всему, что

знал и умел сам. В семнадцать лет воспитанник кхитайца записался в турецкую армию, где случайно, на одном из смотров, обратил на себя внимание тогдашнего начальника тайной гвардии царя. Видя невероятную ловкость и редкостное умение молодого и низкорослого воина обращаться с любым оружием капитан хэрда вначале просто перевел Мораддина в дворцовые стражи, а через год взял в свой отряд. Там то Мораддин научился всему остальному, и благодаря своим врожденным способностям за пятнадцать лет дослужился до чина капитана. О своем происхождении он никогда никому, понятно, не рассказывал.

Неожиданно рассказ Мораддина прервало появление двух красавиц – служанок с подносами, заставленными всевозможной снедью. Хорошо заученной походкой они прошествовали на середину комнаты и расставили прямо на ковре блюдо с рисом, тарелку с жареной бараниной, множество соусов, салатов, зелени, пряностей и прочих закусок, кувшины с вином и корзину с фруктами. Помедлив немного и убедившись, что дальнейших приказаний не будет, они со слегка разочарованным видом удалились.

Некоторое время Конан и Мораддин, усевшись на ковер, молча поглощали замечательно приготовленные бараньи ребрышки, обильно поливая их соусом. Летучая мышь высунулась из под плаща и уселась, скромно сложив крыльшки, в ожидании подачки. Мораддин время от времени подавал ей кусочки мяса, и она аккуратно схватывала их крошечной пастью с мелкими зубками.

Насытившись, Конан лег на спину, положив скрещенные руки под голову, и спросил:

– Слушай, а где ты взял эту маленьющую тварь?

– Да... – неопределенно махнул рукой Мораддин. – Отобрал у одного кандалчика, Серого Пса. Слышал, наверно?

– Это которому ты голову к заднице приделал? – поинтересовался Конан.

– Значит, слышал. Этот мерзавец поймал зверюшку и хотел было сожрать. Да я не дал. Он ее покалечил немного, я вылечил, и с тех пор она от меня ни на шаг. Редкая очень мышка, белая...

– Забавная зверюшка, правда, мерзкая, – резюмировал Конан, глядя, как белая мышка чистит мордочку.

Мораддин молча пожал плечами, мол, у каждого свой вкус.

– А что это за жуткая история, после которой тебя выгнали из хэрда? Труп какой-то покалеченный... – снова спросил Конан.

– Да ну, – отмахнулся Мораддин. – Досужие рассказы. Нет, труп, конечно, был, но мое участие в этом деле сильно преувеличено. Меня просто-напросто подставили, а я не был настолько хитер, чтобы вовремя разобраться в интриге, куда меня впутали завистники, желающие занять мое место. Не трудно представить себе ярость именитых, титулованных особ, когда на такое доходное место поставлен неизвестно откуда вылезший проходимец без роду, без племени, да еще на туранца толком не похожий... А с парнем, которого сначала убили, а уж потом труп изуродовали, мы и вправду не ладили. Он любил поддевать меня за мой рост, внешность, манеру говорить... Пару раз мы дрались на поединке, но я совсем не хотел его убивать, а только ранил оба раза, и тем самым выиграл. Но, безусловно, моя осторожность была объяснена как трусость. Да ну их, что старое ворошить.

– Да так, интересно... – сказал Конан. – А почему на рудники услали, а не снесли голову?

– Наверно, думали еще пригожусь когда-нибудь... Как наемный убийца, например.

– А ты бы согласился?

– Нет, – резко ответил Мораддин и добавил более ровным тоном: – Убийство, дорогой варвар, – это искусство, а я считаю, что подлинное искусство не покупается и не продается. Было бы противно лишать жизни человека, не причинившего мне лично никакого зла, за грязные деньги какого-то мерзавца, будь у того даже корона на голове. К тому же, мне нравилось там, на рудниках...

– Ну еще бы, – криво усмехнулся Конан. – Гномская кровь...

– Представь себе, – спокойно сказал Мораддин. – Не сомневаюсь, что сейчас ты спросишь, как я снюхался с джавидами.

– Точно! – обрадовался Конан. – А как ты догадался?

Оставив без ответа последнюю реплику киммерийца, Мораддин поднялся и устроился в кресле как прежде, с ногами в сапогах. Конан понял, что предстоит очередной долгий рассказ, и на всякий случай, чтобы не заснуть ненароком, сел, прислонившись к спинке кровати.

– Что ж, поведаю тебе и об этом. Тем более, история моего знакомства с джавидами напрямую относится к делу, из-за которого я сижу тут... с тобой.

Это случилось два года назад, почти сразу же, после того, как меня разжаловали, изгнали из Аграпура и сделали надсмотрщиком на копях. Ко мне в каморку привели пойманного в одном из заброшенных штреков джавида. Конечно, я тогда понятия об их существовании не имел, и только подивился, откуда мог взяться такой уродец. Изловившие его стражники сказали, что «эта тварь» кралась к кухне, видимо, желая разжиться чем-нибудь съедобным. Я джавида даже за тварь разумную поначалу не принял, решил, что это какая-нибудь подземная зверюшка. Велел стражникам уйти и оставить существо у меня – сам разберусь. Чуть было не стал кормить его из мисочки... – Мораддин усмехнулся, а Конан так и прыснул со смеху, представив «почтенного» Ниорга, стоящего на карачках перед плошкой с кашкой.

– Каково же было мое удивление, – продолжил Мораддин, вежливо подождав, пока Конан закончит смеяться, – когда «зверюшка» заговорила на туранском наречии, правда, достаточно неразборчиво! Я понял, что имею дело с существом из некоего неизвестного племени. Было в джавиде кое-то от гнома – рост, борода, сильный торс, но это был гном из страшного детского сна. Уродливая голова с ослиными ушами, огромным вислым носом, слюнявыми губами, весь покрыт жестким рыжеватым волосом... ну, ты знаешь.

– Да уж... – подтвердил Конан. – Знаю.

– Так вот. После того, как я угостил его вином и с изумлением отметил, что он прекрасно разбирается в благородных напитках мы с джавидом разговорились. В какой-то момент карлик вдруг отставил свой кубок, уставился на меня своими маленькими жгучими глазками и сказал слова, которых я никак не ожидал от подземного нелюдя:

– Ты гном!

Я был настолько обескуражен этим утверждением, что не сразу нашел достойный ответ. А джавид заговорил опять:

– Я знаю, ты гном или полугном. Это видно, особенно мне.

Конан не утерпел и, прервав повествование бывшего своего надсмотрщика, вставил:

– Да и я это приметил, еще на рудниках. Знался я одно время с гномами...

Мораддин встал, отхлебнув вина прямо из кувшина, взял из вазы яблоко и надкусил. Конан последовал его примеру, залпом осушив свою чашу.

– Думаю, потом вы поведали друг другу свои трогательные истории и расстались

лучшими друзьями, – сказал Конан, вытерев губы тыльной стороной ладони. Ровный голос Мораддина, обильная еда и изрядное количество вина привели его в полусонное состояние, и не желая обидеть рассказчика, всхрапнув нечаянно на самом интересном месте, он решил приблизить конец истории.

– Да, и на этот раз ты угадал, милейший варвар. Именно так все и вышло. Остается лишь добавить, что первым джавидом, которого мне довелось видеть, был никто иной, как Ниорг, небезызвестный тебе.

– Более чем... – вставил Конан.

– Я изучал жизнь и обычаи джавидов, а именно – гномов, помогал им, чем мог, а карлики, в свою очередь, кое-чему меня научили.

– Этим твоим фокусам, вроде того, которым ты отослал лошадей обратно к гвардейцам? – спросил Конан.

– В том числе, – уклончиво ответил Мораддин. – Главное во всей истории то, что я поклялся любой ценой достать джавидам их сокровище – Нейглам, и вернуть им первоначальный облик. Это мой долг – долг крови!

Мораддин допил очередной кувшин и со стуком поставил его на столик.

– Так вот оно что... – пробормотал себе под нос Конан. – Старый Ниорг знал, что делал, когда шамкал мне про свою тяжкую жизнь. Он таки добился своего. Про кувшинчик я знал раньше, и раздобыть хотел сначала для себя... Сет меня подери, а теперь я притащу этот горшок именно джавидам, и никому больше, потому что... Тьфу! Я всегда думал, что вы, гномы, хитры, как лисы... Но от исполнения моего желания все равно не отвертитесь!

– Никто и не возражает! – улыбнулся Мораддин. – Видишь, как все замечательно складывается. Хочешь еще посмеяться?

– Ну? – настороженно посмотрел на него Конан.

– Очень забавная история. Догадайся, кто отвалил мне мешок золота за то, чтобы я выпустил тебя с рудников?

Конан лениво зевнул и ничего не выражаящим голосом спросил:

– Дагарнус?..

– Умница, сообразительный мальчик. Между прочим, его деньги позволили мне покинуть рудники и оставить опостылевшую должность.

– Да знаю я, Стейна сказала. Кофийский посланник в этом доме частый и желанный гость. Рассказать тебе, какую сделку я заключил с короной Кофа? Ну, послушай.

Конан сжато, в нескольких фразах изложил Мораддину суть договора с Дагарнусом, а в доказательство предъявил принесенный только сегодня тут набитый мешок с золотом. Семьдесят пять тысяч, империал к империалу...

– И, между прочим, мэтр посланник заявится утром за Нейгламом. Смешно, правда? – закончил киммериец. – Что прикажешь ему сказать?

Мораддин пригладил волосы, потеребил бородку и взглянул на Конана серыми глазами, которые так и лучились честностью да благородством. Варвар едва не сплюнул прямо на ковер, представляя, какой совет сейчас будет дан. Он не ошибся.

– Я думаю, надо вернуть деньги и объяснить, что кофиец... м-м... опоздал. И ты ничего не теряешь. Нейглам сможет дать тебе столько золота, сколько...

– Какое, к Нергалу, золото?! – сорвавшись, заорал Конан. – Откуда я знаю, добудем мы ваш горшок или нет?! А это – настоящие, тяжелые деньги, сделанные, как видишь, из золота! Покажите мне этого придурка, который откажется от семи с половиной десятков тысяч, ради

каких-то там желаний! Короче, ни хрена я ему не отдаю, а если получится, сдеру и вторую половину! Ничего, эта скотина Страбонус не обеднеет!

Конан схватил пустой кувшин и, подавив порыв запустить его в голову Мораддину, швырнул фарфоровый сосуд в противоположную стену. Черепки разлетелись, и несколько из них задели полугнома.

— Как знаешь, — спокойно сказал Мораддин, стряхивая с одежды осколки. — Ну зачем же так переживать?

— Без тебя разберусь! — рявкнул Конан, понемногу остывая. — А сейчас остается один насущный вопросец — где Нейглам?

— Ну-у... — замялся Мораддин. — Поверь, мне тоже интересно, кому понадобился сосуд, и кто были те удальцы, перебившие всю охрану Радбуша и порешившие заодно его самого.

Конан тупо посмотрел на разбросанные по ковру черепки и почему-то подумал, что Стейна не простит ему разбитого кувшина, так же, как и разрубленной подушки, испоганенных ковров и мебели... Бедная женщина, она-то тут причем? Зачем было втягивать ее в дурацкую путаницу с кувшином гномов?.. А Мораддин, тем временем, пустился в рассуждения.

— Это не могут быть люди Дагарнуса — он преспокойно дожидается, когда ты поднесешь ему Нейглам на золотом блюде. Безусловно, налетчики не принадлежат к людям, обремененным властью — после эмира, Радбуш был вторым человеком в городе, и Хайберди-Шаху его смерть не выгодна. Само собой, убийц не мог послать Ниорг, благо, ни один человек, кроме нас двоих... хм... вернее, полутора, с джавидами связываться не станет, а попросту прибьет при первой же встрече. Если сможет, правда.

— Кхитайцы... — наморщил лоб киммериец, вспомнив рассказ старого евнуха. — При чем тут кхитайцы?

Мораддин помолчал, глядя на Конана так, как обычно смотрят на туповатых и нерадивых детей, а потом спросил:

— Слушай, варвар, а ты-то откуда знаешь про Нейглам? Дагарнус, конечно, рассказал? Хотя сомневаюсь, что хитрый кофиец мог ни с того, ни с сего первому встречному наемнику доверить настолько важную тайну.

— Да я... водички попить хотел... — Конан запнулся и, наконец, решительно плунув на свои маленькие секреты, поведал о том, с чего все началось — о равахе, зуагирах, похищении Мирдани и предательстве начальника стражи крепости Баргэми, впустившего джавидов в покой шейха...

— ... Вот тогда Самил мне и сказал, что джавиды похитили дочь Джагула, чтобы получить от Турлей-Хана некий кувшин стигийского золота. Я подумал, что он стоит кучу денег и решил добыть его себе.

— Значит, Дагарнус еще раньше говорил о Нейгламе шейху аль-Баргэми? — полугном настороженно прищурился, выпрямившись в кресле.

— Ну да, — протянул Конан. — А что такое?

— Идиот! — по-отечески ласково сказал Мораддин. — Дубина! У тебя голова или латная перчатка вместо нее?

— Да в чем дело? — оторопел киммериец, совершенно привыкший к вежливым манерам бывшего капитана хэрда и не ожидавший от него столь откровенного хамства.

— Бедный ты мой, — обреченно покачав головой, проговорил тот. — А подумать о том, что шейхи аль-Баргэми — и старший, и младший прекрасно знают о сосуде и его свойствах, ты

мог? Головушка не работала? Ну, да, ты же у нас все больше ручками да мечом машешь... варвар...

— Ну варвар, ну глупый... — начиная раздражаться, прогудел киммериец. — Так объясни, если рассудительный такой. А только и знает, что... выражаться...

— Ладно, слушай, — медленно, с расстановкой начал Мораддин. — У меня складывается впечатление, что именно твои приятели зуагиры перебили пол-Султанапура, в том числе Турлей-Хана и Радбуша. И именно они уволокли с собой девку, которую ты искал — без тебя справились.

— Как без меня? — Конан, вытаращив глаза, смотрел на Мораддина, смысл слов которого едва начал доходить до северянина. — Я же Мирдани выследил, у Турлей-Хана отбил, к Стейне устроил! Только Радбуш помешал!

— Этого, кроме тебя и Мирдани, никто не знает. А сегодня мы ясно видели, как ее братец расправился с обидчиком пятитысячником — очень, скажу прямо, грамотно. Потом он отомстил и магу, забрав сестру из его дома, а заодно прихватив и Нейглам.

— Но при чем тут кхитайцы?! — простонал варвар.

— Наемники, — пожал плечами Мораддин. — Сплошь и рядом встречаются, а один даже передо мной сидит...

Конан вскочил и, выкрикивая невнятные ругательства, относящиеся к зуагирам, гномам и самому себе, заходил по комнате как разъяренный горный лев, пиная подушки, опрокидывая вазы, ударяя кулаком по креслам. Так опростоволоситься! И это его, Конана-варвара, опытного воина, вора, бандита, наемника, пирата и прочее, прочее, изящно обвели вокруг пальца дикие кочевники, не видевшие в своей жизни ничего, кроме песка, верблюжьего помета на нем и всяких там равахов-джавидов!

— Да старею я, что ли? — недоумевал Конан, обращаясь к самому себе. — Почти три десятка лет на свете прожил, где и кем только не был, и вот дожил...

Он сел в кресло напротив Мораддина и обхватил голову руками, никак не отреагировав на насмешливые слова полугнома, наблюдавшего за самобичеванием северянина с некоторым удовольствием:

— Золото глаза затмило, вот в чем причина. Сколько тебе Джифир заплатил? А Дагарнус? А обещали сколько? А кувшин зачем тебе понадобился? Так-то, милейший мой варвар.

— Поубиваю!.. — прорычал киммериец, поднимаясь и сжимая кулаки. — Ну, скоты! Они у меня попляшут! А Джифиру шею сломаю лично, и меч пачкать не буду...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Мораддин смотрел на киммерийца безмятежными серыми глазами и молчал. Конан продолжал изрыгать невнятные проклятия на родном наречии, поминая родословную Джифира, его родственников, дальних и близких. Досталось и песчаному раваху, который впутал его в эту дурацкую историю – и отчего гнусному червяку не сиделось в своей вонючей дыре в день, когда старому ишаку Джагулу приспичило возвращаться из Султанапура в свой занюханный оазис? При этом варвар расхаживал по комнате, очень походя со стороны на горного льва, которому нечаянно придавили лапу колесом повозки или воткнули под хвост стрелу, смазанную горчицей. Закончилось это несколько неожиданно: яростно вскрикнув, он подпрыгнул и с руганью повалился на ковер.

– Какой болван рассыпал тутбитое стекло?!

– Конан Киммерийский, – мирно ответил Мораддин, указывая взглядом на черепки, разбросанные по полу возле стены. – Ты же кинул кувшин в стену.

Конан, ухватив себя за лодыжку, вывернул стопу и осторожно вытащил впившийся в пятку осколок. Боль немногого охладила его злобу, и, справившись с кусочком фарфора, он вздохнул, капнул на ранку вином и посмотрел на Мораддина, восседавшего в кресле с несчастным видом человека, только что наблюдавшего помешательство родного брата.

– Ну, и что теперь делать будем? – хмуро буркнул Конан. – Придется в оазис Баргэми ехать.

– Что ж, поедем, – пожал плечами Мораддин. – Кстати, когда должен прийти Дагарнус?

– Утром. Ждать его у меня нет никакого желания.

– А деньги? – хитро улыбнулся полугном.

– Пошел ты... Не сомневаюсь, что скупердяй-кофиец потребует обратно задаток. Исчезнем отсюда под утро и сразу рванем в пустыню.

Мораддин, подперев подбородок кулаком и сгорбившись, помолчал, раздумывая, а затем снова глянул на киммерийца.

– А если я ошибся? – вдруг произнес он. – Представь, что будет, когда мы заявимся в крепость шейха аль-Баргэми, учиним там погром, наподобие устроенного неизвестными кхитайцами во дворце мага и, в конце концов, выяснится, что Джифир ни в чем не виноват, кхитайцев нанял какой-нибудь таинственный воздыхатель Мирдани, которого она и ждала, кувшин же вообще упер некто третий, о ком мы и не подозреваем.

– Умный ты слишком, – медленно сказал Конан. – Тяжело, наверно, таким быть? Я так теперь уверен...

– В чем? – ласково переспросил Мораддин.

– Это дело рук Джифира! И точка! – уверенно заявил Конан, рубанув ладонью воздух. – А твои сомнения оставь при себе. Ошибемся – исправим.

– Ты умеешь чинить проломленные головы? – поинтересовался Мораддин.

– К Нергалу головы! – рявкнул киммериец. – Но если ублюдок Джифир и впрямь заварил всю эту кашу, я ему... я его... на кусочки разрежу и съесть заставлю!

– Сильно сказано! – одобрил полугном, старательно скрывая ironию. – Давай-ка высшимся перед долгой дорогой. Не знаю, как ты, а я очень устал...

– За Стейной посыпать? – вяло усмехнулся Конан. – Или будешь отдыхать один?

– Пожалуй, один... Госпожа Стейна не в моем вкусе: размеры не гномские... – с этими

словами Мораддин поднялся и направился к одной из двух боковых дверей, ведущих в отдельные спальни. Внезапно он остановился и прислушался.

— Что это?

Топот копыт донесся из слухового окна, и резко оборвался. Почти сразу же с улицы послышались приглушенные вскрики и несколько раз хлопнула парадная дверь «Врат Студовольствий».

— Облава? — предположил Конан, вскакивая и хватая меч. Шум переместился от входа в заведение к лестнице, и раздались крики девочек, развлекавших богатых гостей в главном зале дома. Конан и Мораддин замерли, прислушиваясь и соображая, что придется делать, когда стража начнет проверять комнаты в поисках возможно скрывающихся здесь злодеев. Но почти сразу выяснилось, что городская стража Султанапура тут ни при чем — от мощного пинка распахнулась дверь и в комнату вихрем влетела насмерть перепуганная Стейна.

— Бандиты! — выпалила она, — Конан, там какие-то кхитайцы!.. Тебя ищут!

— Кхитайцы? — широко раскрыл глаза Мораддин и, подняв указательный палец, повернулся к киммерийцу, — Похоже, из города уезжать не придется. Пойдем, разберемся...

Только сейчас Конан рассмотрел, что плечо у Стейны поцарапано, распущеные волосы спутаны, халат местами разорван, а лицо искалено гримасой неподдельного ужаса. Надо думать, неизвестные не стали церемониться как с гостями, так и с хозяевами дома, одержимые желанием любой ценой достичь своей цели. Неужели ею опять был Конан?

Снизу донесся звон стали и приглушенные крики — очевидно, отдыхавшие во «Вратах» офицеры гвардии Илдиза взялись за оружие.

— Сиди здесь и не высывайся! — гаркнул Конан, отталкивая Стейну от двери вглубь комнаты. Он схватился за дверную ручку, но Мораддин неожиданно отстранил его и со словами: «Действуем, как раньше! Спину мне прикрывай!» выскочил в коридор.

Осторожно выглянув из-за угла, Мораддин некоторое время оценивающим взглядом изучал происходившую в зале для посетителей свалку: визжащие девицы забились в стенные ниши, часть музыкантов была перебита, остальные, побросав инструменты, разбежались; несколько военных из числа гостей еще продолжали рубиться с низкорослыми бандитами. Кто-то завопил высоким срывающимся голосом:

— Всем искать северного варвара! Длинный и черноволосый!

Кричал туранец — это было заметно по одежде, но рассмотреть лицо было невозможно, до самых глаз оно было прикрыто незавернутым концом белого тюрбана. Он стоял у самых дверей, держа саблю обнаженной, но в схватке участия не принимал, видимо, надеясь на умение и быстроту наемников и не желая рисковать жизнью. Те, без труда справившись с последними двумя офицерами, тут же рванулись к лестнице. Четверо кхитайцев оставались внизу, еще двое вломились в дверь, ведущую на кухню, и от туда тотчас же донеслись крики, звон посуды, грохот падающих котлов и шипение разлившейся по раскаленным плитам жидкости.

Мораддин встретил троих наемников на лестничной площадке, выступив из темноты коридора настолько неожиданно, что кхитайцы остановились, отпрянув назад.

— Вы, случайно, не меня ищете? — осведомился полугном, прислонясь к стене и поигрывая кинжалом.

— Прочь с дороги, коротышка! — прошипел один из кхитайцев, выставляя перед собой катану.

— Значит, не меня, — вздохнул Мораддин. — А жаль... Конан, это к тебе. Встречай!

Киммериец показался из коридора, растянул рот в улыбке и, широко разведя руки, радостно воскликнул:

— Ребята! Я так хотел познакомиться с удальцами из славного Кхитая!

— Вот он! — взвизгнул наемник, и все трое, занося катаны, забыв про Мораддина, ринулись к киммерийцу. Презрев все правила боя и кодекс чести воина, Мораддин со вздохом вытянул ногу, и кхитайцы, запнувшись, повалились друг на друга.

— Подножка, — печально заметил Мораддин, как бы невзначай пронзив одного наемника кинжалом. — Обыкновенная, подлая подножка...

Отбросив тело мертвого товарища, двое кхитайцев, кувырнувшись, оказались на ногах, и Конану оставалось лишь подивиться их выучке и быстроте. Меч киммерийца с трудом парировал удары оружия наемников, отведя лезвия катан в стену, и сразу же варвару достался чувствительный удар по бедру — наемник, полагая, что противник рассчитывает исключительно на меч, и мало знаком с техникой боя без оружия, решил обезвредить Конана ударом ноги в пах, но промахнулся и эта ошибка обошлась ему дорого — киммериец мигом перехватил кхитайца свободной рукой за лодыжку, дернул, и пока Мораддин расправлялся с последним из троих, прикончил.

Белая летучая мышь во время короткой схватки сидела в капюшоне своего хозяина и сердито верещала, словно подзадоривая его. Наружу выбираться зверек не желал — то ли боялся, то ли берег силы на случай, когда понадобится его незаменимая помощь.

— Я думал, они способны на большее... — заметил потомок гномов, озабоченно глядя на кинувшихся к лестнице кхитайцев, которые спешили разделаться с двумя негодяями, только что зарубившими их сотоварищей.

— Того нужно взять живым! — быстро сказал Конан, указывая взглядом на туранца командовавшего наемниками. — Сможем?..

Мораддин, ничего не отвечая, нагнулся, подобрал оружие убитых и, шагнув к лестнице, застыл на верхней ступеньке сжимая в каждой руке по прямому длинному клинку. До киммерийца донеслись лишь несколько его слов, сказанных полуслепотом:

— Поучить их настоящему джунг-фу, что ли?..

Конан никогда не верил в существование непобедимых людей и уж точно не считал таковым себя — всегда найдется кто-нибудь, лучше тебя владеющий мечом, кинжалом, копьем или другим оружием. Но после того, как варвар со стороны понаблюдал за работой Мораддина, он засомневался в своем убеждении, и еще раз подумал, что этого жуткого, загадочного полугнома лучше иметь в числе друзей, а не врагов. Можно и должно уважать воина, который запросто, без видимого напряжения, незаметным глазу движением клинка отбивает летящие в голову метательные звезды, исхитрившись при этом проткнуть самого нахального наемника, подбежавшего на расстояние достаточное, чтобы острие второй катаны задело его незащищенное горло и, заодно, ударом ноги в грудь отшвырнуть окровавленное тело, которое, подобно тяжеленному мешку с песком, сбило с ног рвавшихся наверх бандитов.

Конан даже смущился немного, сожая, что оставлять товарища одного в бою нехорошо, но когда варвар с решительным видом шагнул к Мораддину, намереваясь помочь ему разделаться со снова атаковавшими кхитайцами, то услышал предостерегающий возглас:

— Оставь, пожалуйста! Я сам...

— Ну, давай сам, — буркнул Конан, отскакивая и на всякий случай выставляя меч перед собой — как-никак неизвестные пришли именно за его жизнью, а не за какой другой...

Только зачем убийце Турлей-Хана и Радбуша теперь потребовалась жизнь киммерийца? Варвар-то чем ему насолил?..

Ни один нападавший так и не смог прорваться к киммерийцу – Мораддин, не сдвинувшись со своей позиции и на ладонь, виртуозно управился со всеми до единого кхитайцами, показав немыслимый уровень владения оружием и собственным телом. Катаны, как привиделось Конану, попросту растворились в воздухе перед Мораддином, только резкий свист рассекавшей воздух стали напоминал о том, что оружие все еще находится в руках бывшего капитана тайной гвардии. Работали только кисти, необыкновенно подвижные и ловкие, да иногда Мораддин всем телом подавался чуть вперед, моментально возвращаясь в исходное положение, и тогда же очередной наемник падал на ступени мертвым... Когда двое кхитайцев, обшаривавших кухню и помещения для прислуги, примчались на крик по-прежнему стоявшего у выхода хозяина, полугном отправил в царство теней последнего противостоявшего ему наемника, который даже не смог коснуться своим клинком лезвий катан Мораддина. Тот, едва глянув в сторону кухонной двери, вдруг низко хакнул, резко выбросил вперед правую руку, и врачающаяся катана отправилась в полет через весь зал, а мгновением позже голова одного из наемников покатилась по полу...

«Стейна убьет за ковры... – подумал киммериец. – А последнего я сам свалю, а то как-то... перед Мораддином неудобно...»

Конан, перепрыгивая через две ступеньки, побежал вниз, но вдруг позади послышался режущий уши тонкий свист, и мимо киммерийца пролетела шуршащая белая тень.

– Назад! – скомандовал Мораддин, но зверек и не подумал слушаться. Пока Конан спускался, летучая мышь подлетела к наемнику и вцепилась ему в лицо, покрыв крыльями голову и вонзив когти в глаза. Кхитаец завизжал от дикой боли, упал навзничь и, пытаясь оторвать от себя неведомую тварь, стал кататься из стороны в сторону. Когда мышь, наконец, отпустила его и взлетела, Конан, напряженно сглотнув, увидел залитое кровью и какой-то белесой слизью лицо кхитайца, который продолжал биться на полу и вопить от нестерпимой боли.

– Вот так мышка... – проговорил Конан, провожая взглядом зверька, который, покружив над поверженным врагом, с победным посвистом вернулся к хозяину и забрался в капюшон.

– Смотри! – Мораддин вскинул руку, указывая на что-то, позади киммерийца. Тот, резко оглянувшись, поднялся на несколько ступенек вверх. Дверь кухни растворилась настежь, оттуда повалил густой дым, и из охваченного огнем помещения высыпала перепуганная всем произошедшим прислуга. Первым выскочил повар, одежда на спине горела и дымилась. С истошным криком он опрокинулся навзничь, пытаясь загасить огонь.

– Пожар! Пожар! Горим! – отовсюду доносились испуганные крики, метались люди с кувшинами, ведрами, но затушить огонь, бушевавший в кухне, где было предостаточно масла, жира и вина, не представлялось уже возможным. Девицы визжа, толкаясь, оттаскивая друг друга за одежду и волосы, кинулись вверх по лестнице, едва не сбив киммерийца с ног.

– Дуры, куда лезете?! Бегите из дома! – послышался голос Мораддина, тщетно пытавшегося остановить обезумевших от ужаса женщин.

– Стейна! – вскрикнул Конан и бросился наверх.

– Ты это куда? – Мораддин преградил ему дорогу, но киммериец грубо отпихнул его и побежал к комнате Стейны, бесцеремонно расталкивая девиц, которые, похватав самое необходимое – подарки любовников, белье, какие-то безделушки и прочий хлам, прорывались к лестнице.

Дверь комнаты Стейны сотрясалась от ударов изнутри.

– Отойди! – крикнул Конан и изо всех сил саданул по двери кулаком. Доска, в которую был врезан замок, треснула, и, ударив еще раз, варвар оказался внутри.

– Что там такое? У меня заклинило замок, я никак не могла выйти! – Стейна испуганно оглядывала Конана, коридор, бегущих девиц. Потянув носом, она тихо проговорила: – Пожар? Дом горит?

– Да, да, пожар, – торопливо сказал Конан, загораживая от нее проход. – Быстро одевайся и бежим отсюда.

Стейна точно не слышала или не понимала его слова. Безумным взглядом она смотрела в коридор, повторяя:

– Мой дом горит... все горит... все пропало... Ковры...

– Я куплю тебе новые! Да очнись же! – Конан тряхнул ее за плечи, потом стянул с себя плащ, закутал в него подругу и, ухватив за руку, потащил за собой. Словно во сне, Стейна плелась за варваром, но вдруг остановилась и посмотрела назад.

– Золото! Там все твое золото!

– К Нергалу золото! – рявкнул неожиданно возникший перед ними Мораддин. – Зал горит, лестница уже занялась. Мы не успеем, если будем трястись над каждой золотой монетой!

– Вперед! – крикнул Конан и, не слушая больше причитаний Стейны, они с Мораддином взяли хозяйку за руки и как могли быстро побежали вниз.

Горели, сухо потрескивая, перила, из-под ступеней пробивались белые струйки дыма, зал потонул в удушливом, чадящем дыму, валившему из кухни.

– Мы не сможем пройти! – перекрывая гул огня, грохот падающих балок и крики, прокричал Конан.

– Сможем! – коротко ответил Мораддин и потянул Стейну за собой, прямо в жаркий черный хаос. Конан, тихо взывив, набрал в легкие побольше воздуха и нырнул за полутномом. Те несколько мгновений, покуда они пробирались к дверям, показались киммерийцу вечностью. Он уже думал, что так начинается путь к Серым Равнинам – удушливый чад, сквозь который не пробивается ни единый луч света, нестерпимый жар, обжигающий лицо, заставляющий кровь закипать и, пузырясь, выступать на коже; человеческие тела под ногами – стонущие, бьющиеся, неподвижные, ужасающие мягкие и податливые; рядом, совсем близко, ревет пламя, прорываясь сквозь дым рыжими языками; что-то с грохотом рушится и вот-вот заденет, сметет, раздавит...

Конан почувствовал, что стиснувшую запястье Стейны руку тянет вниз, – несчастная женщина потеряла сознание или задохнулась, но киммериец не отпускал ее и упорно тащил тяжелое тело...

Когда они выбрались наружу, Конан с трудом заставил себя вдохнуть всей грудью свежий воздух. Понемногу приходя в себя, убеждаясь, что все позади, киммериец обнаружил, что вокруг горящего дома собралась изрядная толпа, но среди них нет ни наемников-кхитайцев, ни командовавшего ими туранца. Зато набежало множество стражников и военных из многочисленных патрулей, которые, точно досужие зеваки, глазели на пожар, не замечая Конана. Киммериец и сам не мог оторвать глаз от языков пламени, лизавших окна нижних этажей и подбиравшихся уже к верхним. Кто-то дернул его за руку.

– Отпусти Стейну, надо положить ее и привести в чувство, – Мораддин все это время пытался освободить руку хозяйки «Врат» от железной хватки варвара. Тот машинально

разжал пальцы и посмотрел на покрытое копотью, покрасневшее от жара лицо Стейны.

— Что с ней? — хрипло спросил Конан, с трудом разлепив запекшиеся губы.

— Обморок. Надеюсь, скоро очнется... — буркнул Мораддин, шаря у себя за пазухой. Он вытащил небольшой пузырек, присел над Стейной и поднес бутылочку к ее носу. Женщина шумно вздохнула, поморщилась и слабо отстранила руку полугнома. Наконец, она открыла глаза, непонимающе оглядела толпу, Мораддина, Конана, осматривавшего свои руки, покрытые ожогами и волдырями, затем перевела взгляд на огненный столб, поднимавшийся на том месте, где еще на закате стояли «Врата Студовольствий», и отпустила парочку заковыристых фраз. Мораддин фыркнул, протянул ей руку, помогая встать и предусмотрительно отошел на пару шагов.

— Где начальник стражи квартала? — неожиданно вскричала Стейна, убедив и Конана, и Мораддина, что здоровье ее ничуть не пострадало. — Подайте мне этого ублюдка!

— Берегись! — Конан схватил ее в охапку и оттащил к стене противоположного здания, куда колыхнулась вся толпа, спасаясь от горящих, обугленных досок, которые падали с проседающего дома. Пожар охватил «Врата» от фундамента до крыши, обрушившейся внутрь, погребя под собой тех, кто не успел выскоить наружу. Огонь грозил перекинуться на соседние здания, но, по счастью, «Врата» были отделены от них узенькими переулочками, и языки пламени не могли дотянуться до крыш и карнизов, которые предусмотрительные хозяева уже поливали водой.

— Квартального! — надсаживаясь, орала Стейна. — Я ему, суке!.. Развел полный город бандитов! Кто возместит мне убытки?!

— А мне? Таки кто мне возместит, или несчастному пожилому человеку суждено умереть в нищете?

Конан с удивлением увидел рядом с собой старого знакомого — почтенного шемита, комкавшего в руках шляпу с выражением мировой скорби на морщинистом лице.

— Я не хочу в такое верить, но это вы, юноша, которому необходимо сходить к лекарю, устроили это безобразие? — стариk явно узнал киммерийца и теперь взирал на него с подозрением.

— Не хочешь — не верь, — отрезал Конан, отворачиваясь.

— А бедную девицу вы оставили там, в огне, погибать вдали от родного дома, без папы и мамы у смертного одра? — шемит продолжал допрашивать Конана и даже ухватил его за край одежды.

— Слушай, отвали! — угрожающе сказал варвар. — Тебя еще тут не хватало.

— Хорошо, я уйду, — закивал шемит, выискивая кого-то взглядом. — Но образ гибнущей в огне девушки будет преследовать вас, молодой человек, до самой старости, если таковую даруют вам боги!

Шемит, (как, кстати и Конан) пристально следил за слугами, выводящими из уже начавшей дымиться конюшни всхрапывающих, встающих на дыбы лошадей.

— Клянусь мамой, это она! Моя лошадка, которую вы, юноша, так бесцеремонно отобрали! Или скажете, что нет?

Стариk, воздев худые руки, бросился к белой лошади, некогда принадлежавшей почившему Турлей-Хану. Киммериец тоже узнал конягу, и ему в голову пришла удачная мысль.

— Эй, Мораддин! А лошади нам пригодятся! Только не говори мне про конокрадство!

— Какое конокрадство? — удивленно отозвался Мораддин. — Мы спасаем бедных животин

из огня.

Оставив Стейну в одиночестве поносить на чем свет стоит квартального и всю городскую стражу, они подбежали к конюшне. Мораддин схватил под уздцы гнедого жеребца, с которым никак не мог справиться помощник конюха.

— Позволь-ка мне, — Мораддин отстранил слугу, погладил по взмыленной шее приседающего на задние ноги коня и проговорил в полголоса несколько слов, после чего лошадь перестала биться и спокойно дала увести себя в сторону.

В это же время Конан был поглощен препирательством со старым шемитом. Оба вцепились в узду испуганно храпящей лошади, причем, каждый, после очередной реплики, тянул повод на себя, отчего голова животного поворачивалась то к киммерийцу, то к старику, и со стороны казалось, будто кобыла вежливо и внимательно их слушает.

— Вы, юноша, отняли у меня лошадь обманом! Вы позволили себе издеваться над бедным, больным человеком, старше вас не меньше, чем в три раза, и не отказываете себе в этом варварском удовольствии и сейчас!

— Да неужели ты не соображаешь, старый осел, что я отдал тебе целое состояние за никчемную клячу! Она моя! И я беру ее обратно!

— Вы таки называете состоянием тот дырявый мешок с двумя ржавыми медяками, который швырнули мне, убегая от стражи? Да знаете ли вы, несчастный юноша, по которому плачет лекарь, сколько стоит поездка в Асгалун, что в Шеме, ну, вы знаете?.. А как дороги услуги тамошних лекарей? Да у вас терпения не хватит сосчитать!

— Плевал я на твоих лекарей! Отдай лошадь!

— А вот это таки зря! У меня есть один замечательный лекарь, он вас посмотрит, и тогда увидите...

— Эй, Конан! Ты нашел себе коня? — Мораддин прервал перепалку, растолкав собравшихся зрителей, которым уже наскучило глядеть на догорающие «Врата Студовольствий».

— Нашел, только вот этот старый скупердяй вцепился в нее как клещ и не отдает!

— Молодой человек! — шемит обратился к Мораддину. — Вы, я вижу, приятель этого болезненного юноши? Если вы беспокоитесь о здоровье своего друга, то скажите ему, чтобы он побыстрее вернул мне лошадь и деньги, а потом я скажу вам адрес лекаря, это мой двоюродный племянник...

— Деньги? — взвыл Конан и, дернув повод на себя, замахнулся: — Ах, ты... Да я тебя...

— Я же говорил! — пискнул шемит, пригибаясь.

— Варвар, снова ты за свое! Опять деньги! — укоризненно покачал головой Мораддин. — Оставь старого доброго шемита в покое, отдай ему лошадь и возьми себе другую, — он дернул Конана за рукав и прощедил сквозь зубы: — Идиот, тут полно солдат, а ты устроил... представление!

— Старый... добрый... — тяжело дыша от гнева, Конан швырнул повод в лицо старцу и добавил, погрозив ему обожженным кулаком: — Ну, старый хрыч, мы еще встретимся!

— Конечно, конечно! — шемит засуетился, наклоняясь и кряхтя, нашарил повод и, откинув с лица седые пряди, сказал Мораддину: — Молодой человек, позаботьтесь о вашем друге, у него таки очень плохо с головой! — И старикан, вздыхая, покашливая и сокрушенno причитая потянул кобылу за собой, в более безопасное место. Краем уха киммериец еще улавливал его печальные речи:

— Вчера отобрали лошадь, сегодня сожгли дом, завтра лишат последней корки хлеба и

что прикажете делать?..

Конан круто развернулся и, увидев, как один из слуг уводит ту лошадь, которую ему дали в крепости Баргэми, набросился на него с такой яростью, что слуга, бросив поводья, поспешил удрать.

От здания дома терпимости остался один обугленный, дымящийся остов. Народ расходился, покачивая головами и обсуждая, кто же мог совершить поджог, и вообще, за что столько несчастий вдруг свалилось на славный Султанапур? Вокруг дымящихся обломков столпились девочки Стейны, прижимая к груди свои пожитки, они скорбно оглядывали чадящие руины, что остались от дома, ставшего для многих из них роднее и ближе, чем родительский. Многие из них украдкой плакали, размазывая по лицу краску с ресниц. Среди них была и Стейна – она оставила попытки докричаться до квартального и разогнала попытавшихся оцепить здание стражников: «Нечего тут торчать, как... как... бездельники! Марш ловить разбойников!», причем те послушно разбежались по кварталу и рыскали сейчас где-то поблизости, прилежно ища поджигателей. Несчастная хозяйка бесстрашно ходила между обугленных досок, копаясь в пепле изогнутой туранской саблей, что-то извлекала оттуда, обжигаясь и дуя на пальцы, и прятала за пазуху.

Привязав лошадей, Конан и Мораддин пробрались к ней.

– Стейна... – тихо сказал Конан, мягко обняв ее за плечи. Она вскинула голову, задев киммерийца по лицу слегка обгоревшими прядями волос, и, дернув плечом, холодно сказала:

– Ты все еще тут? И этот гном с тобой? Убирайтесь к Нергалу! – она ткнула кулаком Конана в грудь и, увидев что-то среди вороха полусгоревших ковров, направилась в ту сторону, ловко перебираясь по горячим балкам.

– Она помешалась... – прошептал Конан, взглянув на Мораддина. Тот ничего не ответил и сказал Стейне вслед:

– Вы что-то ищете? Вам помочь?

– Пошли вон! – огрызнулась бывшая хозяйка «Врат», наклонилась и, обернув руки полами длинного плаща, извлекла крупный золотой слиток, обернутый приплавившейся почерневшей тканью. Высоко подняв его, она повернулась к Конану и Мораддину и простонала:

– Что я ищу? Ты спрашиваешь, что я ищу? Милый варвар, тебе ничего не напоминает этот кусочек золота, а, котик?

Конан опустил голову, а Мораддин вздохнул.

– Молчишь, голубчик? Сет тебя побери! Я, старая, больная женщина осталась на склоне лет без единого медяка! Все, что я с таким трудом нажила, в один миг превратилось в пепел, и все по твоей милости, мерзавец! Да знаешь ли ты, каких скотов мне приходилось ублажать, пока ты шлялся где-то, сколько ночей я не спала, как недоедала, складывая золотой к золотому, пока ты сладко жрал, крепко дрыхнул, валялся с девками по сеновалам?! Зачем ты приперся ко мне со своей дикаркой, своими кувшинами, гномами, джавидами и прочей дрянью?! Зачем, я спрашиваю, ты втянул меня в свои дурацкие приключения?! Зачем, проклятый... ненавижу...

Голос Стейны задрожал, она уронила золотой слиток и закрыла лицо руками, сотрясаясь от рыданий.

– Стейна, милая, не надо! – Конан пробрался к ней и обнял. – Я заработаю, я куплю тебе новый дом, я... Ну, перестань же!

Уткнувшись ему в плечо, Стейна бормотала какие-то ругательства, слабо била кулаком

Конана в грудь. Киммериец, гладя ее по голове, обернулся на Мораддина, но тот развел руками: мол, женские слезы – это не по моей части, твоя подружка – ты ее и успокаивай.

– Стейна, детка! Ну, хочешь, я, когда отыщу кувшин, пожелаю, чтобы у тебя был новый дом, в два, нет, в три раза больше этого, хочешь?!

Женщина, перестав плакать, подняла залитое слезами, перепачканное сажей лицо, отстранила от себя киммерийца и молча подняла слиток.

– Катитесь вы со своим кувшином… – шмыгнув носом, глухо проговорила она. – Уроды… кругом!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Барханы меняли цвет с призрачно-серого, ночных, на бронзовый, а затем и алый. Багровым, словно налитым кипящим золотом диском тяжело выползало из вод моря Вилайет солнце, купая в соленых волнах нижний свой край. Холодные утренние лучи светила – красноватые и неверные – превратили пустыню, охватившую стены Султанапура сыпучими валами мертвых песков, в застывший океан, будто наполненный темной кровью. На мгновение Конану почудилось, что вот сейчас неведомые боги снимут заклятие остановившее вечный бег его волн и горячие буруны с ревом захлестнут двоих всадников, закрутят, накроют кровавой пеной, утягивая к далекому дну, где нет живых и куда не проникает свет, только жаркая, пахнущая смертью, липкая пустота вокруг... Но вот солнце оторвалось от ползущей над Вилайетом дымки, начало стремительно наливаться жгучей белизной, превращая кровь в золотистый песок, и жутковатое видение исчезло бесследно. Туранская пустыня осталась лишь пустыней, безводной и почти необитаемой...

– Лихо ты длинного гвардейца уделал, – сказал Конан Мораддину, просто для того чтобы начать разговор. До смерти тоскливо было варвару после бессонной ночи и вчерашнего дня, стоявшего жизни слишком многим, вольно или невольно ввязавшимся в историю с кувшином подземного народа.

– Как умел... – хмуро отозвался полугном, больше озабоченный тем, что ноги его не доставали низких стремян, а норовистый и злющий жеребец, не желая признавать нового хозяина то и дело строил всякие каверзы. Если б не магические, по мнению Конана, штучки, используемые Мораддином, то коротышка давно уже лежал бы на песке, а конь, почувяв свободу, носился по барханам, поднимая тучи пыли...

Киммериец, уяснив, что сейчас проще разговорить валявшийся неподалеку верблюжий череп, нежели своего спутника, сплюнул и в который уже раз проклял дорогу, выведшую его к каравану старого шейха Джагула. С той поры дня не прошло без всевозможных пакостей, ну а минувшую ночь и вообще стоит забыть раз и навсегда! Кхитайские наемники, пожар во «Вратах Ста Удовольствий» и в завершение – исчезновение Дагарнуса, а потом ошеломляющий, удивительно наглый и бесшабашный прорыв за городские ворота, которые, в связи с объявленным эмиром осадным положением, охранялись бдительнее сокровищницы царя Илдиза...

«Словом, прошедшие сутки в Султанапуре были насыщены событиями до предела, – про себя усмехнулся варвар. – И у придворных летописцев Хайберди-Шаха работы с утра прибавилось, а разговоров в городе хватит лет на пять, не меньше. Приятно знать что и я приложил к этому руку.»

...Конан с Мораддином, отдав безутешной Стейне все наличные деньги (старый шемит неожиданно пригласил погорелицу на временное жительство в свой дом), первым делом отправились на соседнюю улицу, к дому кофийского посланника. Киммериец заявил, что плевать ему на патрули, облавы и прочие развлечения эмира, взбешенного творящимися в городе безобразиями, и сейчас просто необходимо разжиться хотя бы пятью десятками золотых на дорогу, тем более, что нет ни припасов, ни воды, а без них в пустыню может сунуться только самоубийца. Мораддин не стал его отговаривать, понимая всю бесполезность споров с упрямым варваром, и разве что вполголоса пробурчал пару теплых слов в адрес злосчастного ложа, на котором одна варварская парочка, в припадке безумия,

однажды зачала незадачливого искателя приключений именем Конан...

Переполох, вызванный пожаром во «Вратах» сыграл им на руку – зевак и любопытных в посольском квартале было множество (не каждую же ночь сгорает веселый дом для вельмож и придворных!) и патрули смотрели на поздних гуляк сквозь пальцы, позабыв строгий приказ – ночью задерживать каждого.

Оборвав шнурок звонка после излишне резкого рывка, Конан начал молотить в дверь кулаками, а затем и носками сапог, словно желая выместить на досках накопившуюся злость, а когда сонный привратник отворил, киммериец схватил перепуганного кофийца за грудки, тряхнул, разорвав ему ночную рубашку и, двинув спиной о косяк, прорычал прямо вспотевшее от ужаса лицо:

– Дагарнуса зови, быстренько...

Кофиец, мельком взглянул за спину огромного, воняющего гарью и кровью громилы, и, разглядев как Мораддин разбирается с тремя стражниками, по глупости своей решившими выяснить его личность, тихонько заскулил. Когда последний патрульный грохнулся на мостовую, и полугном, так и не вынувший клинок, по-хозяйски осмотрел результат своих трудов, киммериец снова потряс близкого к обмороку привратника.

– Мы друзья мэтра Дагарнуса, – пояснил он, оглянувшись, и добавил ласково: – Где хозяин, скотина? Ну?

– Уехал... – пролепетал кофиец, будучи не в силах оторвать взгляд от Мораддина, с вороватым видом оттаскивавшего тела патрульных к решетке сада кофийского посольства. – Уехал вечером, после того как пришел какой-то человек, по виду кочевник... Я больше ничего не знаю, ваша милость... Благородный Дагарнус взял с собой двоих телохранителей и сказал, что вернется после заката... И до сих пор не приезжал... Ваша милость, может вы, как... как друг мэтра знаете чего?..

– Если у него все друзья вроде нас, то благородный Дагарнус может вообще не вернуться, – ядовито ухмыльнулся варвар и, разжав пальцы, поставил привратника на землю. Вот проклятие, и тут неудача! И совсем уж скверно то, что за почтенным нобилем зашел некто, похожий на зуагира. Такие совпадения наводят на нехорошие размышления...

Впрочем, подумать время еще найдется, а сейчас надо любой ценой покинуть пределы Султанапура, ухитрившись при этом сохранить свою жизнь...

– Передай Дагарнусу, что заглядывал Конан! – приказал варвар. – Запомнишь?

– К-Конан... – отрывисто кивнул слуга, и пока искал, чем бы еще убедить наводящего дрожь приятеля хозяина в том, что у служек посольства короля Страбонуса память работает безукоризненно, и, поэтому убивать их ну совершенно излишне, страшный варвар и думать забыл о нем. А когда кофиец, вздрагивая и выбивая дробь зубами, шмыгнул за дверь, и с той стороны загремели замки и засовы, внимание Конана переместилось на Мораддина. Скрываясь в тени витой чугунной решетки окружавшей сад посольского дома, он с сосредоточенным и серьезным выражением на лице снимал одежду с только что убитых им городских стражей.

– Мародерствуем? – поинтересовался Конан, с интересом наблюдая как Мораддин стягивает с десятника широкие шелковые штаны, – или у тебя... э-э... другие намерения?

– А по морде? – прошипел полугном, бросая яростный взгляд на киммерийца. – Как ты собираешься выбираться из города? Скажешь страже, что тебе в Султанапуре стало скучно?

– А, старый прием! – махнул рукой Конан. – Проделывал я уже подобные штуки... Ну, ты знаешь.

Мораддин тем временем молча облачался в костюм десятника, а киммериец, по мере того, как затягивалась под подбородком тесьма на поясе штанов, спустился чуть ли не до пят кафтан, а тюрбан целиком накрыл голову полугнома, сел на землю и затрясся в беззвучном хохоте. Мораддин напоминал маленького сына десятника, решившего похвастаться перед сверстниками папашиной формой.

— Не нравится? — полугном развел руками и оценивающе оглядел себя. — И мне не нравится! Дурацкий маскарад, конечно, но что поделаешь, если в городскую стражу берут только долговязых олухов... Ладно, поехали к западным воротам, там увидим, что получится.

— Денег нет. А наших коней вывести за ворота Султанапура не получится. — сказал Конан, быстро переодеваясь. На рослом киммерийце одежда десятника сидела, будто сшитая по заказу. Он вскочил в седло и добавил: — Я-то хотел просто перебраться через городскую стену, а утром отнять у каких-нибудь караванщиков лошадей.

— Конокрадство? — пробормотал Мораддин, размышляя о том, как он будет забираться на лошадь, путаясь в длинном кафтане и то и дело поднимая с глаз чалму. — По законам Турана — смертная казнь без промедления или... двадцать лет каторги.

— Тогда лет... пятьсот за эти дни мы уже заработали, — обрадовано сообщил Конан. — Тебе помочь?

— Я сам, — буркнул Мораддин. — И кстати...

Он вытащил кинжал, нагнулся и не без труда выковырял из мостовой пару булыжников, а потом завязал их в оба края плаща.

— Это еще зачем? — удивился Конан.

— Увидишь, когда пригодится.

Подобрав полы кафтана, Мораддин высоко подпрыгнул, ухватился за седло и, подтянувшись, забрался в седло.

— Готов? — усмехнулся Конан. — Ну, поехали!

Цепь загадочных убийств заставила эмира поднять на ноги всю стражу города, гвардию и даже наемников. Почему-то Верхний Город охранялся менее тщательно, — считалось, что преступники должны скрываться именно в бедных кварталах, где легче смещаться со всяkim сбродом и залечь на дно. Никому не пришло в голову, что убийца мог переодеться богачом, вельможей или купцом и благополучно отдохнуть на каком-нибудь зажиточном постоялом дворе... Однако, по указу Хайберди-Шаха, покинуть Султанапур могли лишь люди, у которых было специальное разрешение, подписанное в канцелярии эмира. Прочие за ворота не выпускались, а особо настырных немедленно брали под стражу, без разговоров отправляя в городскую тюрьму, которая с незапамятных времен не была настолько переполнена.

Конану и Мораддину удалось успешно добраться до городских ворот. Они остановились в небольшом переулочке, который сворачивал на дорогу, проходившую через западные ворота.

— Что будем дальше делать? — прошептал Мораддин, а Конан, спешившись, осторожно заглянул за угол. Перед воротами расположился целый военный лагерь — стража, конная гвардия, какие-то деловитые личности в одежде простых горожан, но с оружием на поясах. На небольшой площади у ворот горели костры, стояло несколько палаток; дорогу перегораживали деревянные рогатки.

— М-да, они устроились надолго, — задумчиво произнес Конан. — Как же их оттуда убрать? Разве что напугать...

— Напугать?.. — Мораддин поскреб бородку. — Теперь твоя очередь думать, киммериец. Сколько можно выручать тебя?

– Напугать, – заворожено прошептал варвар, и вдруг широко улыбнулся. – Покушение... покушение на эмира!..

– Бездарно! У нас разве есть время покушаться на жизнь эмира? – фыркнул Мораддин.

– Глу-у-пый! – с нескрываемым удовольствием ослабился киммериец. – Слушай, что скажу...

Конан подошел к лошади Мораддина, тот нагнулся к нему, некоторое время выслушивал, изредка посмеиваясь, а потом тихо сказал:

– Идея, конечно, сумасшедшая, но стоит того, чтобы попытаться ее осуществить.

Конан самодовольно ухмыльнулся – мол, а ты еще сомневался; сел на лошадь, оправил одежду, критически оглядел Мораддина и коротко скомандовал:

– Кричать буду я. Вперед!

Старший в карауле – пожилой, измученный бессонницей и бесконечными приказами «сверху» турец, только присел к костру отдохнуть и глотнуть горячего красного вина. Через западные ворота города проходила главная дорога, ведущая в пустыню, в Аграпур и города Южного Турана. Множество караванов, толпы путников – пеших и конных, бедных и богатых, досужих и занятых важными делами проходили через них в течение дня, и у каждого входящего надо было проверить подорожную, взять пошлину, а со вчерашнего дня у выходящих – разрешение эмира с его личной печатью на гербовой бумаге. И все из-за неведомых бандитов, словно решивших перерезать всех приближенных Хайберди-Шаха. Того и гляди, придет очередь и солнцеликого эмира, храни его Эрлик, пасть от руки этих головорезов...

Истошный крик и бешеный звон подков о камни мостовой нарушили ночную тишину. Старший караульный вскочил, расплескав вино, схватился за саблю.

– Скорее! Бегом! Нападение на солнцеликого Хайберди-Шаха! Все за нами!

Двое всадников в форме городской стражи ворвались в круг света. Один, высокий и темноволосый, поднимая на дыбы свою лошадь, топтавшуюся на месте, продолжал выкрикивать приказы. Рядом с ним пританцовывал, мотая головой, гнедой жеребец, которого с трудом пытался сдержать малорослый человек со знаками различия десятника на висящей мешком одежде.

– Эмир облезжал караулы, – надсадно орал высокий, наблюдая, как военные хватали оружие, ловили лошадей, а кто-то уже скакал к центру города. – Они налетели внезапно, но нам удалось спасти эмира! Он не пожелал возвращаться во дворец, а решил самолично расправиться с бандитами!.. За мной! У эмира почти не осталось телохранителей! Быстрее, могут напасть снова!

Позже Мораддин признался Конану, что выглядел он, ни дать, ни взять – сказочный герой, спасающий своего повелителя от злого дракона и призывающий весь народ защитить любимого владыку. Зрелище было незабываемое.

Панике поддались практически все. Дикое ржание лошадей, топот кованых сапог, выкрики ничего толком не сообразивших офицеров, общая свалка... Конан с наслаждением наблюдал за созданной им самим суматохой, и, наконец, когда один из солдат полетел прямо в костер, споткнувшись о своего товарища, который нагнулся в поисках оброненного кинжала, киммериец махнул рукой и выкрикнул:

– Четыре квартала вверх по улице! Хайберди-Шах там! За мно-о-й!

Пришпорив коня и направив его в темноту дороги, уводящей к верхнему городу, варвар на ходу окликнул Мораддина. Когда более трех десятков всадников азартно рванули в

указанном направлении, Конан со своим спутником незаметно отстали, развернули лошадей и поскакали обратно к воротам.

Киммериец понадеялся было, что все пройдет гладко, и его нехитрая уловка подействует на всех без исключения, но ошибся. Несколько гвардейских офицеров не поддались общему порыву и не стали покидать пост без приказа своего начальства.

— А вы что здесь делаете? — рявкнул на них Конан, начиная понимать, что от этих преданных вояк придется избавляться при помощи оружия.

— А ты кто такой, чтобы приказывать конной гвардии государя Илдиза? — откликнулся старший из офицеров, с недоверием оглядывая обнаглевших стражников, из которых лишь один имел чин десятника.

— Я? — быстро переспросил Конан. — Земное воплощение Эрлика!

И тотчас же его меч опустился на шлем недоверчивого кавалериста, промяв его посередине. Мораддин, выхватывая оружие, вполголоса проговорил:

— Опять... Сколько ж можно трупов за одни сутки...

— Измена!!! — завопил высокий, худощавый десятник, увидев, как его командир замерто свалился под ноги коня киммерийца.

— А ты как думал? — усмехнулся варвар, спрыгивая с лошади и уворачиваясь от сабельного удара. — Мораддин, начали! И побыстрее! А то вдруг они все такие догадливые...

Против варвара и потомка гномов сейчас стояли девять превосходно обученных кавалерийских офицеров, которые, правда, не подозревали, что столкнулись не сувальнями из городской стражи, а с виновниками многих странных и жутковатых событий, взбаламутивших весь Султанапур. Чудеса ловкости, показанные Мораддином в недавней схватке с наемниками, на сей раз были менее впечатляющими — полугному просто-напросто мешало его слишком просторное одеяние. Конан сделал такой вывод только потому, что движения Мораддина всегда были малозаметные — вчера, например, углядеть, какими приемами коротышка расправляется со своими противниками, варвару не удалось, — казалось, стоит ему шевельнуть рукой, как нападавший валится замерто. Конан взял на себя пятерых гвардейцев, закрывших подход к левой створке ворот и довольно успешно сдерживал их натиск, пока Мораддин, скинув плащ, быстро освобождался от необъятного кафана, по ходу дела обездвижив болезненными ударами по голени обоих кавалеристов, рискнувших связаться с легкой по их мнению добычей. Оставшись в своей легкой, удобной одежде, и, выбросив из капюшона мышку, которая недовольно заверещав, начала кружить в воздухе над головами людей, Мораддин схватил плащ, в углы которого были завязаны два булыжника, подбежал к киммерийцу и раскрутил плащ над головой, точно прашу. Ткань плотно обмоталась вокруг шеи одного из пятерых гвардейцев, с которыми дрался Конан, Мораддин дернул плащ на себя и ударом колена в грудь свалил полузадохнувшегося воина.

— Один готов! — заметил полугном, снова раскручивая свою «прашу».

— И второй! — отозвался киммериец, которому удалось разрубить едва не до грудины ребра на мгновение открывшего глухую защиту гвардейца — тот намеревался одним из каверзных приемов срубить Конану голову, но киммериец, прекрасно зная эту примитивную уловку, отвел клинок противника в сторону и тут же уложил стражника. На камни брызнула темная кровь, тело с глухим стуком рухнуло наземь.

Третий из пятерых достался опять же Мораддину, а остальные, побросав оружие, разбежались в разные стороны. Киммериец не стал их преследовать, подобрал с земли кафтан, скинутый Мораддином и оттер им меч.

— Здорово ты их! Я бы ни за что не догадался! — восторженно сказал варвар, глядя, как Мораддин выпрастил камни из плаща. Белый зверек мирно сидел на его плече и таращился в темноту.

— Еще бы... — проговорил полугном. — Нечего зря время терять, иди открывай ворота!

Поднатужившись, Конан приподнял тяжелую балку, служившую засовом, и сбросил ее со скоб.

— Прошу! — ударом ноги он распахнул створки.

Когда Конан и Мораддин выехали за ворота, им сперва показалось, что безумная выходка потерпела полный провал. Горящие костры, кучки людей, греющихся у огня, лошади — неужели ворота охранялись и снаружи?.. Конан уже хотел было сказать, что с таким числом солдат ему не справиться даже вместе с десятю Мораддинами, но, приглядевшись, понял, что перед ними было всего лишь несколько караванов, вроде того, с которым он коротал ночь после побега с рудников, — они пришли слишком поздно и их не пустили в город, не смотря на то, что все бумаги были в порядке и хватало денег на пошлины. Некоторые из караванщиков заметили, что ворота, к их вящему удивлению, открылись и оттуда выехали двое всадников. И тут Конану пришла в голову замечательная и вполне безобидная шутка. Кроме того, она вполне может избавить от возможной погони, создав дополнительную сумятицу. Привстав на стременах, он кашлянул и зычным голосом провозгласил:

— Указом солнцеликого эмира султанапурского Хайберди-Шаха, да пребудет он в вечном здравии, всем разрешается въехать в город без пошлины и без проверки подорожных! Указ действует до наступления рассвета! Поторопитесь, почтенные гости!

Некоторое время стояла изумленная тишина, а потом, словно повинувшись взмаху руки бывшего мага, все пришло в движение. Караванщики поднимали верблюдов, собирали поклажу, оживленно переговариваясь, гасили костры, и вскоре, два или три каравана, один за другим, широкой волной полились через гостеприимно распахнутые неизвестным никому киммерийцем ворота в славный город Султанапур.

Конан любовался очередным своим творением, и мог простоять так, наверно, до самого рассвета, если бы Мораддин не дернул его за рукав.

— Отлично. Я оценил, — с ироничной усмешкой сказал он. — Но не забывай, что у нас впереди очень много дел.

* * *

Горячий воздух волнами струился над песками, поднимаясь к небу, и далекая полоска Кезанкийских гор почти расплылась в дрожащем мареве. Вдалеке, между пологими барханами мелькнула темная точка. Конан безошибочно определил что это, и, протянув руку, сказал:

— Вот она, старая башня.

Мораддин прищурился, вглядываясь, но как ни напрягал зрение, ничего, кроме неясной вертикальной черточки не увидел.

— Зоркие у тебя глаза, не то, что у меня... Гномы хорошо видят только в темноте, а при

столь ярком солнечном свете мне, как сыну гнома, тяжеловато.

Он ехал чуть позади Конана, натянув капюшон на самые глаза и перевязав его тесьмой на голове.

С восхода прошло уже довольно много времени, солнце было в зените и палило нещадно. Все живое попряталось от жары, исчезли куда-то даже маленькие ящерки, которые утром грелись на песчаных холмиках, шмыгали под копытами лошадей и, когда на них падала тень, мелко дрожа, быстро зарывались в песок.

Путники оказались в тяжелом положении – поспешное бегство из Султанапура не позволило им запастись едой и питьем, не было денег, чтобы купить провизию, да и где ее купишь посреди пустыни. Оставалось надеяться, что джавиды, по словам Ниорга ожидавшие киммерийца в развалинах сторожевой башни, сообразят захватить с собой хотя бы флягу с водой. О том, чтобы напоить лошадей, и думать было нечего. Да, повезло бывшей лошадке Турлей-Хана, стоит теперь, небось, в прохладной конюшне у старика-шемита, напоенная да накормленная, и варвара рядом нет...

Конану приходилось потяжелее, чем Мораддину – болели обожженные на пожаре руки, причем боль усиливалась жгучими лучами солнца; уже сейчас варвару сильно хотелось пить. Пару раз сознание на пару мгновений точно заволакивалось туманом, он, судорожно сжав пальцы, держался за луку седла, чтобы не упасть с лошади. Развалины башни приближались медленно, как во сне, и, чтобы отвлечься от боли и жажды, Конан смотрел, не отрываясь, на колеблющийся силуэт, силясь различить бойницы, отдельные камни, пообсыпавшийся зубчатый верх... Временами в глазах темнело, и тогда варвар перебрасывался двумя-тремя ничего не значащими словами с Мораддином, чтобы не потерять ощущение действительности.

Летучая мышь сидела, спрятавшись в складки одежды хозяина, и даже не пыталась высунуться наружу, под слепящие лучи солнца.

Наконец, желто-серые развалины башни вынырнули из-за бархана, неожиданно оказавшись совсем рядом – меньше, чем в полете стрелы.

– Приехали, – прохрипел Конан, еле двигая пересохшими губами. – Честное слово, проезжай сейчас караван да вынырни из песка равах, я бы не раздумывая кинулся снова зарабатывать воду...

– Я бы к тебе с удовольствием присоединился, – слабым голосом откликнулся Мораддин. – Вот, кстати, ехал и думал, что будет, если эта тварь – равах – прельстится двумя полумертвыми от жары и жажды проходимцами...

– Подавитесь, – хмуро сказал киммериец. – А что вернее, отравится и сдохнет... Давай ходу, хоть в тени посидим...

Конан, кряхтя и постанывая, слез с понурой лошади, завел ее в тень, отбрасываемую старой башней, привязал к проржавевшей древней коновязи и решительно шагнул внутрь. Мораддин вошел следом и ткнулся в спину варвара, замершего у входа, будто статуя.

– Что такое? – полугнтом подпрыгнул, заглядывая через плечо Конана, но ничего толком не разглядел. Когда тот молча посторонился, Мораддин обозрел округлое помещение первого этажа и присвистнул.

– Мораддин, ты видел Дагарнуса в лицо или он платил за мое освобождение через своих поверенных?

– Конечно, видел, – последовал ответ.

– Тогда скажи мне, только честно, это – он? – киммериец указал на один из трех трупов,

лежавших у стены. Мораддин, не колеблясь, прошел вперед, нагнулся, осмотрел тела и, повернувшись к Конану, утвердительно кивнул.

— Так, — только и смог сказать северянин. — Плакали мои денежки...

— Ты неисправим, — вздохнул Мораддин, вертя в руках подобранную стрелу с синим оперением.

Конан присел на корточки у стены, обхватил голову руками и с неподдельной мукой в голосе проговорил:

— Великий Кром, да что происходит-то? Почему все мрут, как мухи?! Я впервые начинаю думать о собственной смерти...

— Брось, — махнул рукой Мораддин. — Отобъемся, со мной не пропадешь!

— Да я и без тебя почти три десятка лет не пропал! — огрызнулся варвар. — Я просто хочу знать, что творится вокруг! Не может быть, чтобы Джрафир был виновен в попытке убить меня, смерти мага, пятитысячника и теперь вот Дагарнуса. Его-то за что?

Мораддин тем временем обшаривал одежду кофийского посланника, убитого ударом кинжала в висок — способ, еще никогда не виденный варварам. Единственное, что удалось добыть у достойного мэтра — это кошелек с золотом, который полугном немедленно бросил Конану, чтобы тот хоть немного утешился. Зато у одного из телохранителей оказалась нетронутая огромная фляга разведенного вина. Напившись, Мораддин подошел к киммерийцу и сунул сосуд ему в руку.

— Пей вот лучше.

Варвар, отложив кошелек, схватил флягу и в несколько огромных глотков осушил ее до дна, даже не спросив, пил ли Мораддин. Выдохнув, он резко отшвырнул пустую баклагу и исподлобья посмотрел на своего спутника, а потом на стрелу, которую бывший капитан хэрда бросил на выщербленный, покрытый песком пол.

— Дай-ка эту штуку сюда, — Конан указал на стрелу, и когда она попала ему в руки, подозрительно посмотрел на оперение и потеребил крашеные синей краской перышки.

— Стрела-то зуагирская... — медленно проронил он. — Я такие видел в оазисе Баргэми. Все-таки это дело рук молодого шейха. И кувшин он, гад, забрал... Между прочем, Мораддин, а где твои вислоухие дружки? Ниорг мне, помнится, шамкал, будто поджидать они меня тут будут.

Полугном неодобрительно покосился на варвара, но ничего не ответил и, тщательно осмотрев пол, обнаружил, что края одной из старинных каменных плит неплотно прилегают к соседним. Вынув кинжал, он постучал рукоятью по камню, и по гулкому звуку понял, что под плитой пустота.

— Подождем, — буркнул Мораддин. — Если джавиды здесь, то должны откликнуться...

Договорить он не успел, ибо родичи Ниорга и в самом деле откликнулись, разве что не совсем обычным, на взгляд киммерийца способом. Плита начала медленно подниматься, сдвигаясь в сторону и открывая зиявший провал, а из темноты его показалось такое чудище, что даже попривыкший за годы странствий к подобным зрелищам Конан, выругавшись на родном наречии, вскочил и, выхватив меч, попятился к выходу. Мораддин, и тот отступил на несколько шагов, изменившись в лице при виде невероятно безобразного черного чудовища. Ребристый костяной панцирь полностью закрывал темное тело, а из-под переднего края его высовывалась небольшая безглазая голова, которая, казалось, состоит из одних зубов — прямых, как кинжал, и длиной не меньше ладони; четырехпалые когтистые лапы вцепились в края отверстия. Монстр еще шире разинул пасть и, брызгая слюной, издал булькающее

рычание. Неожиданно рядом с отвратительной тварью появилась знакомая носатая физиономия Ниорга.

— А, пришли! — обрадовано прошепелявил джавид и бесцеремонно оттолкнул водившего головой вправо-влево зверя. — Не бойтесь, он ручной. Да заткнись ты, чучело!

«Чучело» клацнуло зубищами, рык и шипение смолкли, а затем оно медленно скрылось под землей. О присутствии зверюги теперь напоминало только тихое поскребывание, доносившееся из провала.

— И много у вас таких... ручных?.. — сглотнув слюну, спросил киммериец, подходя поближе, но меч на всякий случай не пряча.

Ниорг выбрался из подземелья, сощурил маленькие глазки, превратившиеся в узенькие щелочки, и насмешливым тоном ответил:

— Ах, варвар, у нас под землей и не такое встречается...

— Да я знаю, — оскалился Конан, вспомнив человекаобразного ящера-демона, которого джавиды натравили на него в день похищения Мирдани. — И все же, что это за дрянь?

— Вроде сторожевой собаки, как у людей, — небрежно бросил Ниорг. — Только посообразительнее и не линяет — шерсти нет.

Тут старый джавид, близоруко щурясь, оглядел зал, приметил Мораддина, и Конан, скривив губы, понаблюдал за трогательной встречей двух старых приятелей — Мораддин едва не расцеловал волосатого джавида, а тот, в свою очередь, готов был залиться от счастья слезами. Дождавшись, когда они успокоятся, Конан без обиняков заявил:

— Ну, хватит. К делу. Ниорг, дорогуша, ты в этой башне давно сидишь, и... гхм... песик твой?

— Как и обещал, ожидаюсь тебя или Мораддина со времени нашей последней встречи...

— Значит, должен был слышать, что стряслось прошедшей ночью или утром, — варвар кивком головы указал на три трупа, валявшиеся у стены. Ниорг мигом обрел серьезный вид, проковылял к телам и всмотрелся в их лица. Некоторое время он молча разглядывал Дагарнуса, а потом уставился на киммерийца, раскрыв рот.

— Это ты убил... его?

— Нет, я хотел узнать о его смерти у тебя.

— Да знаешь ли ты, варвар, чьи презренные останки лежат у моих ног, оставленные на растерзание шакалам?

— Ну? — насторожился Конан, чувствуя, что узнает сейчас о Дагарнусе что-нибудь новенькое, еще больше запутающее историю с сокровищем джавидов. Так оно и случилось.

Выдержав торжественную паузу, старый Ниорг значительно потряс в воздухе кулаками и выговорил:

— Отца сего негодяя звали Дуалкамом, а сам этот человек навлек на мой род, род Нирафа, проклятие Нейглама!

— О, боги!.. Опять! — простонал киммериец.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

— Да-да! — не обратив внимания на горестное восклицание киммерийца, продолжил Ниорг. — Это человек, по вине которого один из самых знатных родов гномьего племени вынужден прозябать в омерзительном образе джавидов!

Мораддин подошел к Конану и положил ему руку на плечо.

— Видишь, как все просто!

— Я сам! — вскрикнул киммериец и провел обеими ладонями по лицу. — Никакого Страбонуса со своим магом тут и близко не было, Дагарнус все выдумал, задурил мне голову своими деньгами, и если бы не Ниорг со своей слюнявой сказкой про бедных маленьких гномиков... Не-ет, так меня еще никто не дурил! Жаль, что не я прибил это отродье Сета!

Конан с силой пнул труп Дагарнуса. Ниорг, вздрогнув, как ошпаренный, когда киммериец столь неучтиво отозвался о трагедии его рода, медленно повернулся к нему и, задрав подбородок, произнес:

— Быть может, презренный сын Дуалкама, нарекший себя Дагарнусом, и сделал тебе, варвар, много зла, но это не повод, чтобы оскорблять достоинство гномьего народа! А за это мы караем жестоко, очень жестоко!

— А пошел ты знаешь куда со своими карами?! — грубо отмахнулся от него Конан, в то время, как Мораддин что-то быстро говорил джавиду волосатое ухо. — У меня и так уже голова кругом идет от вранья вокруг вашего гномского горшка! Короче, все, что было раньше — не имеет значения. Кувшин у Джифира, значит, сейчас наша цель — вонючий зуагир, и точка! Мое дело — сдержать слово. Этим я и займусь.

— Ну, и что ты собираешься предпринять? — поинтересовался Мораддин.

— Я поеду в его занюханный оазис, намотаю Джифиру кишки на уши и вернусь сюда с Нейгламом!

— Сильно сказано, — вздохнул Мораддин. — А как ты собираешься это делать? Один? Ты же не знаешь, зачем ему нужен был Нейглам? Я, пожалуй, съезжу с тобой, — задумчиво добавил он, словно, речь шла не об опаснейшем деле, а о утренней прогулке в саду Баргэми. На этот раз Конан промолчал, не возражая, потому что представлял, на что способен Мораддин и насколько его присутствие упростит задачу.

— Ну, поехали, — быстро сказал Конан. — А ты будешь ждать здесь!

Последняя фраза относилась к Ниоргу, который, поддавшись увещеваниям Мораддина не стал подвергать киммерийца жестоким карам и натравливать на него своих домашних зверюшек. Но возразить он не преминул:

— Как это — ждать здесь? Неужели ты, варвар, думаешь, что я буду сидеть, сложа руки, когда решается судьба моего рода? Я приведу всех своих соплеменников в подземелья под оазисом и никто не сможет ускользнуть из крепости.

Конан, с трудом сдержав ярость, громко сказал Мораддину:

— Слушай, скажи ты этому недомерку, чтобы дал нам еды и питья! А то я снова скажу что-нибудь непочтительное...

Решив, что последнее слово осталось за ним, киммериец развернулся на каблуках и вышел наружу, к лошадям, оставив старого джавида наедине с Мораддином. Некоторое время спустя последний подошел к Конану, подтягивающему подпругу, и, подтолкнув его кулаком в бок, протянул тряпичный сверток и флягу.

— Возьми. Ниорг очень недоволен тобой и терпит твоё хамство лишь потому, что надеется получить Нейглам.

— Обидчивый какой... — буркнул киммериец, забираясь в седло. — И как только твоя матушка терпела папашу?

Мораддин покраснел от злости, задержав дыхание, но не стал отвечать, зная, что варвара не исправишь, а пытаться пристыдить его словами — дело безнадежное. Ну что с дикаря возьмешь!

После полудня усилился ветер, подняв в горячий воздух звесь мельчайших песчинок, забивавшихся в рот, глаза, оседавших на одежду... Лошади шли с трудом, медленно переставляя ноги и низко наклонив головы. Конан надеялся, что сильной песчаной бури не случится — тогда добраться до крепости Баргэми будет невозможно. Каждый сильный порыв ветра заставлял его стискивать зубы от жгучей боли — песок царапал обожженные руки точно мелкими коготками. Ну, почему он не догадался подобрать какой-нибудь плащ или кафтан...

Солнце начало клониться к закату, когда ветер стал ослабевать, песчаный дождь понемногу прекратился, а цепь Кезанкийских гор ощутимо приблизилась. Всю дорогу от старой башни Конан и Мораддин ехали молча, не разжимая губ, прежде всего от того, что не хотелось перемалывать на зубах противно хрустящие песчинки. А кроме того, полутемном все еще дулся на киммерийца за его неучтивость с Ниоргом и им самим. А сам Конан молча терпел боль, и у него не было никакого желания заводить беседу.

«Чем дальше, тем хуже... — угрюмо думал киммериец. — Смерти одна за другой... Удивляюсь, как я сам жив остался, ведь Джифир уничтожал каждого, хоть немного знающего о Нейгламе. Что ни говори, а Мораддину следует сказать спасибо за то, что оказался рядом вовремя. Не думаю, что я один устоял бы против нанятых Джифиром кхитайцев. Или не Джифиром? Вдруг случиться так, что вовсе не зуагирский шейх виновник всех недавних безобразий в Султанапуре, а есть еще некто третий, пятый, десятый... Весь мир сошел с ума!»

— Я вот что подумал, — начал разговор варвар, поворачиваясь к Мораддину. — А ну как приедем мы в крепость и выяснится — кувшинчик-то Джифиром кому другому передан? И тогда что?

— Если тебе это действительно интересно, я могу рассказать, как вся история представляется мне. Кажется, я распутал этот клубок... — Мораддин сделал паузу, ожидая, что ответит варвар, и когда тот молча кивнул, продолжил: — Вспомним все с самого начала. Не сомневаюсь, ты говорил мне правду о равахе, знакомстве со старым шейхом и похищении его дочери — зачем тебе врать? О Нейгламе тогда знали несколько сторон: во-первых, джавиды Ниорга, пытавшиеся вернуть древнее сокровище, невесть как очутившееся в сокровищнице Турлей-Хана; во-вторых, Дагарнус, оказавшийся прямым виновником трагедии рода Ниорга, и, в-третьих, шейх Джагул и его старший сын... Поговорим о кофийце, потому что именно он заварил эту кашу, не подозревая, что встал на дорогу, ведущую к Серым Равнинам. Не сомневаюсь, Дагарнус был именно тем, за кого себя выдавал — посланником короля Кофа Страбонуса, и приехал он в Туран со строго определенной целью: добыть сокровище джавидов, о котором знал с юности. И даже... — Мораддин запнулся. — И даже однажды использовал его силу.

— Ты говори, говори... — подбодрил его Конан. — Что дальше было?

— Вот только старался Дагарнус для себя или для короля, боюсь, так и останется неизвестным... Но можно предположить, что, желая выслужиться перед повелителем,

Дагарнус раскрыл ему тайну Нейглама, и Страбонус, надеясь приумножить свое могущество, обеими руками ухватился за возможность получить кувшин. Отсюда дворянское звание Дагарнуса, обширные полномочия, свобода в распоряжении деньгами...

— Мне он по другому рассказывал про поручение, данное королем и его магом... — покачав головой заметил киммериец.

— Без разницы! — Мораддин поморщился и махнул рукой. — Тебе Дагарнус мог вратить напропалую. Но главную тайну кофиец раскрыл: он охотился за Нейгламом, и пытался получить помощь от шейха Баргэми, знающего о существовании джавидов! А с твоим появлением в оазисе события начали развиваться совсем не так, как рассчитывали и Ниорг, и посол Страбонуса. Джавиды, прознав, что кувшин находится у пятитысячника, попытались выкупить его, и, выполняя условие Турлей-Хана, похитили Мирдани. Умер старый шейх. Ты, друг варвар, вмешавшись в ход событий, заставил придворного мага эмира заинтересоваться вещью, за которую джавиды согласились выкрасть красавицу для пятитысячника... И Радбуш забрал Нейглам у Турлей-Хана.

— Знай я тогда, в какую историю ввязываюсь... — вздохнул Конан. — Надо было просить у Джифира хотя бы пятьдесят тысяч, не так обидно было бы.

После этих слов варвара Мораддин тоскливо возвел очи горе, но удержав висящий на языке язвительный ответ, заставил себя продолжать.

— Знаешь, почему Радбуш не снес тебе голову, а отправил на рудник и строго приказал присматривать за тобой? Мне кажется, оттого, что считал будто ты сам маг и знаешь нечто большее, нежели хочешь показать. Наверняка он не поверил ни единому твоему слову... Впрочем, это сейчас неважно. В городе ты встретился с Дагарнусом, сумел обмануть, завоевать доверие и узнать, что кувшин джавидов не просто красивая игрушка... Так в борьбу за обладание Нейгламом вступил и некий Конан Киммерийский. И все, все до единого охотники забыли о существовании еще одного человека, знающего про сокровище подгорных карликов — о новом шейхе Баргэми Джифире. Понятия не имею, как он пронюхал о свойствах Нейглама — может Дагарнус рассказал, — но Джифир явно знает, что заключенная в сосуде сила способна дать ему многое — богатство, власть, магическое умение... Единственно, шейх не подозревает о опасности, которую таит в себе чуждая роду людей магия... Волшба гномов отлична от человеческой.

— Слышал я об этом, — нетерпеливо сказал киммериец. — А приехав в город, шейх начал уничтожать свидетелей и возможных претендентов на Нейглам?

— Точно! — Подтвердил Мораддин. — Человек он далеко не бедный, и мог позволить себе нанять отличных бойцов, способных противостоять целой армии — отсюда и кхитайцы. А потом пошло-поехало: обидчик сестры и прежний владелец кувшина — Турлей-Хан убит, Радбуш убит, а с ним и почти все слуги, больше всех знавший Дагарнус убит, тебя, тоже имевшего самое прямое касательство к делу, отыскали и пытались убить... Мирдани ушла с налетчиками и наверняка уже вернулась домой. Есть, конечно, несколько непонятных мне вещей. Например, как они нашли твое пристанище, как выманили Дагарнуса в старую башню, как и ему, и Джифировым молодцам удалось покинуть закрытый город, в котором введено военное положение? И самая главная загадка: как шейху удалось убить Радбуша? Он ведь был сильным, знающим чародеем, способным постоять за себя!

— Это верно... — буркнул Конан, вспоминая неприятные мгновения его собственного общения с Радбушем. Такой маг с полком бы справился, глазом не моргнув. Силен был огненными шарами кидаться, а вот против аквилонского кинжала и руки, его направившей,

не устоял...

— Хуже всего то, — говорил Мораддин, — что Джафир может запросто воспользоваться силой кувшина, если уже не воспользовался. И тогда противостоять ему будет сложновато. Кто знает, чего возжелает зуагирский шейх? Туранской короны? Мирового владычества?..

— А вдруг Джафир захочет просто улучшить качество своих вин? Или получить в свой гарем самую красивую наложницу Илдиза?

— Ты, Конан, подумай, разве стал бы человек, сметший со своего пути все препятствия не останавливаясь ни перед чем, размениваться на такие мелочи? Не-ет, Джафир хочет чего-то большего, и единственное желание его может многое изменить в этом мире!

— Воображаю, — рассмеялся киммериец, — Джафир Первый, король Харборийский, Царь Туранский, Владыка Аквилонский и прочая, и прочая...

— Зря смеешься, — прикрикнул на него Мораддин, — Вспомни, что смог натворить Дагарнус. Просто счастье, что его мстительная фантазия не простиралась дальше мнимых обидчиков его папаши-идиота!

— Да уж, — хмыкнул Конан, — я бы придумал чтонибудь поизощреннее!

— Вся проблема в том, что ничего придумать ты не можешь. Нейглам просто выполняет вовсе не приказ, а твое самое сильное желание!

— А если в момент, когда я овладею кувшином, мне захочется... ну... в кусты?

— Будут тебе кусты, — развел руками Мораддин.

— Ну и ну! — раскрыл рот киммериец, — Хорош кувшинчик! А я был уверен, что смогу приказать кувшину все что угодно.

— В этом беда всех людей, они, в отличие от гномов, сами не знают, чего хотят. Так что лучше сходи... в кусты, поешь и проспись перед тем, как общаться с силой Нейглама!

Ехали долго, не останавливаясь, но старались щадить измученных лошадей, понимая, что в пустыне без них недолго и пропасть. Горы приблизились настолько, что можно было рассмотреть отдельные пики и ущелья. Где-то в этих местах на караван старого шейха Джагула напал равах...

Солнце затянулось красноватой пеленой, опускаясь к Кезанкайским горам, тени удлинились и дневная жара начала спадать. По мнению киммерийца, следовало взять левее, к югу, потому что зелени оазиса, скрытого горными отрогами до сих пор не удавалось рассмотреть, а Конан помнил, что крепость Баргэми должна стоять чуть южнее этих мест.

Уже в сумерках зоркие глаза варвара высмотрели наконец темное пятно, примостившееся у кезанкайских склонов — до крепости оставалось не более двух лиг, и киммериец предполагал к полуночи оказаться у самых ее стен. Придумывать, как пробираться внутрь, к дворцу шейха, решили на месте, осмотревшись и выяснив обстановку в оазисе.

Мораддин молчал, насупившись, а потом вдруг остановил коня и заявил:

— Ты ничего... такого... не ощущаешь, случайно?

— Пить хочется... — с серьезным видом заявил Конан.

— Я не о том! Что то в воздухе... плохое! Вернее не плохое, а необычное.

Конан потянул носом воздух, пытаясь хоть что-то унюхать, но, так и не обнаружив ничего странного, ответил:

— Дымом пахнет... Чуть-чуть. Эти, в крепости, ужин готовят, наверно.

— Дурак! Все мысли о жратве! — рявкнул Мораддин, — От крепости исходит нечто неправильное, странная магия, и я это чувствую.

— А я нет, — равнодушно ответил варвар, тщетно пытаясь выщедить из пустой фляги хоть несколько капель воды. Отшвырнув сосуд, Конан взглянул на встревоженного Мораддина и видя, как тот беспокоится, спросил:

— Думаешь, Джифири не терпелось взяться за Нейглам?

— Скорее всего да, — быстро проговорил полугном, напряженно всматриваясь в сумерки, — только что из этого получилось? Какими неожиданностями нас порадует молодой шейх сегодня, хотелось бы знать?!

— Оно... ну то, что ты чувствуешь, — варвар мучительно пытался подобрать правильные слова, — Оно плохое или хорошее?

— Не знаю, — мотнул головой Мораддин, — Но очень необычное. Сила Нейглама не добрая и не злая, важно, какое намерение движет открывающим сосуд. А с силой, подобной истекающей сейчас оттуда, — полугном ткнул пальцем в сторону уже видневшихся стен крепости, — я доныне не встречался. Эта сила — попросту чужая, не наша, не от этого мира!

— Так... — буркнул киммериец, — значит, там нас встретят не только мечи и сабли Джифировых оборванцев, а еще и что-то магическое. И зачем я тогда захотел попросить воды у папаши нынешнего шейха?!

— Это ты уже говорил, и не один раз — отрезал Мораддин.

Неприятности начались уже в полуигле от ворот оазиса Баргэми, и варвар с Мораддином убедились, что Джифир и впрямь учинил в своем поселении нечто невообразимое. Лошади вдруг всхрапнули, шарахнулись в сторону, а справа, из вечернего сумрака выпрыгнуло такое, что потерявший от неожиданности дар речи Конан едва не свалился с лошади, а Мораддин, громко охнув, схватился за оружие, хотя и не очень представлял, как обычным мечом можно поразить подобное существо.

В сравнении с этой тварью «сторожевой пес» джавидов показался бы безобидным, милым и привлекательным домашним животным, с которым не опасаясь можно оставлять маленьких детей. Зверюга, сидевшую на склоне бархана и с каким-то мрачно-плотоядным интересом рассматривавшую замерших всадников, была размером, самое меньшее, с дикого быка. Множество коротеньких, когтистых ножек поддерживали длинное и толстое туловище, с одной стороны заканчивавшееся коротким шипастым хвостом, а с другой будто расколотое поперек извилистой темной щелью. Глаз почему-то было три, причем каждый находился на конце одного из длинных рогов, растущих из того места, которое, скорее всего, было головой. Тело покрывала очень плотная крупная полупрозрачная чешуя жемчужно-перламутрового цвета, при каждом движении чудища вспыхивавшая бледным переливающимся светом. Пока что зверь сидел, почти не шевелясь, лишь моргали шарообразные глаза, и из щели, служившей ему ртом, изредка показывался мясистый округлый язык.

Мораддин выразительно посмотрел на Конана, словно ожидая от него команды к действию, но варвар лишь только скрчил жуткую рожу, и пожал плечами.

— В жизни таких уродов не видел! — громко прошептал он, не сводя глаз с неизвестной твари. И, привстав на стременах, вдруг гаркнул:

— А ну брысь отсюда!

Мораддин изменился в лице, ожидая что зверь отреагирует на вопль Конана нападением, но ничего не произошло. Тварь так и осталась сидеть, с глуповато-заинтересованным видом взирая тремя глазами на людей и их скакунов.

— Может, поедем? — тихо предложил полугном, — он, наверно, не голодный, раз не нападает...

Тварь поспешила опровергнуть неверный вывод Мораддина. Только невероятная реакция потомка гномов спасла ему жизнь. Огромная тварь неожиданно легко взвилась в воздух, подняв густую тучу пыли, и, миг спустя всей тяжестью своего тела рухнула на лошадь Мораддина. Полугном, спрыгивая с лошади и откатываясь, разглядел, что вдоль всего тела чудища, промеж двух рядов коротеньких лап, вдруг выпрямилась огромная веслообразная конечность, и, подбросив монстра вверх, снова прижалась к телу. Раздался глухой хруст сломанных костей, брызнула кровь, тварь еще несколько раз подпрыгнула на вдавленном в песок теле несчастного коня, бившего в агонии ногами по песку и сдавленно хрюпавшего, торжествующе хрюкнула, а затем, засеменив маленькими ножками, отползла в сторону, поддела мордой тело жертвы и, ловко ухватив его своей беззубой пастью, начала отрывать куски мяса.

— Лихо... — сквозь зубы прощедил Конан, когда Мораддин поднялся, отряхивая песок, и подошел к нему. Летучая мышь, слегка помятая при падении, злобно и испуганно верещала, вцепившись когтями в плечо хозяина.

— Мне здесь не нравится, — серьезно сказал Мораддин, искоса поглядывая на хрустящую лошадиными костями тварь, успевшую почти целиком вымазаться в крови. На мгновение ему показалось, что лошадь еще шевелится, но он убедил себя, что это чудовище с силой треплет тушу, отрывая куски мяса...

— М-да, Джайфир перестарался... Если это, конечно, его работа, — проговорил киммериец. — Садись на мою лошадь, поедем дальше — раз решили добраться до Баргэми, надо ехать!

— Фантазия у твоего шейха... болезненная, — резюмировал полугном, снова и снова оглядываясь на доедающего лошадь хищника. — Еще один такой таракан — и мы пойдем пешком...

У стены крепости они оказались глубокой ночью, все таки потеряв и вторую лошадь — оказалось, что прыгающих многоногих тварей по округе бродило много, действительно, как тараканов. К счастью, на людей голодные звери особого внимания не обращали, видимо, полагая их слишком мелкой добычей, но вот за лошадь четверо монстров устроили меж собой настоящую битву, да такую, что от бедного животного, собственно, ничего им на поживу не осталось, а киммериец с полугномом едва унесли ноги.

Когда при свете луны они подошли к крепости Баргэми, шепотом обсуждая, как будут перебираться через высокую, сложенную из песчаника стену, Конан вдруг заметил, что ворота широко раскрыты. Молча указав Мораддину на распахнутые створки, варвар остановился, не решаясь идти дальше.

— Пойдем, чего ждать, — тихо сказал Мораддин, вытащил мышь из под воротника и швырнул ее в воздух. Конан решил, что это сделано для того, чтобы зверек не попал под чужой клинок, во время предстоящей схватки, но мышь, сделав над стенами пару кругов, вернулась к хозяину, коротко пискнула и села ему на плечо.

— Чего это она? За тебя боится, что ли? — прошептал Конан.

— В некотором смысле — да, — ответил Мораддин. — Она чует недобрую магию и насторожена.

И в самом деле, летучая мышь мелко подергивала круглыми ушами и многочисленными бугорками и отростками на мордочке, тихонько попискивая.

— Нергал с ней, с магией, — решительно сказал киммериец и медленно двинулся к воротам. Мораддин тенью следовал за ним.

Оказавшись между створками, Конан оглядел внутренний двор, остановился и попятился назад, вытягивая меч из ножен. Полугном выглянул из-за его широкой спины и прошептал несколько непонятных слов, видимо, гномских ругательств.

Двор, точно разлагающаяся туша, кишел тварями, напоминающими гигантских насекомых, червей, каких-то членистых многоногих чудовищ, подобных тем, что пожрали лошадей. Они ползали по каменным плитам, которыми была вымощена земля, по стенам хозяйственных построек, перебирались друг через друга – с полным безразличием или иногда яростно сцепляясь. В воздухе стоял неприятный запах, слышалось ровное жесткое шуршание хитиновых панцирей, а вся внутренняя часть крепости озарялась призрачным зеленоватым светом, колеблющимся и не имеющим единого источника – словно, светились сами странные создания и стены строений. Но более всего потрясли варвара люди. Они медленно бродили меж отвратительных гадов, точно во сне – смотрели невидящими глазами в пустоту, натыкаясь друг на друга или на какое-нибудь насекомое, останавливались, а потом поворачивали в другую сторону.

– Мораддин, что это? Что все это значит? – хрипло проговорил киммериец, отирая тыльной стороной ладони пот, выступивший мелкими каплями над верхней губой.

– Не представляю, – отозвался тот, как завороженный, глядя прямо в круглый, немигающий глаз кошмарной твари, которая, заметив варвара с полугномом, повернула к нему свою улиточью полупрозрачную голову, вывернув наружу рога с желтоватыми глазами на концах.

– Смотрит... – прошептал Конан, тоже будучи не в силах оторвать взгляда от бесмысленных глаз, казавшихся безгранично жестокими. Что-то черное стремительно метнулось над рогатой неподвижной головой гигантской улитки, и Мораддин вскрикнул, падая ничком на песок:

– Берегись!

Киммериец вскинул меч, и темная тварь с длинными, как у саранчи, ногами, звонко стукнувшись о клинок, упала чуть в стороне, целая и невредимая. Полугном вскочил и вовремя: «саранча», подбравшись, оттолкнулась и взвилась в воздух, намереваясь опуститься на голову Конану. Оба клинка одновременно ударили насекомое и перерезали его пополам, точно ножницами. Брызнуло что-то белое, и половинки сухо стукнулись о песок.

Посмотрев во двор и увидев, что уже не одно чудовище заметило чужаков, Конан и Мораддин, не сговариваясь, развернулись, бросились за ворота, скользнув в темноту, к стене. Отдышавшись и стряхнув оцепенение ужаса, они переглянулись.

– Что скажешь? – проронил варвар, глядя на Мораддина широко раскрытыми глазами.

– А ты? – выдохнул полугном.

– Джифир помешался, это точно.

– Согласен, – быстро кивнул Мораддин.

– Такое только с похмелья пожелаться может...

– Тоже согласен. Как ты думаешь, в чем наша задача?

– Понятия не имею... Отыскать пьяного зуагира и... – Конан сделал красноречивый жест.

Мораддин слготнул слону, потер бороду и оглянулся, явно опасаясь, что жуткие твари выползут за ворота в поисках ускользнувших жертв, и неожиданно спросил:

– А почему звери тех людей не трогают? Чем мы хуже?

– Лучше, – едко усмехнулся Конан. – Те пришибленные какие-то, а мы – свеженькие,

бегаем... Вот... – киммериец и сам испугался своих слов, представив, как он станет точно так же, шатаясь, бродить среди громадных насекомых, натыкаясь на их щершавые панцири или поскользываясь в слизи улиток-переростков...

– Дурацкий разговор, – вздохнул Мораддин.

И вдруг варвар издал звериный вопль, хлопнув полутнома по плечу так, что тот едва не свалился.

– Кинжал! Проклятый аквилонский кинжал! Как я мог забыть про дагарнусову игрушку!

– Вот-вот, испытай ее вот на том... – он указал подрагивающим пальцем за спину киммерийцу, а мышь на плече зашлась в истеричном шипящем визге.

Быстро обернувшись, Конан увидел подбирающегося к нему не то паука, не то осьминога, размером с повозку. Круглая голова с несколькими парами черных тусклых глаз и серповидными паучьими челюстями вращалась на тоненькой шее, а передние недоразвитые лапки сжимали болтающееся человеческое тело. «Зуагир...» – успел рассмотреть киммериец, прежде чем события понеслись с невероятной быстротой. Он едва мог вспомнить потом, как паук разжал жвалы, подмяв под себя человека, и с неожиданной прытью быстро побежал, перебирая высоко поднимавшимися над туловищем лапами к новой жертве, показавшейся, верно, ему более лакомой; как, передернувшись от отвращения, он кинул наугад клинок, и когда сталь вонзилась в голову паука, чудовище резко остановилось, отшатнулось, и тут случилось нечто совсем непонятное.

– Кром!.. – восхищенно проговорил Конан, глядя как тело твари вспыхнуло ярким оранжевым пламенем, начало оплывать, словно сделанное из воска, и разлилось дымящейся лужицей по песку. Спустя несколько мгновений темная жидкость впиталась, не оставив следа, а на ее месте остался лежать обычный стальной кинжал.

– Что ж, путь в крепость открыт, – сказал Мораддин, утирая рукавом пот с шеи. Конан подошел к своему кинжалу и, помня, что он может быть горячим, осторожно поднял его. Повернувшись к спутнику, варвар махнул рукой и пошел обратно к воротам, уже нисколько не опасаясь за свою жизнь.

Конан искренне веселился, протыкая тварей аквилонским клинком, а Мораддин только успевал обходить зловонные лужи жидкого огня, в которые превращались порожденные к существованию неведомой магией зверюги, что могут привидеться лишь в ночном кошмаре. Несколько раз Конан осторожно касался острием кинжала оказавшихся поблизости людей, но пробудить их от непонятного оцепенения ему не удавалось. Складывалось впечатление, что они тоже созданы волей, сотворившей жутких тварей.

– Представь, что будет, когда эти люди, повинуясь приказу своего хозяина, набросятся на нас?

– Заткнись! – Конан с силой вонзил кинжал в рогатую голову зверя, смахивающего на большого моллюска с витой, утыканной зазубренными шипами раковиной.

Наконец, оставив позади слизистые пятна, испуганно расползающихся чудовищ и все так же бесцельно слоняющихся по двору подданных шейха Джифира, Конан и Мораддин оказались перед дворцом.

– Можно сказать, добрались, – пробасил киммериец, отбрасывая пинком ноги какого-то удивительно маленького членистого уродца. – Теперь осталось найти шейха и намотать ему...

– ...Кишки на уши, – заучено повторил Мораддин. – Это ты всегда успеешь. Сейчас лучше подумай о том, что может ожидать нас внутри.

— Думаю, вот это, — Конан кивком указал на стражника, лежавшего у дверей с уже хорошо знакомым отрешенным видом. Киммериец заметил даже, как по подбородку человека текла вязкая слюна. Перешагнув через простертное тело, он вошел в хорошо знакомый коридор, освещенный догоравшими факелами. Здесь лежали еще несколько стражей, один из них сладко похрапывал, обняв короткое копье.

До покоев шейха они добрались очень быстро — страшных животных во дворце было мало, а все люди либо спали, либо бродили по залам как в воду опущенные, ничуть не обращая внимания на двоих неизвестных бродяг, проникших во дворец шейха аль-Баргэми. Обшарив несколько комнат в поисках Джрафира, варвар и полугном забрели в маленький зальчик, где среди беспорядочно раскиданных подушек, пустых кувшинов, разбитых кубков и объедков, широко раскинувшись, возлежал Джрафир, распространяя тяжелый винный дух.

— Я же говорил, — вздохнул киммериец, подойдя поближе и осмотрев бесчувственное тело царственного шейха — Этот стервец налился на радостях и дрыхнет теперь. А его кошмарные сны ползают во дворе...

— А вот и Нейглам, — сказал Мораддин, указывая в угол.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Сосуд, простая форма которого могла ввести в заблуждение относительно его ценности, целиком состоял из замысловато перевитых тончайших нитей белого золота. Даже если забыть о магических свойствах кувшина, одна филигранная работа древних подгорных мастеров могла быть оценена в стоимость небольшого дворца. Сложный узор нигде не повторялся и не прерывался, и можно было потратить всю жизнь, изучая вычурные переплетения и находя в них сказочные цветы, или древние письмена, или загадочных животных...

Мораддин осторожно взял Нейглам в руки, тщательно осмотрел, проверил, насколько крепко сидит пробка, тоже выплавленная из белого золота и пристегнутая к рукояти кувшина легкой цепочкой.

— Я думал, достать его будет несколько сложнее... — пробормотал он, — Слишком уж все хорошо и удачно вышло, не верю я, что напоследок не случится какой-нибудь пакости.

— Ерунду говоришь! — поморщился киммериец и протянул руку: — Дай посмотреть-то!

Полугном недоверчиво взглянул на варвара, какое-то время на его лице отражалась внутренняя борьба, а потом он решительно протянул Нейглам Конану:

— Посмотри, только не открывай пока... пока мы отсюда не выбрались.

Варвар забрал кувшин у Мораддина, повертел в руках, покачал на ладони, пробуя на вес и невольно прикидывая, сколько может стоить подобная игрушка в полновесных турецких империалах, а затем с видимым сожалением вернул сосуд полугному.

— Пятьсот тысяч, не меньше... А если поторговаться, то и все шестьсот... пятьдесят, — пробурчал под нос киммериец с видом знатока. Мораддин аж скривился от подобного неуважения к святыне народа гномов, но привычно промолчал, разве что бросил на варвара взгляд, от которого издохла бы самая ядовитая змея.

Конан почесал в затылке и, еще раз внимательно оглядев комнату, присел на корточки подле безмятежно похрапывающего Джифира.

— Хотелось бы мне знать, что он наделал, — сказал варвар, всматриваясь в лицо шейха, — Ну отчего вокруг творится такое?..

Как подтверждение его словам, между резными створками дверей с утробным низким рыком просунулась рогатая и многоглазая голова какой-то твари, и киммериец, не долго думая, запустил в нее валявшимся неподалеку глиняным кувшином. Осколки разлетелись во все стороны, насекомоподобное существо обиженно хрюкнуло и убралось обратно в коридор.

— Боятся! — заметил Конан и посмотрел на Мораддина, прижимавшего к груди Нейглам, — что по твоему мы сейчас должны делать?

— Ты знаешь, как спуститься в подземелье?

— Ага! — кивнул варвар и ткнул пальцем в Джифира, — А с ним что делать?

— Кишки на уши намотать! — совершил серьезно сказал Мораддин, — Придется тащить с собой, пускай расскажет Ниоргу, что натворил. Может, получится исправить... Полагаю, оставлять в оазисе такой жуткий зверинец совершенно ни к чему...

Конан не без сожаления спрятал уже приготовленный кинжал в ножны, снял с Джифира длинный шелковый пояс и с треском оторвал от него небольшую полоску. Осмотрев комнату, он подошел к круглому столику, на котором лежали огрызки фруктов и обглоданные кости.

— Что ты собираешься делать? — спросил Мораддин, с легкой тревогой следя за

действиями варвара.

Киммериец молча схватился за ножку столика, приподнял его, своротив на ковер все, что на нем находилось, и с силой ударил об пол. Одна из ножек осталась в руке варвара, остальные же, подломившись, разлетелись по комнате.

— Сейчас заткнем ему пасть, чтобы не кусался! — сказал Конан, разламывая тонкую витую ножку столика надвое.

— А-а-а... — протянул Мораддин с понимающим видом. — Палку в рот и завязки на затылке? Знакомо, знакомо...

Конан довольно бесцеремонно вытащил Джифира за ногу из груды подушек на ковер и собрался было вставить ему в зубы обломок ножки столика, как зуагир громко застонал и проговорил что-то невразумительное.

— Давай-ка сначала приведем его в чувство, — посоветовал Мораддин. Конан звонко похлопал Джифира по щекам, потряс за плечи, а потом плеснул ему в лицо остатки вина из кубка. Наконец, сиятельный шейх аль-Баргэми разлепил набрякшие веки, тупо уставившись покрасневшими глазами на киммерийца, и начал шарить руками по ковру. Конан понимающе вложил ему в руку один из немногих оставшихся непочатым кувшин с вином и, поддерживая мотавшуюся из стороны в сторону голову Джифира, помог тому напиться. Только после этого взгляд шейха стал несколько более осмыслившимся, он внимательно посмотрел на Конана и, с трудом ворочая языком, выговорил:

— П-подлый варвар, т-ты еще жив?

— Жив, жив, — успокоил его киммериец. — А ну-ка расскажи нам, — он широким жестом указал на полугнома, все еще не выпускавшего из рук Нейглам, — с почтенным Мораддином, какого Нергала ты, гад, расплодил в собственном доме целый муравейник?! Отвечай!

Конан с силой встряхнул болтавшегося как тряпка Джифира, а тот только недовольно мычал и беспомощно взмахивал вялыми руками.

— Ну, хорошо же, вонючий зуагир! — процедил варвар сквозь зубы, ухватил шейха за ворот халата левой рукой, а правой отвесил Джифиру тяжеленную оплеуху, от которой голова его резко откинулась назад, пошла носом кровь, а Мораддину показалось, будто переломилась шея.

— Ты с ним поаккуратнее, — посоветовал полугном. — И вообще, отойди, я сам попробую его разговорить...

Он отстранил варвара, примеривавшегося для новой зуботычины, присел перед очумело моргавшим Джифиром и спросил его своим излюбленным тоном, каким обычно общался с кандалщиками на копях:

— Уважаемый шейх! Не поведаете ли скромному страннику, то есть мне, и моему другу варвару, то есть ему, что вы изволили сделать с этой штучкой? — он покачал Нейгламом перед лицом шейха. Вместо ответа Джифир поднял руку с вытянутым указательным пальцем, направив его в грудь Мораддина, а тот, сохранив полную невозмутимость, поднял бровь и участливо спросил:

— У вас есть ко мне какая-нибудь просьба?

— И-есть! — икнул шейх. — Вали отсюда, недомерок... И медведя забери...

— Медведя? — Мораддин для порядка огляделся по сторонам, а киммериец скрестил на груди руки, догадавшись, кого имел в виду блистательный владыка Баргэми. — Вот этого? — полугном поднял с ковра валявшуюся на нем шкуру киммерийского медведя — потрапанную, залитую вином и застывшим соусом.

— Недоумок!.. — взрычал Джрафир, тщетно пытаясь остановить блуждающий пьяный взгляд на Мораддине. — Вон того!

Палец шейха ткнулся в Конана, с ногтя вдруг соскочила маленькая голубоватая искорка и, вытянувшись в тонкую огненную полоску, ударила в киммерийца. Вокруг него тотчас же возник золотистый ореол, принявший в себя магический огонь и погасивший его.

— Цены моему кинжалу нет! — немного погодя, покачал головой варвар, сообразив, что когда-то показавшийся безделицей подарок старого шейха вновь спас жизнь, как и в случае с огненным шаром Радбуша. — И где только он этому научился? Руки ему связать!

Конану без особого труда удалось скрутить ошеломленного неудачей шейха, туто перевязав кисти рук за спиной его собственным поясом. Не обращая внимания на злобное рычание Джрафира, киммериец всунул ему в зубы ножку столика и крепко завязал обрывки шелковой ткани на затылке.

— Конан! Сзади! — вдруг закричал Мораддин, киммериец обернулся и едва успел уклониться от брошенного ему в спину копья с широким зазубренным наконечником. Ему пришлось упасть на пол и перекувырнуться, уворачиваясь от следующего копья, затем он быстро вскочил на ноги, выхватил кинжал и метнул его в стоящего в дверях стражника. Лезвие воткнулось ему в горло, и с булькающим хрипом зуагир сполз на пол, цепляясь за створку слабеющими руками.

— Они проснулись, — сказал Мораддин. — Вот этот, я точно помню, лежал возле дверей и крепко спал.

Конан, рывком вытащив кинжал из горла стражника, мельком глянул в коридор и, присвистнув, отскочил обратно в комнату, захлопнув двери и навалившись на них всей тяжестью тела. С другой стороны на деревянные створки обрушился град ударов.

— Там эти... которые по двору бродили... — выдохнул киммериец.

— Твари? — Мораддин, быстро оценивший всю опасность положения, схватил копье, которым едва не проткнули Конана, и просунул древко в кольца дверных ручек.

— Да нет же, люди! — рявкнул Конан. — Они все так же спят, только теперь хотят с нами податься!

Лежавший на полу Джрафир издал непонятный звук, отдаленно напоминающий злорадный смешок, и тут же дверь затрещала под усилившимся натиском зуагиров.

— Ну скотина! — так и ахнул Мораддин, взглянув на шейха. — Конан, да он управляет своими людьми мысленно!

Варвар не стал раздумывать над его словами и решать, насколько верна эта догадка, а подбежал к окну и со стуком распахнул ставни.

— Значит так, — он посмотрел вниз, отмеривая на глаз расстояние до земли. — Первым прыгну я, ты спустишь мне Джрафира, а потом выберешься сам. Вход в подземелья раваха находится в саду, совсем рядом... Там должна быть окованная крышка, не ошибемся.

С этими словами киммериец сел на подоконник, перекинул ноги наружу и спрыгнул. Мораддин засунул Нейглам за пазуху, тихо ругаясь, подтащил к окну брыкающегося и недовольно ворчавшего Джрафира, поднял его, ухватив за шаровары и воротник, и сунул в оконный проем ногами вперед.

— Лови! — прошипел полугном в темноту и, услышав ответ варвара, столкнул шейха вниз, добавив вполголоса: — Разобьется, так и не жалко...

В этот момент копье, которым была заложена дверь, не выдержало натиска из коридора, треснуло, разлетевшись в щепки, и в комнату ворвалось не менее двух десятков зуагиров, но

Мораддин был уже внизу, догоняя проламывающегося сквозь кусты Конана. Джифира, целого и невредимого, дрожащего от бессильной злобы, киммериец перекинул через плечо, будто тюк с сеном.

Чудовища, шествавшие по крепости, исчезли все до единого, но вместо них отовсюду выбегали вооруженные чем попало зуагиры, устремляясь к варвару и полугному. Обернувшись, Мораддин увидел, как из окна комнаты, где пьянствовал шейх, выпрыгивают один за другим воины, причем, некоторые из них остаются лежать на месте, а остальные, хромая, припадая на ушибленные ноги, продолжали с необъяснимым упорством преследовать беглецов.

— Я был прав, — на ходу говорил Мораддин. — Джифир посыает своим людям приказы без слов, а они почему-то безоглядно подчиняются ему. А молния из пальца?..

— Кром! И все из-за вашего гномского горшка! — Конан резко остановился, скинул шейха с плеча и, ухватив его за волосы, стукнул затылком о плиты, которыми была выложена садовая дорожка. Джифир выдавил короткий, тихий стон и потерял сознание. И тут же бежавшие на помощь повелителю зуагиры как подкошенные повалились на землю. В саду воцарилась ночная тишина, не нарушающая ни единым шорохом.

— Хорошо придумал, — одобрил полугном действия Конана.

— Хм, а те... э... козявки ему все ж таки снились? — киммериец озадаченно взъерошил спутанные волосы.

— Выходит, что так, — согласился Мораддин. — Джифир сейчас в обмороке, и поэтому все его люди делают то же самое, не получая приказов от господина. И поскольку в таком состоянии люди обычно снов не видят — никаких тебе чудищ!

* * *

Конан вслепую пробирался вслед за Мораддином, уверенно идущим в кромешной тьме туннеля, прорытого некогда песчаным равахом. Придерживая болтающуюся голову Джифира, Конан думал о том, что наконец-то запутанная история с сокровищем джавидов близится к концу.

«Ну вот, отдадим кувшинчик Ниоргу, он превратится в рыжего бородатого ублюдка, вроде пройдохи Алвари, пожмет мне руку и скажет...»

Несспешное течение мыслей Конана прервал странный звук: шлепанье босых маленьких ножек по плотно слежавшемуся песку.

— Мораддин, — киммериец тронул полугнома за плечо, — ты слышишь?

— Что?

— Сзади кто-то идет. Босиком...

Мораддин остановился и прислушался, но в подземелье по-прежнему стояла мертвая тишина.

— Показалось, что ли, — пожал плечами Конан. Но вскоре снова был готов поклясться, что за ними крадется, или ребенок, или женщина. Киммериец не стал спрашивать Мораддина, остановился и почти сразу в его спину ткнулись вытянутые руки идущего в темноте. Конан быстро ухватил тонкое запястье и без труда узнал приглушенный,

испуганный крик.

– Мирдани? А ты что здесь делаешь?

– Мне страшно, Конан! – пролепетала девушка.

– Еще бы! – усмехнулся киммериец, все еще крепко держа ее за руку. – Нечего по подземельям шляться!

– Советую не задерживаться, – послышался из темноты голос Мораддина. – Тем более, что мы почти уже пришли.

– Держись за меня, – сказал Конан, кладя руку Мирдани на свой пояс.

Справа показался тусклый мерцающий свет, и, зажмутившись с непривычки, Конан разглядел вислоухий силуэт джавида с факелом в руке.

– Идут! – радостно заверещал он, подбежал к Мораддину и, взяв его за руку, вывел из туннеля в ярко освещенный зал. Тот самый, где Конан дрался сперва с джавидами, освобождая Самила, а потом с человеко-ящером, убившим предателя. Теперь карлики отнеслись к киммерийцу более терпимо, но неприязни своей не скрывали, молча расступаясь перед высокорослым северянином, несшим на плече то ли мертвого, то ли спящего зуагирского шейха. За варваром, крепко вцепившись в его широкий пояс, семенила девушка с застывшим выражением брезгливого ужаса на лице. Кое-кто из джавидов узнал в ней бывшую плениницу, и по залу прокатился удивленный шепоток.

Навстречу им выступил Ниорг и остановился, ожидая. Конан, нарочито небрежно сбросил Джрафира, подтолкнул к нему Мирдани и, повернувшись к напряженно замершему Ниоргу, развел руками.

– Вот, – сказал варвар. – Принимай работу.

Ниорг, быстро окинув Конана с ног до головы мятущимся взглядом, осторожно спросил, пытаясь подавить нетерпеливую дрожь в голосе:

– Нейглам... Где?

– А! – хлопнул себя по бедру киммериец. – Мораддин, где ты там? Горшок у тебя, или потерял?

На Ниорга было жалко смотреть – толстые губы крупно дрожали, руки теребили складки коричневого одеяния, и когда Конан позвал Мораддина, он порывисто обернулся и чуть не умер на месте, услышав, что Нейглам могли потерять.

Полугном, бросив на Конана испепеляющий взгляд и получив в ответ белозубую мальчишескую улыбку, подошел к Ниоргу и, тронув его за плечо, сказал:

– Не обращай внимания на этого дикаря. Мы выполнили свой долг. Вот оно, сокровище рода Нирафа, Великий Нейглам.

Мораддин бережно вынул из-за пазухи кувшин и передал его Ниоргу. Киммериец отвернулся, чтобы не расхочататься при взгляде на торжественно-величавую гримасу старого джавида, принимающего свой пресловутый кувшин из рук не менее серьезного коротышки, и тем самым снова не оскорбить и без того обидчивых волосатых карликов.

Мирдани, держа на коленях голову брата, смотрела на церемонию с открытым ртом, но ничего не понимала, и оттого происходящее казалось ей неким неизвестным и враждебным людям колдовским обрядом.

Джавиды молча сгрудились вокруг своего старейшины, не осмеливаясь и слова проронить, а Ниорг, подняв над головой Нейглам, провозгласил:

– Братья! Настал день, когда род наш сбросит проклятие, тяготевшее над нами три десятка лет! Враг наш повергнут неизвестным героем, а Нейглам возвращен киммерийским

варварам по прозвищу Конан... – тут Ниорг почему-то запнулся и покосился на вытянувшегося точно в строю Мораддина, – ... и потомком гномов, что носит человеческое имя Мораддин!

«Спасибо, не забыли скромного, простого и доброго парня по имени Конан, – картино раскланиваясь и изо всех сил пытаясь не улыбнуться, подумал киммериец. – Честное слово, сейчас заплачу...»

Дальнейшее стало совсем ему не интересно, ибо Ниорг пустился в описание трагических событий, постигших его род, удвоив велеречивость и излагая до тошноты надоевшую варвару историю с новыми душераздирающими подробностями. По словам старого джавида выходило, что, оказывается, и Дуалкама, и сыночка его Дагарнуса породил никто иной, как сам Сет в порочной связи с Нергалом, исключительно дабы насолить роду Нирафа; что сии злыдни долго искали, как попортить мирную патриархальную жизнь незлобивых трудяг-гномов, ну и так далее...

Конан посмотрел на Мирдани – она привела в чувство своего буйного братца и освободила его от пут, теперь они тихонько ворковали между собой, причем в голосе девушки слышались недовольные, обвиняющие нотки, а Джифир неуверенно оправдывался. Делать киммерийцу сейчас было совершенно нечего, и он, подумав, что забыл, когда спал в последний раз, присел на пол возле стены и прикрыл глаза. Под нудные, шепелявые речи Ниорга варвар слегка задремал и совершенно не заметил, что джавид называет в своем рассказе вовсе не те имена, что в известной Конану истории, а вечно невозмутимый и сдержанный Мораддин как-то странно пошатывается, нашаривая рукой опору и смотрит на Ниорга так, словно видит перед собой живое воплощение Митры. Отступив к стене, возле которой пристроился киммериец, полугном медленно опустился на пол, обхватил колени руками и уткнулся в них лицом. А Ниорг продолжал размеренно и гордо вещать, пристально глядя на Мораддина и потрясая над головой Нейгламом.

Вздрогнув, Конан очнулся от зыбкого полусна и взглянул вверх...

Под самым потолком клубилось серебристое облако легчайшего, светящегося тумана, и варвар откровенно залюбовался мягкими переливами, пребывая в уверенности, что все еще видит сон. До его слуха донесся шумный радостный гомон, кто-то всхлипывал рядом, и Конан, встяхнув волосами и протерев глаза, осоловело огляделся. Ощущение нереальности происходящего снова овладело киммерийцем, и только звук собственного голоса убедил его, что все вокруг – явь, а не видение:

– А где все?

Он имел в виду джавидов, так как вместо уродливых карликов зал был наполнен множеством бородатых, розовощеких гномов. Они хлопали друг друга по плечам, дергали за бороды, обнимались, в центре зала пятеро или шестеро низкорослых человечков весело отплясывали лихой гномский танец. Конан, теряясь в догадках, беспомощно посмотрел по сторонам в поисках Мораддина, чтобы хоть у него спросить, куда делись джавиды и почему так много гномов, большинство из которых своими рыжими бородами и шевелюрами неприятно напоминали киммерийцу старого знакомца Алвари, втянувшего его лет десять назад в авантюру с золотом гномов и синим камнем Харра...

Наконец, он обнаружил Мораддина, стоявшего неподалеку в обнимку с коренастым гномом с русой окладистой бородой и вьющимися седоватыми волосами. Они что-то говорили друг другу, и Конан с изумлением увидел слезы в глазах отважного, бесстрашного бывшего капитана аграпурского хэрда. Белая летучая мышка оживленно карабкалась по плечу

гнома, старательно изучая нового близкого друга хозяина. Поднявшись на ноги, киммериец растолкал веселящихся бородачей, которые не преминули и его пару раз дружески хлопнуть по спине – до плеч карликам было не достать – и подошел к приятелю.

– Мораддин, что, Нергал побери, происходит, а?

Тот посмотрел на киммерийца влажными, покрасневшими глазами, и, проглотив комок в горле, проговорил:

– Варвар... дружище, ты знаешь, кто это? – Мораддин положил ладонь на грудь русобородого карлика.

– Гном, – уверенно сказал Конан, разом отметая все возможные сомнения.

– Да, конечно, – закивал Мораддин. – Но кто он?

– Ну? – теряя терпение бросил киммериец, бесцеремонно оглядывая гнома и ища в нем что-нибудь необычное.

– Это... Гроин, сын Фарина! Это мой отец, Конан! – Мораддин крепко обнял гнома, а тот одарил киммерийца счастливым взглядом голубых глаз. Мышка, словно подтверждая сей неожиданный и счастливый факт, восторженно заверещала.

– Да ну? – честно удивился Конан. – А откуда он здесь взялся? И где, в конце концов, джавиды?

– Где же ты был, северянин, когда мы открыли Нейглам и пало проклятие джавидов? – изумился Гроин, и его голос показался Конану знакомым. На мгновение он задумался, а потом тихо спросил:

– Ниорг, так это ты? А эти все – бывшие джавиды? Вот это кувшинчик! – он едва не подпрыгнул от восторга, а потом огорченно добавил: – Опять я проспал самое интересное!

– Я не Ниорг, – строго заметил гном. – Эти имена должны быть преданы глубокому забвению! Гномы моего рода после наложения проклятия обратили имена, чтобы не осквернять их перед лицом Великого Длиннобородого Отца всех гномов...

– А, понятно, – кивнул киммериец и прикинулся, как бы звучало его собственное имя наоборот. Получилось нечто совсем неблагозвучное...

Мораддин, успокоившись после очередного наплыва чувств, взял Конана за руку и торжественно сказал ему:

– Теперь Нейглам готов послужить и тебе, варвар! Чего ты хочешь?

– Нет, пусть он сначала послужит мне! – раздался звонкий девичий голос, и все посмотрели в сторону Мирдани и Джрафира, о которых на радостях и вовсе позабыли. Дочь шейха Джагула поднялась с колен и решительно шагнула к Гроину, все еще державшему в руках золотой кувшин.

– Эта вещь принесла великое горе моему дому! – вскричала Мирдани. – Из-за нее умер отец! Из-за нее помешался мой любимый брат! А я лишилась чести в доме мага Радбуша!

– Ну, этого уже никакой Нейглам не исправит... – пробормотал киммериец и невольно отступил на шаг, когда Мирдани круто развернулась и вперила в него колючий взгляд горящих от гнева глаз.

– А, могучий чужеземец, – язвительно проговорила она, – спаситель-избавитель-победитель, красавец-северянин с восхитительными синими глазами, смущивший дикарку из далекого оазиса горячим поцелуем!

– Не понял, каким поцелуем? – мотнул головой Конан, продолжая отступать под натиском неукротимой женской ярости.

– Конечно, не помнишь! – горько усмехнулась Мирдани. – Если у тебя в каждом городе

живет по эдакой потаскухе Стейне, то можно забыть «бешеную зуагирку»!

Гномы стихли, окружив девушку и киммерийца полукольцом, и с интересом наблюдали за развитием событий. Не так уж часто гному удается стать свидетелем сцены ревности у людей...

А Мирдани, не обращая внимания на то, что стала участницей захватывающего представления, продолжала пускать в оторопевшего варвара ядовитые стрелы обиды. Решительно отвергнув вялые оправдания Конана, что, мол, она должна быть обязана Стейне жизнью, сестра Джифира заявила:

– Да если бы ты не затащил меня в этот дом разврата, я бы никогда не попала к Радбушу!

– Ну, да, осталась бы у Турлей-Хана, и сейчас досталась бы его солдатам. Ведь после смерти хозяина они явно не теряли времени даром в его гареме...

– Варвар, варвар! – неожиданно тихим голосом сказала Мирдани. – А я ведь... я могла бы полюбить тебя... Я уже почти любила тебя...

Она отвернулась к стене и заплакала. Гроин укоризненно покачал головой, посмотрев на киммерийца так, будто он был невоспитанным шалопаем, обидевшим хорошую девочку. Гном подошел к беззвучно рыдавшей Мирдани и обнял ее за плечи – невысокая девушка была даже немного ниже его.

– Не плачь, все забудется, – увещевал ее Гроин, поглаживая по голове. – Варвар – он же дикарь, не стоит так переживать из-за него...

– К тому же, есть кому отомстить! – подал голос Джифир, поднимаясь на ноги. Конан, с усмешкой оглядев помятого шейха аль-Баргэми, сказал:

– А тебе надо как следует проспаться!

– И расскажи-ка нам, что ты учудил в своем оазисе, – Мораддин подошел к Джифиру, скрестив руки, и киммериец не без удовольствия отметил, что к его спутнику вновь вернулись былые уравновешенность и хладнокровие. Но Мирдани, отстранив Гроина, преградила Мораддину дорогу со словами:

– Не сейчас! Сначала я должна... Почтенный гном, – она повернулась к Гроину и протянула руку к Нейгламу, – позволь мне исцелить брата от недуга, вселившегося в него из вашего кувшина, и спасти мой дом!

Гроин, не в силах отказать прекрасной девушке из рода людей в ее благородной просьбе, величаво кивнул и медленно откупорил кувшин. Мирдани вытянулась, точно струна дутара, закрыла глаза и сложила на груди руки. Конан смотрел во все глаза, предвкушая захватывающее магическое действие, и был слегка разочарован, когда из кувшина выплыло уже виденное им серебристое облако, окутало на пару мгновений зал и растворилось под потолком. Ничего ровным счетом не изменилось, разве что Мирдани, очнувшись, бросилась к брату и, зажав его лицо в ладонях, пристально всмотрелась в глаза.

– Ты вернулся! – ликующе воскликнула она и крепко обняла Джифира.

– А он никуда и не уходил, – мрачно заявил киммериец. – Пусть теперь рассказывает!

Гномы, оживленно гомоня, сгрудились вокруг исцеленного по их мнению от тяжелейшего недуга шейха, смущенно оглядывавшегося по сторонам.

– Да я... ничего особенного и не делал, – пробормотал Джифир.

– Ну, как же! – ехидно усмехнулся Мораддин. – Надо было видеть, какой зверинец ты развел в собственном оазисе и во что превратились твои верные зуагиры! Кстати, Мирдани, а почему ты не стала такой же как остальные – сонной и беспрекословно следовавшей мысленному приказу хозяина?

Девушка вытащила из-под одежд какой-то предмет и протянула Мораддину.

— Вот, — кротко сказала она, разжимая ладонь, на которой лежал маленький костяной амулет на тонкой золотой цепочке.

— А, понятно, — махнул рукой полугном. — Радбуш снабдил. Так о чем же ты мечтал, шейх, когда открыл Нейглам?

Джафир склонил голову и удрученно произнес:

— Я всегда мечтал стать всемогущим магом... Хотел повелевать всеми людьми, чтобы они знали мои желания и безропотно выполняли их... — он испуганно взглянул на Мораддина, потом на Конана, и тихо спросил, с ужасом ожидая ответ:

— Неужели все так и вышло? И все люди превратились в моих рабов?..

— К счастью, твое воображение не простило дальше оазиса Баргэми, — успокоил его Мораддин. — Ты действительно превратил своих подданных в тупых тварей, наподобие термитов, слепо подчиняющихся матке. А дальше?

— Потом я попробовал сделать несколько магических фокусов, там... молнии из пальца, вино и еда из воздуха...

— Ну-ну, — усмехнулся Конан. — На дармовом-то винце как не нажраться до беспамятства? Кстати, а что за страсть к насекомым?

Джафир, помявшись, нехотя ответил:

— Я с детства их очень боюсь... Они мне снились, я это хорошо помню, но мне не приходило в голову, что они могут ожить...

— А теперь я тебя спрашиваю! — шагнул вперед Гроин. — Откуда ты узнал про Нейглам?

— От отца, — послушно ответил Джафир. — А тот — от кофийского посланника Дагарнуса. Уже после смерти шейха Джагула я стал охотиться за кувшином, представляя, как Нейглам может изменить мою жизнь. И я знал — чтобы овладеть им, я должен был убить всех, знаяших о сокровище гномов и его свойстве...

— Это тебе удалось блестяще! — вставил варвар. — Мне даже завидно стало! — он принял сгибать пальцы: — Турлей-Хан, главный соперник — Дагарнус, Радбуш...

— Радбуш? — едко скривилась Мирдани. — Этот сластолюбец пал от моей руки. Хотя, — она бросила на киммерийца острый взгляд, на который тот равнодушно пожал плечами, — хотя султанапурский маг был добрым и ласковым, не то, что северные дикари... Я убила его еще днем, когда он решил показать мне сокровищницу. Убила тем самым кинжалом, что выдал меня Радбушу, а потом вернулась в гарем. Слуги ничего не заметили, а вечером пришел брат со своими воинами... Не скрою, в глубине души я надеялась, что спасешь меня ты, Конан из Киммерии!..

— Ну извини, — варвар склонил голову, саркастически улыбаясь, — не успел... Прилетел на крыльях любви чуть позже, когда дражайший шейх со своими головорезами-кхитайцами уже устроил погром в Султанапуре.

Гроин поднял обе руки, призывая всех прекратить суетные споры, и когда установилась тишина, произнес:

— Времени у нас немного — гномам пора навсегда покинуть мрачные подземелья раваха и вернуться в родные горы, оставленные около трех десятков лет назад. И я обращаюсь к тебе, вновь обретенный сын мой, и к тебе, храбрый варвар из Киммерии. Вы более других заслужили право просить Нейглам о милости.

— Мне ничего не надо, — скротоговоркой сказал Мораддин. — Я уже получил награду, отец!

А сила Нейглама может пригодиться в будущем.

– Ну, а ты, Конан? – Гроин перевел взгляд на киммерийца. – Чего жаждет твоя душа?

– В кусты... – буркнул под нос Конан и прыснул со смеху. Поборов подступающий неудержимый хохот, варвар состроил умную физиономию и как мог серьезно сказал: – Открывай.

В третий раз серебристый туман наполнил воздух, скрыв в себе силуэты гномов и людей, а из глубин его раздался громкий голос киммерийца:

– Хочу быть королем!

Конан зажмурился и открыл глаза только, когда кто-то дернул его за рукав. Кажется, Мораддин. Оглядев ничуть не изменившуюся пещеру, свою, по-прежнему потрепанную, одежду и доброжелательно улыбающиеся рожицы гномов, он недоуменно, с возмущением воскликнул:

– Опять вранье? Почему я не король?

Гроин сделал вид, что закашлялся, скрывая смех, и, подойдя к северянину, похлопал его по руке:

– Не все сразу, милый варвар, не все сразу... Даже если это желание было самым важным для тебя, вовсе не значит, что королем ты станешь прямо сейчас, или, скажем, после восхода солнца. Но это может произойти и завтра, и через двадцать лет. Ты же не сказал: «Хочу стать королем прямо сейчас»?

– Может, еще прошение надо было написать, заверенное в канцелярии царя Илдиза? – угрюмо спросил Конан. – Вечно мне не везет...

Гроин лишь загадочно улыбнулся и тихо вымолвил:

– Как знать...

ЭПИЛОГ

Лучи восходящего дневного светила озарили пологие предгорья Кезанкии, омывавшиеся желтыми песчаными волнами турецкой пустыни. Со стороны, где меж двух горных отрогов поднимались сложенные из грубого песчаника стены древней крепости и виднелась пышная зелень садов оазиса, двигались в глубину песков двое конных. Если судить по избранному ими направлению, то к вечеру всадники должны были выйти к караванному пути на Аграпур или Замбулу, а к ночи (если не будет желания свернуть на старую торговую дорогу), их кони могли бы оказаться у стен Султанапура, или на берегах моря Вилайет.

— Великий Кром, ну наконец-то! — говорил высоченный темноволосый всадник своему спутнику. — Уж и не верится, что удалось выпутаться из этой дурацкой истории, да живыми остаться вдобавок!

Второй — ростом не вышедший, но плотный и широкоплечий, поерзал в седле, хмуро оглянулся, будто ожидая увидеть позади погоню, и пощекотав пальцем выглянувшего из складок широкого плаща странного белого зверька, ответил:

— А я до сих пор убежден — слишком легко и гладко все получилось... И податься как следует не удалось!

— Ну, знаешь ли, Мораддин, если тебе мало трупов, наймись палачом к царю Илдизу, или, на худой конец, к шейху Джифиру аль-Баргэми...

...Минувшей ночью Конану опять не вышло толком выспаться. Едва гномий старейшина церемонно раскланялся с людьми и приказал одному из своих подданных проводить киммерийца, а с ним Джифира и Мирдани к выходу в дворцовый сад, как варвар начал буквально спать на ходу. Он даже не заметил, что Мораддин остался в подземном зале вместе с остальными родичами, и обнаружил исчезновение приятеля только наверху. Конан поймал себя на мысли, что ему немного обидно за Мораддина — ну, зачем, спрашивается, такому замечательному воину хоронить себя заживо в подгорной тьме? Тем более, Гроин говорил, будто его род откочует к далеко северу, в необитаемые людьми горные края, где раньше находилось их поселение. Ведь Мораддин там с тоски руки на себя наложит! Нет, видно, никогда не понять северному варвару непредсказуемую гномскую натуру...

Выбравшись в сад, Конан вместе с шейхом и его сестрой с облегчением обнаружили, что перепуганные слуги мечутся по крепости в поисках неожиданно пропавшего повелителя, а все события, случившиеся после заката, ими позабылись. Зуагиры с недоумением и страхом отнеслись к валявшимся под стеной дворца шейха нескольким трупам — люди разбрелись, выпрыгнув из окна одной из комнат. Нашлось еще с десяток изуродованных мертвцев, при взгляде на которых складывалось впечатление, будто тела грызли некие огромные твари...

Едва завидев Джифира, дворцовая стража и слуги, бывшие в саду, бросились к нему. И тут Конан, не зря раньше считавший шейха человеком умным, еще раз уверился в его праве властвовать над людьми — Джифир сумел убедить подданных в том, что этой ночью великие и справедливые боги наслали на крепость Баргэми чары безумия в наказание шейху за гордыню и порок алчности. В самый проникновенный момент своей речи, Джифир взял сестру за руку, попросил ее достать амулет, подаренный Радбушем, — якобы именно возлюбленная сестра Мирдани, употребив волшебный талисман, спасла всех жителей Баргэми от гибели...

Зуагиры слушали шейха, не смея подвергать сомнению его слова, благо память людей не

сохранила всех подробностей произошедшего. Закончив, Джафир приказал казначею раздать каждому по пять золотых монет и с царственным видом удалился во дворец. Чувствуя себя виноватым перед варваром, он пригласил Конана к себе, посулив высокий военный чин и безбедную жизнь, но тот решительно отказался, потребовав только честного рассказа о событиях в Султанапуре. Джафир немедленно велел сбратить чего-нибудь поесть, отослав Мирдани отдохнуть, и когда стол был готов, заперся с киммерийцем в одной из своих многочисленных комнат. Там Джафир обстоятельно, со всеми подробностями изложил Конану про неудавшееся покушение, а затем и убийство Турлей-Хана – это была месть за сестру; про нанятых в Султанапуре кхитайских бойцов, с помощью которых он намеревался взять штурмом дворец Радбуша и отобрать у него Нейглам, а заодно и освободить Мирдани. Когда Джафир принял расписывать поджог «Врат СтаУдовольствий» (варвар с довольной ухмылкой выслушал похвалы в адрес самого себя и Мораддина – оказалось, турецким с прикрытым лицом, командовавшим наемниками, был сам шейх), киммериец грубо оборвал его и сказал:

– А вот за это безобразие тебя следовало бы... Короче, пришлешь гонца к бывшей хозяйке «Врат», зовут ее Стейна и сейчас она наверное живет у своего домовладельца-шемита. Передашь ей через гонца сто тысяч империалов золотом, а не выполнишь – из под земли достану и скормлю раваху!...

– Сделаю, – понимающе кивнул Джафир. – Одержимые кхитайцы имели один приказ – убить тебя, а почему случился пожар, только им и известно...

Конан, вспомнив их с Мораддином ухищрения при выезде из Султанапура, спросил шейха, как ему со своими людьми удалось выбраться ночью из города. Джафир рассказал, что кувшин он открыл еще в доме Радбуша – уж больно не терпелось. Убедившись, что Нейглам выполнил его желание, шейх попросту отвел глаза страже. Патрули так и не заметили нескольких всадников (кхитайцев Джафир тогда уже отпустил), появившихся у северных ворот. Воины шейха беспрепятственно раскрыли ворота, пропустили повелителя и Мирдани, не смевшую перечить своему буйному братцу, и покинули город.

– А как вы разделались с Дагарнусом? – поинтересовался киммериец. – Как выманили из города?

– Я послал одного из своих воинов сказать кофийцу, что нужная ему вещь находится в старой сторожевой башне у известного мэтру человека...

– И все? – изумился Конан.

– Представь себе! Видимо, Дагарнус подумал, что речь идет о тебе. Господин посланник потерял голову, услышав о Нейгламе, находящемся совсем рядом, а как ему удалось выбраться из города – этого мы уже никогда не узнаем. Расправиться с ним и двумя телохранителями было проще простого...

«Надо быть по меньшей мере диким зуагирам, – думал киммериец, слушая Джифира, – чтобы так вот, за кувшинчиком вина, травить байки с человеком, которого раньше хотел убить. Головорез он почище меня будет... И Мораддина переплюнул... Да, втроем мы натворили бы дел, и без всяких нейгламов...»

Ночь близилась к концу, когда Конан, сухо распрошавшись с шейхом, отпуская его с видимым неудовольствием, снял со стены очередную шкуру леопарда себе на плащ, заглянул к казначею (едва не упавшему в обморок при виде северянина), сказал ему приготовить сто тысяч империалов – за деньгами пришлет шейх, и невозмутимо запустил руку в сундук, прихватив оттуда пригоршню золота «на дорогу». Старика едва не хватил удар, но

киммериец, проникнувшись к нему невольным сочувствием, утешил хранителя казны Баргэми заверением, что больше никогда в жизни не появится в этих стенах. В чьей жизни, он не стал уточнять...

А вот сонный конюший и не удивился ничуть, когда варвар по-хозяйски вошел в стойло, громогласно потребовав оседлать лучшего коня.

— А вас тут уже ждут, ваша милость, — кланяясь, сказал конюх. — И лошадку вам подобрали...

Конан охнул, на миг представив себе решившую сбежать вместе с ним Мирдани, но увидев знакомый низкорослый силуэт, радостно выругался. Возле маленькой степной лошадки стоял не кто иной, как Мораддин, укоризненно глядевший на киммерийца.

— Бросить меня захотел! — пожурил варвара полугном. — Не выйдет! Куда тебе, медведю киммерийскому, без Мораддина?

— А папа? — ослабился Конан. — Я был уверен, что ты уйдешь с гномами, ковыряясь в камнях. Тебя не взяли?

— Я сам ушел, — вздохнул Мораддин. — Хотя это было нелегко. Честно скажу, жить вместе с гномами, в их подгорном царстве, я мечтал всегда, но только сегодня понял, насколько привык к людям... Ведь меня воспитали именно они, а не гномы. Зато я знаю, где всегда смогу найти любящих родичей и верных друзей. Гроин не стал меня удерживать...

Конан только криво ухмыльнулся, оглядев оседланного конюхом высокого норовистого жеребца, перетянул подпругу и вывел коня из стойла.

— Поехали! — сказал он Мораддину, который вышел вслед за ним, ведя в поводу приземистую мохнатую лошадку, как раз под свой рост.

— А куда? — спросил полугном. — На рудники мне нельзя возвращаться... Может быть, навестить хорошую страну Киммерию?

— Какая разница! — отмахнулся варвар, вскакивая в седло. — Поехали, потом разберемся, куда!..

* * *

...Солнце, барханы, изрезанные наметенными ветром песчаными волнами, жаркий ветер в лицо... До ближайшего колодца не меньше четырех лиг, а пить хочется уже сейчас, да и лошади устали. Фляги давно пусты, жесткий хлеб не лезет в пересохшее горло.

— Скорей бы вечер, — пробурчал Конан. — Хоть жара спадет... А там и до колодца доберемся.

Мораддин, привстав на стременах и прикрыв глаза ладонью, всматривался в бесконечную желтую равнину, тянущуюся до горизонта. Однообразие пустыни давно уже утомило глаз, и не сразу полугном различил темную цепочку движущегося вдали каравана. Судя по тому, что караван шел на север, путь его лежал в Султанапур.

— А ну давай-ка за мной, — бросил Мораддин киммерийцу, подгоняя лошадь. — Можно будет к ним на время присоединиться.

Когда лошади забрались на гребень высокого песчаного холма, Конан неожиданно натянул поводья, остановив лошадь, и сощурил глаза, напряженно глядя вперед.

— Как ты думаешь, что у них происходит? — медленно проговорил он, обращаясь к Мораддину.

Полугном ничего не ответил, наблюдая за облаком пыли, неожиданно образовавшимся над караваном. Верблюды, шедшие друг за другом ровной цепью, стали разбегаться в разные стороны, взрывая песок и скидывая всадников.

— Слушай, варвар! — осенило вдруг Мораддина. — А не равах ли это напал на купцов? Поехали, посмотрим!..

Киммериец, выругавшись под нос, круто развернул коня и погнал в противоположную сторону.

— Пошел ты к Нергалу! — крикнул Конан, обернувшись. — Хватит с меня равахов!

КОНЕЦ

Сентябрь – ноябрь 1996 года

O. Локнит и компания